Л И К И и з 2 0-г о В Е К А

Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток…

А.С. Пушкин

От издателя

Когда куранты на Спасской башне стали отбивать удары перехода от 2019-го к 2020-му году, у меня вдруг пошли одна за другой такие мысли.

Первый…
Когда-то под него Андрей Тимофеев поднял рюмку…
С последним его не стало…
Сколько уже лет прошло…
Какой был рассказчик!..
И что я его так *слабо* уговаривал записывать…
Собрать бы под одну обложку…
Только маловато будет даже для *книжицы*…
Может, своих добавить?..
О наших общих знакомых…
По работе…
Как многих уже нет…

Под звуки гимна возникло и название *общего труда* — «Лики из 20-го века».

Просто выбрать из уже изданного, ничего не изменяя.

Можно и дополнить…

Можно включать фрагменты из написанного самими *героями*, и о них кем-то…

Издать в память об этих *ликах* и подарить тем, кто их ещё помнит…

Да, вот ещё: обязательно в конце *книжицы* поместить «Именной указатель».

Э.С. Никулин, А.В. Тимофеев

ЛИКИ
из 20-го ВЕКА

«МОЗАИКА НК»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2020

ББК 84
Н65

Никулин Э.С., Тимофеев А.В.
Н65 Лики из 20-го века. — СПб.: «Мозаика НК», 2020. — 172 с.

Собраны под одну обложку опубликованные ранее и дополненные воспоминания авторов о своих бывших сотрудниках по работе в ЦНИИ им. акад. А.Н. Крылова и НПО «Аврора».

ББК 84

Любого рода «заимствования» из этой книги возможны только с разрешения издательства «Мозаика НК».

© Э.С. Никулин, 2020
© А.В. Тимофеев, 2020
© «Мозаика НК», 2020

Э.С. Никулин

«ЗАБЫТЬ БЫЛОЕ ЛЮДЯМ НЕ ДАНО…»

«Забыть былое людям не дано…»

Это строка из одного стихотворения НИК — Нины Ивановны Коршуновой.

Интересный факт: из раздела «Именной указатель» следует, что чаще всего в этой книжке упоминают НИК. Тому причиной можно считать:

– авторы книжки знали Нину на протяжении всей своей работы в ЦНИИ им. акад. А.Н. Крылова и НПО «Аврора»;

– Нина была знакома почти со всеми представленными в книжке «ликами» и что-то делала для них, писала о них;

– многие из «ликов» знали Нину и упоминали её в своих текстах для сборника «НИК и наша память».

Так что — всё закономерно.

«ПОНИМАЕТЕ ЛИ…»*

Василий Алексеевич Скулябин

И ещё я знал одного человека из группы «партийные коммунисты» — Василия Алексеевича Скулябина, начальника отдела, в котором я начал работать инженером.

Всё познаётся в сравнении.

Однажды на похоронах я увидел человека, который при отпевании не зашёл в часовню. Спросил у знакомых: «Кто такой и почему игнорирует?» Оказалось, что это какого-то ранга секретарь райкома партии и не может, видите ли, позволить себе быть в церкви. Даже ради близкого родственника! На меня, что называется, напал столбняк от удивления. И я вспомнил поведение В.А. Скулябина в аналогичной ситуации.

В самом начале моей работы нашему отделу пришлось хоронить молодого сотрудника, монтажника. Для меня тогда это было в новинку. Всем коллективом мы поехали на Серафимовское кладбище. Только начали отпевание, как в церковь вошёл В.А. Скулябин, простоял всю службу и потом пробыл до завершения церемонии прощания.

С кладбища я уходил вместе с А.В. Тимофеевым. Нас догнал В.А. и сказал: «Меня ждёт такси. Могу и вас захватить».

Мы с Андреем переглянулись, — сесть с В.А. в машину означало поехать вместе с ним на работу, а у нас после похорон настрой был на другое — где-нибудь *посидеть*. Мы вежливо отказались.

Представляешь, ПрУ, как меня поразило тогда поведение В.А.? У него были дела по работе, но к назначенному часу он приехал на такси, которое столько времени прождало его у ворот кладбища. И после вернулся на работу.

---

* Из книги «Бортжурнал Ушастого. Часть вторая» (СПб, «Мозаика НК», 2013), в которой представлены беседы автора с ПрУ — Призраком Ушастого (автомобиля «Запорожец»).

Давай, ПрУ, отвлечёмся от *границ*, *партии*, *групп*, и я тебе расскажу о В.А. Скулябине. Вернёмся на время к теме «Как мы жили в XX веке». Согласен?

— Конечно.

— О нём я кое-что уже писал раньше. Попробую повспоминать более полно и *системно*, используя *самоцитаты*. Итак, слушай.

Как я говорил, в 62-м я был распределён в отдел Скулябина. Тогда этот отдел входил в ЦНИИ им. акад. А.Н. Крылова и размещался на Суворовском проспекте в здании бывшего госпиталя, известного тем, что 19 сентября 1941 года он был разрушен громадной бомбой.

В этом же отделе работала и Нина. Вот как, повествуя о тех временах, только что упомянутый А.В. Тимофеев завершил свой замечательный рассказ «Стоп-кадр» (сб. «НИК и наша память»):

Вскоре в наш 54 отдел пришёл, тоже из ЛЭТИ, Эдик Никулин. Он быстро зарекомендовал себя прекрасным инженером. В.А. Скулябин очень ценил и даже, можно сказать, любил Эдуарда Сергеевича, выдвигая его и поручая ему сложные и ответственные работы.

Но самое главное, — Ниночка Коршунова и Эдик Никулин встретились и стали настоящими и нераздельными «половинками» друг друга на многие годы…

Как время бежит, — особенно в старости, — я последний раз видел Ниночку в апреле 1990 года на юбилее Эдуарда Сергеевича в ресторане «Метрополь», где она великолепно открыла банкет.

Светлая ей память.

Андрей, конечно, переборщил, говоря об отношении В.А. ко мне. В то время мои контакты с ним были эпизодическими, но каждый раз оставляли *воспитательный* след.

Вот что я где-то писал о тех далёких временах, когда довелось побывать на «золотой рыбке» (так в шутку называли подводную лодку с корпусом из дорогущего титана):

Первой моей разработкой было устройство для задания времени заполнения водой пусковой шахты после ухода из неё

«изделия». На заказе что-то не заладилось, и меня отправили в Северодвинск. Пока я туда добирался, причину нашли и устранили, меня же приспособили для наблюдения за бортом и крышкой люка у шахты. Картина впечатляла: часть борта лодки (щит) вдруг отрывается от неё и взмывает в сумеречное небо. При сдаче системы малое пространство около её пульта управления заполнилось невероятным количеством людей. ВИЗ (ведущий инженер заказа) бодро читал инструкцию и молодецки выполнял её предписания. Но вот он щёлкнул очередным тумблером и… лицо его внезапно стало белым, как мел, и покрылось крупными каплями, а вокруг разлилась гнетущая тишина… Видать, ту «заковырку» удалось как-то преодолеть, ибо вечером в гостинице состоялся грандиозный «сабантуй». Прошло лет сорок, а тот момент — покрытое пòтом белое лицо — так и стоит перед глазами.

После окончания всех работ по этому устройству В.А. пригласил меня в свой кабинет и сказал…

Тут надо заметить, что В.А. ко всем обращался на «Вы» и по имени-отчеству. Всегда он выглядел *парадно*: чёрный костюм, белая рубашка, галстук, тщательно выбрит, большие очки в роговой оправе. В общем, ни дать, ни взять — человек из высших сфер Запада. И только оканье выдавало его вологодское происхождение.

Так вот, сказал мне тогда В.А. примерно следующее:

— Эдуард Сергеевич! Разработка устройства РВ закончена, его опытные образцы прошли испытания, списаны и больше не нужны. А у меня сын, понимаете ли, занимается фотографией и хочет сделать реле времени для печати. Думаю, что наше РВ ему может пригодиться. У меня к Вам просьба — найти один экземпляр, приложить к нему схему и оформить мне пропуск на вынос.

— Хорошо, Василий Алексеевич! Только зачем пропуск — ведь у Вас разрешение на портфель, положите всё в него и вынесете.

— Эдуард Сергеевич! Портфель — для документов. Я же не могу нарушать правила!

Идея В.А. мне понравилась, я решил и себе сделать *автомат* для фотопечати. Но уж, конечно, пропуск не оформлял, вынес на животе.

Однажды пришли ко мне из отдела надёжности и стали просить сделать какую-то электронную *приспособу* для испытаний разъёмов. Обещали включить в план. Я пошёл к В.А. Он выслушал и сказал:

— Эдуард Сергеевич! У нас научно-исследовательский отдел, а не мастерская по ремонту электроизделий.

Так я получил урок: не надо разбрасываться! И все 44 года работы в судпроме старался следовать этому принципу.

Ещё об одном контакте с В.А. я в «Мыслишках» под шапкой «Об изобретениях» написал так:

> Помню моё первое участие в заявке на изобретение (середина 60-х). Системщик из соседнего отдела, В. Малетин, выдал в наш сектор задание на устройство для программного изменения во времени температуры теплоносителя первого контура ЯПЭУ (ядерной пароэнергетической установки). Мы с начальником сектора М.Н. Глазовым быстренько набросали структуру устройства, которая Малетину так «показалась», что он решил её «заявить» (вместе с нами). Для меня структура была очевидной, но я молчал (молодой специалист!). Зато не промолчал начальник нашего отдела В.А. Скулябин. Но поскольку инициатива шла из другого отдела, его слово не было последним. Решение по заявке, как и следовало ожидать, было однозначным: все блоки «применены по прямому назначению».

Тоже урок в деле написания заявок на изобретения: «Прямые шары не проходят». Лучше следовать принципу Бармалея (которого играл Р. Быков в к/ф «Айболит-66»): «Нормальные герои всегда идут в обход».

Так что, ПрУ, повторяю, мои контакты с В.А. во время нашей совместной работы в ЦНИИ им. акад. А.Н. Крылова были эпизодическими и чисто служебными. К тому же и разность положений: я — всего лишь молодой специалист, а он — в возрасте, начальник отдела, учёный, преподаватель, лауреат госпремий… А потом, в году этак 68-м, отдел разделили — большую часть перевели в ЦНИИ «Аврора». Скулябин же остался, естественно, со своей любимой тематикой в «Крылова».

Казалось бы, разошлись наши с ним пути-дороги. Ан нет — наоборот: они со временем перешли в неофициальные.

Этому способствовали застольные встречи В.А. со своими сотрудниками, сначала на его юбилеях, потом, когда В.А. остался один, ежегодно на его дне рождения (21 января).

Мне почему-то запомнилось празднование юбилея В.А., когда он, ещё с женой и сыном, жил в маневренном фонде в районе Чёрной речки, за Серафимовским кладбищем (их дом был на капитальном ремонте). Запомнилось, наверное, потому, что и мне довелось в 64-м пожить в этом *фонде*, правда, без крепких квартирных тылов.

Через какое-то время у В.А. не стало жены, а потом и сына. Помню, как после похорон сына В.А. в автобусе подсел ко мне. Всем налили традиционные *граммульки*. Выпили. Помолчали. Он был в зимнем пальто, в шапке *пирожком*, нахохлившийся. Меня сверлила мысль: как он будет один в пустой квартире? Выдавил из себя:

— Да, Василий Алексеевич, трудно Вам будет. Но надо держаться!

— Надо, Эдуард Сергеевич, надо…

Потом, на днях рождения В.А., выяснилось, что у нас с ним есть и точки соприкосновения, что называется, *по жизни*.

В сборнике «НИК и наша память» после рассказа А.В. Тимофеева «Стоп-кадр» приведена одна страница о В.А. Вот выдержки из неё.

Воистину — «мир тесен».

Могли ли мы (НИК и я) в начале 60-х предполагать, что через много-много лет будем находиться в «неформальных» отношениях с начальником нашего 54 отдела В.А. Скулябиным, тогда казавшимся «недосягаемым» для нас ни по возрасту (родился в 1907 году), ни по «статусу» (канд. техн. наук, лауреат разных премий, преподаватель).

О В.А. можно писать много, на одной странице уместятся только некоторые «житейские» эпизоды из воспоминаний о нём.

* * *

Сотрудники отдела видели в В.А. не только принципиального и требовательного начальника, но и человека интеллигентного, настойчивого, увлекающегося работой, направлявшего всех нас на путь истинный своим по-вологодски окающим голосом…

После очередного инфаркта В.А. попал в больницу на пл. Л. Толстого. Бывшие сотрудники навещали В.А., но ему необходим был постоянный уход. Вызванный мной из Ярославля его племянник Володя приехал всего на несколько дней, — работа! (Кстати, он привёз мне «передачу» — фотоальбомы нашей семьи.) После отъезда Володи Нина уговорила дочь подруги Аню, учившуюся в то время в институте, помогать В.А. (и после выписки). В больнице у В.А. возникла одна «проблема», решить которую простыми способами не удавалось. Нина наняла медсестру, но она, как ни старалась, не смогла сделать необходимого, расплакалась и убежала. Тогда Нина взялась за дело сама… Когда потом я спросил, как ей это удалось, она ответила, что вспомнила рассказ свекрови о её действиях в подобных ситуациях…

Изредка мы с Ниной заходили к В.А. в гости. Хозяин квартиры на Малом проспекте Петроградской стороны встречал нас в неизменной «форме»: чёрный костюм, белая рубашка, галстук. И начинались рассказы о «былом». Нина просила В.А. найти их семейный альбом и, рассматривая фотографии, с интересом слушала комментарии. Мне особенно запомнился рассказ о том, как Нюре (так В.А. называл жену Анну) однажды в 30-е годы пришлось из Вологды в Ленинград добираться пешком. На что только ни способны женщины в России!

Когда я заходил к В.А., он усаживал меня в кухне, доставал бутылку молдавского коньяка и начинал вспоминать, двигаясь «вглубь времён». О командировке в Чикаго (его отчёт о ней храню). Об эвакуации в Казань (город моих родителей). О поездке в конце войны на Каспий по всей Волге (родной мне реке). О родственниках в Ярославле (и мои там). О своём детстве под Вологдой, где недалеко от них жили ссыльные эстонцы (среди них и мой дед!)…

* * *

Вот как соприкоснулись судьбы людей из «Стоп-кадра».

Воистину — «мир тесен».

Много чего порассказывал мне В.А., когда мы с ним уютно беседовали в его кухоньке за чаем и молдавским коньяком.

Как он в детстве жил в деревне под Вологдой, недалеко от молокозавода.

Как до войны учился на рабфаке в Вологде.

Как его разыскали вологодские комсомольцы и попросили прислать воспоминания об учёбе на рабфаке. И как он с ними ведёт переписку на эту тему.

Как во время войны он был переведён с судпромовским предприятием в Казань.

Как он, будучи отправлен в командировку, уже после Сталинградской битвы, пробирался по Волге в Каспийское море на испытания какого-то корабля и сколько трудностей было в дороге. Как его спутник проявил практичность, принёсшую им большую пользу: обменял часть их денег на *твёрдую валюту* в виде мешка воблы. Добрались, а испытания отменили.

Как он вместе со своими сотрудниками испытывал в морях системы размагничивания кораблей, и какие при этом происходили забавные неожиданности.

Как он летал на научный конгресс в Чикаго, а на обратном пути в Париже по совету своих коллег в маленьком магазинчике у аэропорта остававшуюся валюту отдал за несколько бутылок шампанского и коньяка, на поверку оказавшихся гораздо хуже «Советского» и армянского.

Как… Сейчас уже и не вспомнить все эти «как».

О политике мы говорили редко и мельком. В.А. только усмехался: «Понимаете ли…» Однажды он, тоже с усмешкой и мельком, упомянул, что его периодически приглашают на собрания партячейки при ЖЭКе. Собственно говоря, я и не сомневался в том, что В.А. сохранит статус-кво, не последует «веленью моды», не побежит сдавать партбилет и записываться в другие партии.

Однажды пришёл к В.А. и вместо привычных двух полок с хрусталём увидел в шкафу пустоту. Спрашиваю, а в ответ:

— Вы знаете, верхняя полка упала на нижнюю, остались, понимаете ли, одни осколки. Вынес в мусорный бак. Да и зачем мне всё это? Разве, как память о Нюре…

Эти традиционные для В.А. «Вы знаете» и «понимаете ли» вместе с вологодскими интонациями и оканьем делали его речь, как говорят в артистических кругах, хара́ктерной.

Но тут В.А. был не прав: хрусталь был нужен — раз в год мы доставали из шкафа рюмки, фужеры и прочее, использовали по прямому назначению, опосля мыли и ставили на место.

Один раз наш с Ниной визит к В.А. окончился неудачно: у него прихватило сердце. Таблетки не помогали. Решили отправить Нину домой к детям, а мне встречать «Скорую». В Покровской больнице на Васильевском острове устроили В.А. так поздно, что мне пришлось просидеть остаток ночи в приёмном покое (транспорт уже не ходил, а на такси денег не было). К счастью, тогда у В.А. ничего серьёзного не обнаружили, и он всё сокрушался, что в тот вечер не удалось *посидеть*. Должен сказать, что В.А. видел в Нине деятельную натуру и всё спрашивал у меня: «Нина Ивановна открыла своё дело?»

(Но вся деятельность Нины Ивановны в те *знойные годы* начала *реформ* была направлена на жизнеобеспечение семьи. А для отдыха души — чтение книг и журналов, изготовление мягких игрушек, которые она дарила родным и знакомым, и иногда написание, не привлекая к этому моего внимания, своих *опусов*.)

Мы все, бывшие сотрудники В.А., надеялись вместе с ним отпраздновать его столетие. Но — не получилось: сумма негативных *реалий* превысила критический порог.

Как-то зимой 96-го у В.А. закончилось одно из его постоянных лекарств. В ближайшей аптеке его не было. Он поехал на Васильевский остров. На обратном пути долго ждал трамвая. На остановке скопилась толпа. Когда пришёл трамвай, жители *культурной столицы* не только не помогли В.А., но и опередили его. Он втиснулся последним. Водитель поехал, не закрыв двери. От толчка В.А. выпал из трамвая. Результат — травма головы и перелом руки. Тут, наконец-то, нашёлся Человек и на своей легковушке повёз В.А. туда, где он лежал *с сердцем*. Там не приняли, велели везти в Городскую, что недалеко от дома В.А.

В этой *Городской* я навестил В.А. Жуткое зрелище! Никакой охраны: входи и выходи кто захочет и когда захочет. Палата громадная, верхняя одежда тут же, постельное бельё должно быть своё, всё какое-то серое, мрачное. В палате даже, по-моему, курили. Как будто сюда свозили бомжей со всего города. Потому, наверное, и *Городская*…

Но В.А. выглядел молодцом, на всё смотрел оптимистично. На голове у него повязки уже не было, рука в гипсе, — и я стал убеждать В.А. плюнуть на эту *Городскую* и перебраться в свою квартиру, благо, это было совсем близко. Нашлись бы на работе добры молодцы, которым не составило бы труда поднять В.А. на его этаж. Но В.А., к сожалению, не принял предложение: «Тут всё же медицина!» Когда я уходил, он решил проводить меня. Но с соседней койки мужик закричал: «Василий! Ты куда?! Тебе же врач запретил ходить!» Меня так и резануло: это к нашему-то интеллигентному Скулябину такое обращение!

Вот и остался у меня в памяти этот «стоп-кадр» (А.В. Тимофеев): улыбающийся В.А. с рукой в гипсе среди бомжей в арестантской палате.

На следующий день я с работы позвонил главврачу этой *Городской*. Просил учесть наличие у В.А. *сердечных* проблем, и вообще… Главврач обещал, но был, по-моему, обижен: «Может, у нас условия и не такие хорошие (!), но зато врачи опытные».

Через несколько дней у В.А. возникли какие-то проблемы, и его перевели в другую больницу. Как рассказывали потом приехавшие из Ярославля родственники, там В.А. что-то пытался объяснить, попросить, даже потребовать. Но врачи сочли это за *невроз сердечника* и приняли свои меры для успокоения. В общем, *успокоили*…

Вот и не стало Василия Алексеевича Скулябина…

«РАБОТАТЬ С ВАМИ — ЭТО ЧЕСТЬ…»

Михаил Носонович Глазов

На преддипломную практику я попал в ЦНИИ им. акад. А.Н. Крылова, в отдел В.А. Скулябина. Это в 1962 году.

Начальником лаборатории был Яков Зиновьевич Цифринович, руководителем группы — Артур Григорьевич Цуреф. Меня даже «ввели в штат» на должность техника. Там же я писал и дипломный проект, руководителем был Оскар Евельич Мендельсон.

Потом, не помню по какой причине, наверное, из-за перераспределения работ в отделе В.А. Скулябина, меня перевели в сектор М.Н. Глазова. Сначала в него входили сотрудники, занимающиеся размагничиванием судов, но после «реорганизации» В.А. Скулябин с ними «уехал» на «Рогатку», а сектор М.Н. Глазова, входящий в лабораторию Игоря Александровича Ильина, остался на Суворовском проспекте в Пятом отделении.

Вскоре произошло моё первое и последнее «непонимание» В.А. Скулябина. Он вызвал меня к себе и спросил, почему не может найти М.Н. Глазова.

— У него отец в тяжёлом состоянии, на грани. М.Н. с ним, дома.

— Но ведь он нужен по работе!

— Васи-и-лий Алексеевич! — протянул я. — Ведь в такой ситуации человеку не до работы!

Решили, что я схожу к М.Н. и что-то с ним выясню по работе или подпишу. Совершенно не помню, куда мне довелось пойти, что я там делал. Запомнилось одно: сумрак в квартире и гнетущая атмосфера неизбежного…

Первое время сектор был в основном женским.

Однажды в день рождения М.Н. появился цветной коллаж, на котором был изображён парусник, за штурвалом «морской волк» М.Н., на реях сидят девушки (в бикини!), а

в волнах видна голова плывущего рядом человека. Под рисунком строки:

Правя женскою ватагой,
Обладай, моряк, отвагой.
А Никулин может сам
По морям и по волнам.

В этой «женской ватаге» я получил «подарок судьбы» — так о Нине говорила её подруга Мила Голованова. Подарок «на всю оставшуюся». Началось с того, что нам вместе пришлось работать над какими-то «проблемами», оставившими след в виде статьи в журнале «Судостроение» (1966, № 11): М.Н. Глазов, Н.И. Коршунова, Э.С. Никулин «Аналого-цифровой преобразователь, сохраняющий информацию при перерывах питания».

Сколько же мы с М.Н. написали этих статей! Публиковали в самых разных журналах. Когда-то я вёл им учёт, но потом перестал. (Может, зря?)

А вот с учётом изобретений было лучше. Мы с М.Н. так набили руку в оформлении бумаг по заявкам на изобретения, что из восьми нами поданных получали положительные решения на семь. Тогда как в стране было наоборот: из восьми заявок только одна доходила до выдачи авторского свидетельства.

При написании заявок и в спорах с экспертами приходилось оттачивать письменную речь, что потом мне пригодилось как издателю…

Должен сказать, что каких-то особых материальных благ эта деятельность не приносила. Вписывать в авторы начальство, что способствовало бы оформлению актов на внедрение, мы принципиально не хотели.

Мудрая Нина вскоре поняла, что родственникам лучше работать в разных местах, и перешла в п\я 200, поближе к нашему дому. Но потом возникло НПО «Аврора», и мы снова оказались вместе, хотя и в разных подразделениях на разных «площадках».

К тому времени М.Н. повезло: дошла его очередь на покупку первой модели «Жигулей». Повезло от этого и

нам с Ниной: М.Н. с удовольствием приглашал нас вместе с ним «покататься». Ездили к «шалашу Ленина» в Разливе; к нашему старшему сыну, когда он школьником работал в колхозе; на озеро Красавица… Однажды даже в Ригу ехали вместе с М.Н. А когда я надумал получать права, то М.Н. помогал мне осваивать азы вождения…

Одна поездка осталась в памяти в деталях. Не с Ниной, а с нашим общим сотрудником Виктором Бариновым. Как-то ранней осенью Виктор уговорил М.Н. съездить на его машине за брусникой на реку Оять, где она впадает в Свирь. В экипаж входили приятель Виктора и я. Поехали с ночёвкой. Взяли резиновую лодку и палатку. Свернули с шоссе под мост. Спуск был такой крутой, что я подумал: «Если дождь, то выберемся ли?!» На берегу Ояти встретили человека с машиной и палаткой. Оказалось, что это писатель, каждый год сюда приезжающий и долго здесь отдыхающий от людей. Мы оставили машину, накачали лодку, переплыли Свирь, засунули лодку в кусты и пошли в лес и по болотам «за брусникой». В кавычках, ибо её не находили, а собирали грибы. Обратно к реке подошли уже в темноте. И ведь как-то нашли лодку!..

* * *

Вспоминаю один случай из начала 70-х, о котором я рассказал, уже в 21-м веке, только А.А. Шалыто после того, как он мне поведал, как ему, оказавшемуся в «деликатной ситуации», помог Г.И. Никитин, бывший в то время заместителем секретаря партбюро НПО «Аврора». Теперь можно и всем рассказать…

Однажды город был взволнован слухами о несостоявшейся акции с названием «Свадьба». Замысел участников акции состоял в угоне самолёта в Финляндию. Но органы усекли, пресекли и начали дотошный поиск всех, каким-то образом причастных к этой акции, включая выявление не только непосредственных участников, но и всех их знакомых.

На свою беду наш М.Н. оказался в числе знакомых одного из имевших какое-то отношение к «Свадьбе».

Органы, конечно, сообщили об этом администрации с намёком, что надо «принять меры». И та задумала снять М.Н. Глазова с должности начальника сектора.

Когда до меня дошли слухи об этом, у меня всё внутри закипело: да мало ли у кого каких знакомых! И мне захотелось как-то противодействовать.

Но как и через кого?!

Об обращении в «органы» и речи не могло быть. В администрацию? Ой ли! И тут я вспомнил, что у нас во главе всех дел стоит партия. И я решил пойти к секретарю парткома «Всея «Авроры».

Тогда им был Пётр Петрович Сидоров, которого почему-то за глаза называли «Цыганом», наверное, не только за внешний вид, но и за горячность.

Размер кабинета меня поразил, но не охладил. И я стал высказывать Петру Петровичу всё, что думаю об этом «деле». И высказывал, наверное, весьма эмоционально, ибо, как мне сейчас кажется, П.П. слушал меня и с любопытством, и с удивлением, а может, даже и с восхищением.

Так или иначе, но результат моего «взрыва» стал неожиданным. Не только для М.Н. Глазова (его оставили в покое), но и для меня: П.П. Сидоров меня заприметил и, можно сказать, «зауважал». При встречах он всегда меня приветствовал, даже о чём-то спрашивал. А когда стал начальником отдела кадров, то включал меня в «десант для вербовки» студентов из ЛЭТИ.

И однажды П.П. дошёл до того, что задумал сделать меня председателем профкома «Авроры». Им был в то время Виктор Алексеевич Липанов, которого прочили в начальники отделения и который впоследствии стал директором опытного завода. И вот П.П. пошёл к Сергею Александровичу Обуховскому, начальнику отделения, в котором я работал, и попросил меня «отпустить». На что С.А. ответил: «Отпущу. Но вряд ли ты его уговоришь, он считает себя технарём!» И как в воду глядел. Я поблагодарил Петра Петровича за доверие, но наотрез отказался от этой «чести». Надо отдать должное П.П. — он отнёсся к моему

категорическому отказу с пониманием и продолжал быть со мной приветливым…

Вот так «протянулась жизни нить» (НИК) от М.Н. Глазова до П.П. Сидорова…

* * *

По случаю моего 70-летия сектор, которым я когда-то «командовал», подготовил «Не советскую газету» на четырёх страницах формата А4. Как сказала одна из наших авторов, «инженер должен уметь делать всё, даже стихи писать». Вот и М.Н. поздравил меня с Юбилеем такими стихами:

Э.С. Никулину

Нам всем уже немало лет,
Но, как сказал один поэт,
Ещё не вечер,
Ещё не кончены дела
И жизнь прекрасна, как всегда,
И надувает паруса
Попутный ветер.
Пусть дольше века длится день
Среди коллег, среди друзей.
И пусть сияет солнце…
Увы, ушедшие года
К нам не вернутся никогда,
Но память о минувших днях
И тех, кто рядом был всегда,
Хранит «Мозаика» твоя.
И летопись течёт рекой
Из чистой правды ручейка.
Твори, дерзай, пиши
И правь своею твёрдою рукой.
Нельзя быть вечно молодым,
Но можно быть самим собой,
Таким, как знаем мы тебя.

А теперь стихи, посвящённые М.Н. Глазову. Из книги НИК «Избранное на «авроровские» темы» (2002) и Г.А. Григорьева из сборника «От А до Я из «Авроры» (2004).

НИК
М.Н. Глазову на 60 лет

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой…
Берём бумагу, фото, клей —
И вот в «Шушарах» ты на свёкле.

Кругом тебя полно народу.
В шестидесятые те годы
Назарова нас просвещает
И Окуджавой угощает.

Груз пройденных годов отринь
И взором прошлое окинь.
Вглядись, узнай, кого сумеешь.
И с ними ты помолодеешь.

6 февраля 1997

Г.А. Григорьев

М.Н. Глазову

Жизнь человека — цепь событий,
Разлук и встреч, работ и дат.
Шум юбилеев всем привычен, —
Годами коллектив богат.

Но этот день не просто дата,
Итог достойного пути,
Который вместе с Юбиляром
Нам посчастливилось пройти.

Учитель, метр — слова и звуки
Не отражают жизни суть!
Вдвойне достоин уваженья
Тот, с кем не в тягость долгий путь.

Мы не грешим высоким слогом,
Эпитетов не перечесть,
И в том клянёмся перед богом,
Что это чувства, а не лесть.

Ваш путь — науки постиженье,
Работать с Вами — это честь.
Вы нас не угнетали знаньем,
Девиз Ваш — к людям уваженье.

И вот итог — мы с Вами здесь.
Да, Вы скромны, мы это знаем,
Но Вам придётся потерпеть.
По крайней мере, обещаем,

Что гимнов Вам не будем петь.
Не будем вспоминать изделий,
И про заказы промолчим,
Поскольку это не анкета,

И орденов мы не вручим.
Мы Вам признательны от сердца
За то, что Вы такой, как есть.
Ведь быть хорошим человеком

И в наше время — это честь!
Вас больше утомлять не будем,
Здоровья Вам и лет — не счесть!
Итоги остаются людям!

В СНАХ О ДОЛГАХ

Раиса Фёдоровна Никифорова

Как соединить в названии этой байки её ключевые слова? Думал-думал и придумал — аллитерацией «ах». Ах, эти сны! Ах, эти долги! И получилось: «В снах о долгах».

И хотя это байка, а не сказка, пусть будет у неё и присказка.

Есть у кого-то из XIX века рассказ, как некто, задумав прибыльное дело и не имея на то денег, попросил их в долг у народа на базаре. Кидали ему в шапку. Кто сколько мог. И накидали. Некто не знал, кто и сколько дал. Дело сделал, прибыль получил. Положил в шапку занятые деньги и пришёл на базар: «Разбирай!» Разобрали. Осталась в шапке рублёвка. Видать, кого-то не было…

Такая вот присказка. А теперь сама байка.

* * *

В середине 60-х у нас с Ниной не было ни кола, ни двора. Снимали и переезжали. Снимали и переезжали… А тут возникли ЖСК — жилищно-строительные кооперативы. У кого метров мало, а деньги есть — пожалуйста!

По метрам у нас был порядок — их не было. Но и денег… На двухкомнатную надлежало внести 2200 рэ. Это при зарплате-то инженеров 100! А свою «хату» хочется! Мы решились. Оформили бумаги. И пошли по родственникам и знакомым. Конечно, родители подкинули. В меру сил своих. Но… Появилась тетрадка: кто, сколько и на какой срок.

Набрали. Внесли.

И всё бы ничего, да после жеребьёвки вдруг оказалось (то ли этаж 8-й, то ли что другое): надо добавить ещё 200. Срок — сутки. Не успеешь — «гуляй, Вася!» До получки же — неделя! А все знакомые уже «выжаты»…

На следующий день — «хождение по мукам». Знакомым, ближним (повторно) и дальним. Перед самым окончанием рабочего дня Нине удалось добыть последние 3 (три!) рубля. (До сих пор помню — это была Алла Финн из отдела надёжности.) В общем, наскребли и на доплату.

И как мы дожили до получки… Потом стали отдавать, начиная с мелочёвки. Перезанимали, если сроки подходили.

Когда въехали в голые стены, у меня появилась «фобия».

Однажды приснилось, что я забыл отдать моей сотруднице занятую у неё (на обед) рублёвку.

Утром я протянул Раисе светло-коричневую бумажку:

— Извини, брал у тебя, да забыл отдать.

Раечка засмеялась:

— Ты что? Меня на всхожесть проверяешь? Ничего ты у меня не брал!

Сон повторился. Я снова к Рае. Она уже не смеялась:

— О т с т а н ь !

После третьего такого же сна я поведал Раисе о своей «фобии». Она посмотрела на меня внимательно и решительно сказала:

— Давай твою рублёвку!

Сны о долгах «отстали».

Прошло много-много времени. Раечка вышла на пенсию. Получила перелом бедра. Травмпункт проигнорировала. Стала лежачей. Лежала, курила, звонила знакомым. Иногда и мне. Так, поболтать. Как-то спросила: «А помнишь, как ты отдавал мне рублёвку?»

Лучше б она (царствие ей небесное) не вспомнила это!

Вскоре я проснулся в холодном поту: будто я у своих сотрудников назанимал кучу денег и забыл отдать. Рассуждая «логически», я доказывал себе, что этого не могло быть — причин не было. Но осадок остался. Спустя какое-то время сон повторился. Тут уж я знал наверняка, что за это время ни у кого ничего не занимал. Значит, всё это — происки подсознания. «Отстали».

И вот недавно «фобия» проявилась. Уже наяву.

Перебирая изданные нами книги, обнаружил несколько «Гамлетов» в переводе Карпачевского. Вообще-то типография делает на 1–3 экземпляра больше (на случай брака, которого у неё, как правило, не бывает). Но вспомнил, что на «Гамлета» хотел устроить «мини» подписку… Обычно в этом деле у меня порядок: список подписавшихся с отметкой о выдаче. Но тут списка не было. Стал вспоминать.

Предлагал одной, балующейся переводами с английского. Интереса не проявила.

Предлагал Котлярову. Он заявил, что есть классические переводы, и других он не признаёт. Для примера привёл «Лесного царя» Жуковского и даже с выражением продекламировал первую строку оригинала:

Wer reitet so spät durch Nacht und Wind…

Но и я не лыком шит, в тон ему прочитал вторую:

Es ist der Vater mit seinem Kind…

Уходя из кабинета любителя классических переводов, подумал: так ли уж точно перевёл Жуковский балладу Гёте? Специалисты говорят, что он далековато отступил от подлинника. Хотя его перевод сразу же был признан образцовым. Однако…

Вот и Лермонтов. «На севере диком стоит одиноко…» Весьма вольно переложил. Даже пол «героя» изменил: кедр Гейне заменил на свою сосну…

А ещё у М.Ю. есть «Из Гёте»:

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы…
Подожди немного,
Отдохнёшь и ты.

Красиво. Но, по-моему, с оригиналом общего мало. Как по содержанию, так и по форме. Весьма вольный перевод стиха «Wanderers Nachtlied» («Ночная песнь странника»).

Нет, Котляров на «Гамлета» не подписывался. Из принципиальных соображений.

Кто же подписывался?

* * *

Был бы тот базар, на котором можно было бы выставить шапку с «Гамлетами»! Сделаю-ка это на нашей встрече «Полтора часа…» Авось, кто-то признается! А если в шапке останется лишняя «рублёвка», то подарю её музею с надписью: «Музею-квартире Льва Гумилёва от «Мозаики НК» в день прочтения этой байки».

27 января 2012

P.S. Раиса Фёдоровна Никифорова участвовала в разработке: «Система программно-дистанционного управления судовым главным турбозубчатым агрегатом» (так указано в авторском свидетельстве на изобретение).

Эту систему, предназначенную для рыболовной базы «Восток», мы с ней окрестили «Экватором».

«ПИСЬМА НАДО ПИСАТЬ ТАК…»

Борис Иванович Козловский

Одно время отделением ЦНИИ им. акад. А.Н. Крылова на Суворовском проспекте руководил Борис Иванович Козловский.

Мне, молодому специалисту, довелось несколько раз «повзаимодействовать» с Борисом Ивановичем, что осталось в памяти… Поэтому-то в нашем сборнике «Мозаика дилетантов» (вып. 5, 2006) в рубрике «Лики России» появились воспоминания наших авторов о Б.И. Козловском. Они приведены здесь полностью, а начинает их вступительное «слово» Евгения Васильевича Панкова.

Е.В. Панков.

Известный специалист по автоматизации кораблей Борис Иванович Козловский (1914–1991) — истинный современник XX века.

В юности он окончил школу судомехаников, затем Ленинградский морской техникум, работал слесарем ГЭС, плавал мотористом и механиком на Каспии, на Балтике, на судах загранплавания (1933–1937). Чтобы иметь возможность продолжить учёбу, перешёл на «стационарную» работу — начальником участка паросиловых установок комбината «Красный треугольник» (1937–1941). Одновременно учился, сначала в политехническом институте, а потом в кораблестроительном.

С мая 1941 года — старший мастер на Адмиралтейском заводе, а после начала войны и командир зенитной батареи на территории завода. В июле 1941 года пошёл добровольцем в народное ополчение, но вскоре был отозван с фронта на завод, где и работал всю блокаду.

В марте 1945 года в звании старшего лейтенанта был направлен на 3-й Белорусский фронт для изучения трофейной корабельной техники. В сентябре 1945 года

демобилизовался. В 1946 году после окончания ЛКИ начал работу в ЦНИИ им. акад. А.Н. Крылова в отделе автоматизации корабельных энергетических установок. Разработал принципиально новый регулятор уровня пароводяной смеси в котлах, получивший широкое распространение (вплоть до настоящего времени) на подводных кораблях, эсминцах, ракетных крейсерах.

В 1951 году защитил кандидатскую диссертацию.

Руководил (с 1953 года) первым в ЦНИИ им. акад. А.Н. Крылова подразделением по автоматизации ядерных паротурбинных установок подводных лодок и ледоколов. С 1962 года в течение многих лет работал начальником огромного отделения, выполнявшего проекты автоматизации различных систем для кораблей и судов всех назначений. Лауреат Государственной премии СССР (1977).

Умный, деловой, скромный, трудолюбивый, интеллигентный, всегда помогавший в работе своим подчинённым и коллегам, обладавший своеобразным чувством юмора, Б.И. Козловский имел непререкаемый авторитет в коллективе, его афоризмы зачастую становились «местным» фольклором.

Б.И. Козловского вспоминают…

Е.В. Панков.

Впервые я познакомился с Борисом Ивановичем в феврале 1952 года в дипломном зале ЛКИ, куда он был приглашён, чтобы дать заключение по моему дипломному проекту.

А уже в марте, когда я пришёл в ЦНИИ им. акад. А.Н. Крылова (в его отделение на площади Труда), после беседы с зам. директора Института, предложившего мне на выбор несколько отделов (тогда так делали), я встретил Б.И., который меня узнал и решительно посоветовал поступить в отдел М.Ш. Шифрина (судовой автоматики). Это совпадало с моей специальностью.

Придя в этот отдел, я оказался с Б.И. в одном секторе. А получив от начальника сектора Б.П. Малова задание на разработку первого мембранного регулятора уровня воды в конденсаторе непрямого действия, тут же стал использовать прежние разработки Б.И. по регулятору нового типа.

Когда опытный образец регулятора после испытаний в Институте был отправлен на Калиниградский судостроительный завод и установлен на одном из сдающихся сторожевых кораблей проекта 50, я отправился в свою первую командировку (1954 год), продолжавшуюся непрерывно около пяти месяцев. Помощником у меня был механик из нашего отдела Коля Козырев (со своим баяном).

Перед началом ходовых испытаний корабль был переведён в Балтийск на базу ВМФ. Мы жили в плавучей «гостинице», рядом был плот, на котором в воскресенье (работ на корабле не было) мы сидели на солнышке: я занимался стиркой, Коля играл на баяне. Именно в этот момент на плоту появился Б.И., который приехал из Ленинграда по собственной инициативе — посмотреть, как идут дела, помочь. Видимо, музыкальное сопровождение стирки на него произвело впечатление: вернувшись в Ленинград, на вопрос о том, как идут работы, он добродушно ответил: «Приезжаю, — Евгений Васильевич рубашку стирает, а Коля на баяне играет».

В первые недели этой командировки у нас были трудности: даже на спокойном стояночном режиме регулятор «покачивало», то есть он без видимых причин срабатывал, а уровень воды в главном конденсаторе колебался. Впервые в практике Института нам приходилось регулировать вакуумный объект. Поэтому я, по молодости, строил разные «научные» предположения, в том числе, из области динамики конденсатора, эжекторов и т. д.

Всё оказалось значительно проще. Я рассказал о проблемах Борису Ивановичу на второй или третий день после его приезда. И вот встречаю Колю, который идёт ко мне со связкой труб: «Б.И. сказал — иди к Евгению Васильевичу и дай ему этими железяками по башке».

Оказывается, Б.И. отправился на корабль, попросил заводских рабочих кое-что отвернуть, подал в систему воду с повышенным давлением, и… струи брызнули из всех штуцерных соединений. Причина была проста: монтажники схалтурили и во многие штуцерные соединения не установили положенные по чертежам прокладки. Такое безобразие мне по неопытности и в голову прийти не могло. Когда прокладки были поставлены, регулятор заработал нормально.

Кстати, подобные казусы встречались и позже, а Б.И. о такой опасности даже упомянул в своей книге «Автоматические регуляторы главных судовых паросиловых установок» (1958).

В период ходовых испытаний корабля Б.И. снова навестил меня. На этот раз дела шли благополучно. Мы обитали на корабле в одной каюте. После рабочего дня Б.И. делился со мной воспоминаниями о довоенных плаваниях, например, в Амстердам и другие европейские порты. Услышав по радио голос Георга Отса в оперетте «Мистер Икс», рассказал о своём увлечении опереттой ещё с довоенных времён.

В 1961 году Б.И., ставший уже начальником отдела автоматизации ядерных пароэнергетических установок, пригласил меня перейти в его отдел на должность начальника сектора.

Таким образом, судьба частенько распоряжалась моим жизненным путём не без участия Б.И.

Когда я защищал кандидатскую диссертацию, взявший первым слово академик А.К. Красин вдруг назвал её «почти докторской». В перерыве ко мне подошёл Б.И. и проинформировал меня (с обычной шутливой интонацией), что все члены Совета проголосовали единогласно за кандидатскую степень, чтобы не рассматривать вопрос о докторской.

И снова Б.И. оказался рядом со мной в непростой момент.

Описанные эпизоды, конечно, представляют лишь малую толику того доброго общения с этим прекрасным человеком в течение нескольких десятилетий.

М.Т. Ворчаков.*

Вот как я знакомил начальника отделения Б.И. Козловского со своим другом, отличным рыболовом и мастером «золотые руки» Н.Н. Сизовым.

Б.И. Козловский, будучи начальником пятой площадки ЦНИИ им. акад. А.Н. Крылова, настолько измотался, что у него тряслись руки. Я был тогда фанатик-рыболов и посоветовал ему заняться рыбалкой, чтобы восстановить здоровье. На рыбалку, на озеро Отрадное, в январе мы ехали с пересадкой. До Сосново на последней электричке, а далее утром в седьмом часу шёл дизель на Приозерск. Мой друг Н.Н. Сизов дожидался утреннего поезда в здании вокзала и вместе с другими рыболовами изрядно поддал от скуки.

Мы с Борисом Ивановичем залезли в дизель, который стоял в тупике, легли на скамейки в соседних купе и пытались заснуть, но соседи подвыпили и громко беседовали. К утру все успокоились и, когда дизель подали на платформу в Сосново на посадку, Борис Иванович крепко спал. Рыболовы с вокзала шумно садились в вагоны. Мой друг увидел меня в окно. Зашёл в купе и сел напротив Б.И., который проснулся, встал и заговорил с Н.Н.

Я обрадовался, что они познакомились и мне не надо будет представлять их друг другу. Однако чем дольше они беседовали, тем громче звучали их голоса, и наконец, они разругались и отвернулись друг от друга.

А произошло следующее. Б.И. проснулся и видит: на освещённой платформе суетится народ, идёт посадка. Он спрашивает Н.Н.: «Скажите, пожалуйста, какая это станция?» Н.Н. ошалело смотрит на Б.И. и, подогретый принятым на станции, говорит: «Вот чмурик, набрался так, что ничего не соображает!» Б.И. интеллигентно отвечает: «Поймите, я спал и не слышал, когда подъехали к станции».

---

* Здесь приведены фрагменты воспоминаний М.Т. Ворчакова из книги «От А до Я из «Авроры» (СПб.: ФГУП «НПО «Аврора», 2004).

Но остановить Н.Н. во взведённом состоянии не так-то просто. Он начал читать Б.И. лекцию на тему, когда и сколько надо пить и как вредно пить по пути на рыбалку. Все интеллигентные доводы Б.И. не были услышаны, и Б.И. был заклеймён пьяницей на весь вагон.

На станции Отрадное до рассвета оставалось часа два. Чтобы Б.И. не узнал, что его обидчик мой друг, я убедил его идти прямо на лёд, потому что на станции накурено и душно.

Мы ушли с ним далеко в озеро и неплохо порыбачили. Возвращаясь на станцию вечером, увидели по пути рыболова, который непрерывно таскал рыбку за рыбкой. Мы специально прошли мимо него. Это оказался мой Н.Н., а рядом с ним горка рыбы.

Б.И. говорит:

— Какой хороший рыболов, какие у него хорошие снасти, как всё у него подогнано!

— Б.И.! Это же тот, который Вас обругал в вагоне.

— Ну и что, я тоже хорош был со своим вопросом.

P.S. Н.Н. сделал Б.И. удочки по своей модели, они подружились, и мы много раз вместе ездили на рыбалку зимой и летом.

* * *

Б.И. Козловский учил меня, как писать служебные письма: «Писать нужно так, чтобы виноват был тот, кому пишешь».

* * *

Б.И. Козловский говорил:

— Когда я вижу, что пьяные пьют водку, мне становится очень обидно, — ведь добро переводят!

Э.С. Никулин.

В 70-х годах Борис Иванович был для меня, инженера, на три ступени выше по служебной лестнице — начальником отделения. Взаимодействовать с ним приходилось редко, но всегда поражали его интеллект и особая манера говорить даже весьма ироничные слова, — на лице едва-едва двигались только губы, да взгляд «проникал и убеждал».

Вспоминаю два «взаимодействия».

В то время мне довелось быть на предприятии единственным специалистом по электрохимическим интеграторам (ЭХИ). Однажды приходит из Москвы нашему директору приглашение на совещание в Институт электрохимии при АН СССР. Письмо идёт «вниз» и останавливается на Б.И. Он вызывает меня, как «единственного», и просит купить билеты на «Красную стрелу».

К вагону Б.И. пришёл «без всего».

— Борис Иванович! Где же Ваши вещи?

Он, ни слова не говоря, достал из внутреннего кармана пальто зубную щётку. Потом пояснил: «Камера хранения обременяет». Портфель в моей руке «затяжелел». В купе Б.И. попросил провести ликбез по ЭХИ. Рассказывая, я достал закутанную в вату стеклянную колбочку. Он взял её так, как брали Гулливера жёны великанов — козявка любопытная, но может причинить какую-нибудь гадость.

Узнав о моём намерении навестить родственников, сказал, что к своим не пойдёт — беспокоить их, гостинцы, бутылка, потеря времени и здоровья…

Однажды, будучи в командировке в Сосновом Бору, я быстро освободился и мог уехать на ранней электричке. Но… камера хранения оказалась закрытой, и я пожалел, что забыл мудрый совет Б.И.

А затея с ЭХИ, скорее всего, была (как выяснилось впоследствии) обыкновенной технической диверсией против СССР.

Второе «взаимодействие» происходило так.

Вызвал меня Б.И. и спросил: «Почему Вы не пишете диссертацию?» Выслушав моё мычание, сказал: «Вы наносите материальный ущерб семье. Передайте, пожалуйста, Вашей жене, чтобы она заставила Вас это сделать».

Его просьбу я выполнил. Но… Нина могла помогать всем во всём, но только не «заставлять» меня. Правда, иронизировать на эту тему могла себе позволить. В её записях тех лет есть такие слова в мой адрес: «Конечно, много ещё не достигнуто, и это огорчает и настораживает, но кое-что уже и достигнуто, и это должно радовать».

Так что — «не на ту напал» наш Б.И.!

* * *

Уже давно нет с нами Бориса Ивановича. И всё меньше остаётся тех, кто был с ним знаком и помнит этого незаурядного человека из XX века. Наша «Мозаика» решила стать той «тростинкой», которая поведает о нём людям.

Воскрешение через Слово!

«МОЗГИ НУЖНЫ!»

Андрей Ильич Мильский

Моих записей о А.И. Мильском нашлось совсем мало: всего лишь дополнение к рассказам А.А. Шалыто из сборника «От А до Я из «Авроры». Для того чтобы понять суть моих записей, придётся воспроизвести выдержки из тех рассказов. Итак, *говорит* А.А. Шалыто:

С доктором технических наук А.И. Мильским я по-настоящему познакомился при подготовке конференции молодых специалистов ЦНИИ «Аврора», на которой он был председателем организационного комитета, а я, будучи молодым специалистом, — одним из членов этого комитета.

Было много организационных дел, за которыми Андрей Ильич внимательно наблюдал и помогал решать возникающие проблемы.

Как и на любой конференции, главным является первое пленарное заседание, так как на нём обычно на некоторое время появляется Начальство.

Поэтому к выбору докладчиков на пленарном заседании всегда подходят ответственно. Так же поступил и Андрей Ильич. При этом повезло и мне — мой доклад был поставлен третьим.

Действительно, на пленарное заседание пришло много начальников во главе с Генеральным директором, профессором Олегом Павловичем Демченко.

И конференция началась. Первый доклад прошёл нормально, и был объявлен небольшой перерыв для смены плакатов. И вдруг меня подзывает Мильский и говорит:

— Следующим выступаешь ты, потому что после второго доклада Демченко уедет, и дальнейшие выступления будут «бессмысленными».

Я выступил. Демченко задал мне несколько вопросов, и начальство меня узнало, выделив среди сотен молодых специалистов Института.

Действительно, после второго доклада Демченко уехал, а зал после этого почти опустел и выступать стало, как выразился Мильский, бессмысленно.

После такого иначе, как с благодарностью, я Андрея Ильича не вспоминаю…

И ещё одно незабываемое событие в моей жизни связано с Андреем Ильичём.

Однажды в коридоре здания ЦНИИ «Аврора» на Суворовском проспекте я и В.Л. Артюхов встретили Андрея Ильича и поздоровались с ним.

Он остановился и спросил Артюхова:

— Валерий Леонидович, чем Вы занимаетесь?

Вопрос был риторический, так как Мильский, являясь начальником комплексного отдела, несомненно, знал, чем занимается Артюхов и у кого он работает.

Поэтому Валерий Леонидович спросил:

— Андрей Ильич, а что, собственно, надо?

И я услышал ответ, который я никогда не слышал ни до, ни после этого разговора:

— Мозги нужны! — сказал Мильский.

Вот такая чистая и абстрактная субстанция, как мозги, понадобились, и не патологоанатому, а советскому начальнику отдела!

Мы сильно удивились постановке вопроса, но разговор на этом закончился, и было ясно, что он со временем может продолжиться.

Косвенное продолжение этого разговора состоялось на защите моей кандидатской диссертации. О.П. Демченко, который был председателем диссертационного совета, уехал в командировку, и защиту вёл его заместитель — А.И. Мильский. После объявления результатов голосования он меня поздравил и неожиданно и весьма громко сказал:

— А должность старшего научного сотрудника ты получишь только у меня!

Мне при этом стало весьма неудобно, так как эти слова слышали мои начальники — Л.М. Фишман и В.Л. Артюхов, которые относились ко мне прекрасно.

Планам Андрея Ильича, в том числе и относительно меня с Артюховым, не суждено было сбыться, — вскоре он тяжело заболел.

На его похороны пришло много народа.

Был там и Г.А. Копейкин, который, как отмечено выше, с Мильским не сработался и с нашего предприятия ушёл. После похорон он неожиданно предложил мне помянуть Андрея Ильича, так как, несмотря на весьма жёсткий характер Мильского, Копейкин считал Андрея Ильича крупной личностью.

А вот моё дополнение к этим рассказам А.А. Шалыто.

В памяти сразу всплывает такой эпизод.

Как-то в кабинете А.И. Мильского на Суворовском проспекте мы пытались разрешить наши бесконечные споры по принципам построения электронных унифицированных устройств для систем автоматики атомных подводных лодок очередного поколения.

Быть арбитром в этом вызвался А.И. Мильский.

Послушав некоторое время, он заявил, что ему надо куда-то съездить, а нас он запрёт в кабинете и не выпустит до тех пор, пока мы не придём к согласию.

В конце рабочего дня он, конечно, «выпустил».

Но споры не закончились, они просто перенеслись подальше от кабинета Андрея Ильича, на «Среднюю Рогатку», где продолжались подчас до полуночи, и участникам их приходилось идти к проходной вдоль нескончаемого бассейна под звёздным небом и лаем сторожевых собак.

И ещё в памяти сидит чей-то рассказ о таком случае.

Когда Андрей Ильич был уже безнадёжно болен, к нему кого-то отрядили, чтобы узнать мнение А.И. по одному «стратегическому вопросу».

Андрей Ильич выслушал и сказал: «Свои проблемы теперь решайте сами. А мне уже надо думать о вечном…»

СОКОЛИК

Виктор Александрович Соколов

Это уже в 21-м веке я так — Соколиком — иногда, чтоб показать своё дружеское расположение, стал называть Виктора Александровича Соколова, с которым познакомился давным-давно, ещё в начале 60-х…

Тогда в комнате на пятом этаже монументального серого здания на Суворовском проспекте, окнами выходящей на перекрёсток, обитали наши *рукастые* сотрудники, призванные изготавливать лабораторные макеты устройств, разрабатываемых отделом В.А. Скулябина.

Попробую их вспомнить.

Для начала: всех их отличало поразительное свойство делать свою работу тщательно и быстро. Всех, даже… Но об этом «даже» потом.

Вот они, наши *рукастые*, предстают передо мной…

Юра Добрецов. Фамилия точно отражала его сущность. Невысокий, в теле, один глаз немного травмирован, чем Юра напоминал Эльдара Рязанова. Добродушный, по натуре игрок. У него была страсть к хорошим магнитофонам, предел мечтаний — «Грундиг». Для выполнения мечты не хватало одного — денег. И он их надеялся собрать, играя в лотерею. Оказалось, что проще занять. И он таки назанимал на свою мечту. У всех. Но отдавал аккуратно, перезанимая… Свою маму он почему-то лечил гомеопатическими средствами. Бывало, отпрашивался, чтобы пойти в эту редкую аптеку. А у самого… Он первым из этой комнаты и покинул сей мир…

Виталий Викторов. Невысокий, тёмноволосый, в очках, интеллигентного вида, по-моему, он учился на заочном. Однажды ему поручили сделать лабораторный источник питания, позволяющий имитировать колебания сети. Когда Виталий приступил к работе, я понял, что с конструкцией

его «понесло не в ту степь». Смотрел-смотрел… Виталий, да он и сам чуял что-то неладное, спросил: «Что-то не так?» — «Да нет… И так можно… Скажи честно, если бы ты это делал «для дома, для семьи», оставил бы так?»

Сказал и ушёл. Дня через два смотрю: всё переделано. В результате прибор получился такой «ягодкой», что я уговорил Виталия и Нину, делавшую расчёты для источника питания, оформить рацпредложение и получить не только «корочки», но и денежки. А прибор в этом исполнении потом даже «размножали».

Коля Горелик. Высокий, широкоплечий, всегда улыбающийся блондин, самый молодой в этой комнате. Конечно, у него опыта работы было меньше, чем у других, но старания и добродушия — полным-полно…

Володя Трусов окончил заочный институт, но категорически отказался переходить на должность инженера. Это тогда он был для меня и для всех Володей. Теперь же — Владимир Алексеевич. В детстве он болел, его долго лечили в Евпатории, с тех пор и пребывает «стройным».

Заядлый рыболов. И летом, и зимой по выходным, со своим другом, которого он называл Бородой, ездил на водоёмы Ленобласти.

Непобедимый игрок в бильярд. Был в их комнате стол со стальными шарами. Ребята в обед и после работы любили *постучать киями*. Володю обыграть не мог никто, у него *не глаз, а ватерпас*.

А ещё Владимир Алексеевич прекрасно играл и до сих пор играет на гитаре. Причём без всяких нот и эмоций…

Бывает жутко твёрдым в своих убеждениях. К этому я уже так привык, что не вступаю с ним в спор — бесполезно! Например, он убеждён в том, что цветная фотография лучше любой картины, написанной красками. Что любого певца нельзя слушать долго — надоест. Но тут у него есть исключение — Анна Герман. Здесь я с ним полностью согласен. И Нина обожала Анну Герман, не только за голос и

прекрасное исполнение, но и за внешний вид, рост, примеривала на себя победившую Анну болезнь…

Теперь мы с В.А. встречаемся только на *прощаниях*…

Да, так вот о «даже» в этой компании. Не буду и называть имени этого «даже» — так он отличался от остальных обитателей комнаты своими какими-то мелкособственническими интересами и агрессивностью после приёма алкоголя. Последнее его и доконало. Как-то, выпив вместе со всеми, он до того разошёлся в споре, что дал волю рукам. Это так возмутило всех в лаборатории, что ему было предложено, если он не хочет, чтобы «вынесли сор из избы», срочно уволиться. Легко сказать «срочно», но тогда от момента подачи заявления до ухода должно было пройти не менее двух недель. Кажется, помогли мои связи в отделе кадров, и этот «даже» был уволен за два дня. Потом стало известно, что он выполнил свою мечту — уехал в Канаду.

Старше всех среди наших *рукастых* был Виктор Александрович Соколов. Среднего роста, крепко сбитый и мускулистый, оптимистичный, всегда в хорошем настроении, готовый всем помочь в любом деле. Постоянно занимался спортом, летом греблей, зимой лыжами. Меня приводила в восторг (конечно, и завидно было) способность В.А. запросто пробежать дистанцию в 100 километров.

Какую-то болячку у себя на ноге В.А. лечил… голоданием. Но не абы как, а «по науке». Причём во время своих тридцатидневных голоданий он, худея на глазах, работал в обычном режиме.

Был у Виктора Александровича дружок Юра Нименский, тоже крепко сбитый спортсмен, гребец и лыжник. Вот они постепенно пристрастились после тренировок и соревнований на пару *расслабляться* с помощью *полубань*.

Бывало, приходит В.А. на работу после выходных дней несколько не в себе. Спрашиваю. Он, этак скромно: «Да вчера с Юрой Нименским семь полубань за вечер приговорили…»

Это ж почти по два литра водки! Какое же надо иметь здоровье, чтобы после такого вечернего *возлияния* утром выйти на работу?! Меня это и восхищало, и удивляло, и… Для меня-то стопки две хватает, чтобы…

Вот, вспоминаю один случай *возлияния* с компанией из этой комнаты. Работал в ней как-то техник, у которого я был руководителем дипломного проекта. После окончания техникума его *пригласили* в армию. Комната, конечно, устроила ему проводы. Ну, и я там был, «мёд-пиво пил». Совсем немного. После работы решили продолжить в коммуналке, где жил В. Викторов. И меня туда затащили. (Как откажешься!) Там добавили. Хоть мне и немного перепало, но… Меня отправили домой на такси, а сами продолжали *гудеть*. Тогда мы с Ниной снимали комнату на Васильевском острове. Взошёл я как-то на свой последний этаж, шарю в карманах, а ключей нет. Хорошо, Нина была дома. Уложила, излечила… Оказалось, я пришёл в чужом пальто! Вот потом смеху было у наших *рукастых*… Пальто, конечно, было великовато, но весьма похоже на моё. Да и сами-то хороши: ведь они его на меня и надели!..

Думаю, тогда мне хватило граммов 200, а тут по два литра! Уму непостижимо!..

Была у В. Соколова привычка: дружески хлопать собеседника по спине. При его силище это был ещё тот удар! Видя, что он собирается так сделать, я, наученный опытом, всегда превентивно отскакивал. А вот Виктор Баринов, сам богатырского сложения, тоже гребец и лыжник, однажды возмутился и пригласил Соколика побороться с ним. Шутки ради, конечно. Да и места в комнате для этого не было. Победила, естественно, дружба. Но какие два богатыря!..

Бегать на лыжах В.А. продолжал до выхода на пенсию и после. Но потом всё же стал уменьшать пробег и чаще отмечать с Юрой Нименским успехи. Его жена Галина никак не могла отучить В.А. от этого увлечения…

Надо сказать, что В.А., выпив, становился особенно радостным, любящим всех и вся, доброжелательно улыбался и смеялся…

Был у меня такой случай с В.А.

Но сначала о «чудесах», которые происходили с участием моей Нины после того, как она переместилась в другой мир. Однажды у меня ночью так прихватило живот, что уже подумывал о «Скорой». Но ночь же! Под утро, когда совсем стало невтерпёж, взмолился: «Ниночка, помоги!» И… через секунду-другую боль стала меньше, а вскоре и совсем ушла. Так было ещё два раза.

И вот однажды в день рождения Нины, 7-го февраля, я с цветочками навещал её. Уходя, сказал: «Слушай, Витя-то Соколов (Нина так его называла) может ведь погибнуть от своего пристрастия. Может, ты ему поможешь?» Ну, сказал просто так, чисто риторически. Сказал и забыл об этом.

Когда хотел поздравить В.А. с Днём Победы, к телефону подошла Галина, его жена. Я спросил о В.А. Она:

— Он «опять».

— Постоянно?

— Да. Хотя было, что недели три держался.

У меня в памяти что-то щёлкнуло:

— Когда же это было?!

— Да в феврале.

И тут я рассказал Галине о моей просьбе при походе к Нине. Галина сказала:

— Не зря, видимо, книги Нины у меня настольные!

Вот такое чудо!

А книги Нины, «Избранное на «авроровские» темы» и «Стёжки-дорожки», я подарил через В. Соколова его жене Галине, любящей, как и Нина, книги…

Когда я в 2005 году надумал издать к 60-летию Победы второй выпуск сборника «Мозаика дилетантов», я подступил к В.А. Соколову с просьбой что-то вспомнить о его послевоенной службе на флоте. Он отказывался, но в конце концов рассказал о том, как ему пришлось вылавливать из моря секретный документ. Я с его слов записал его рассказ, дав ему название «Секреты в плавках». Как же его здесь не привести!

В.А. Соколов

СЕКРЕТЫ В ПЛАВКАХ

Не могу точно сказать, когда это было — в конце 50-х или в начале 60-х годов.

Эсминец «Светлый», размагничиванием которого мы занимались, стоял на рейде одного эстонского порта. Нашей группой руководил В.А. Скулябин, он жил в офицерской каюте. Мы же вчетвером — Ю. Брядов, А. Тимофеев, один техник и я — в шестиместной каюте для матросов.

Команда нас недолюбливала по двум причинам. Во-первых, мы постоянно ей мешали, так как датчики нашей системы находились в самых разных точках корабля, от закоулков в трюме до клотика, и мы с нашими кабелями «путались под ногами». Во-вторых, мы могли купаться, так как на нас не распространялся запрет командира корабля Сидорова (впоследствии он командовал Тихоокеанским флотом). А дело было летом, дни стояли жаркие. Свою зависть экипаж выражал тем, что мы — в море, а кем-то в это же время и туда же отправлялось содержимое гальюнов.

Но вот в нашей системе возникли какие-то неполадки, А. Тимофеев и техник отправились в Калининград за новым кабелем, работы по размагничиванию прервались. Тут-то и произошло «ЧП».

Никто не знает как, но один матрос уронил за борт папку с секретной документацией по оборудованию корабля. Потеря папки могла принести большие неприятности не только этому матросу, но и всем. Прыгать же за борт никто из команды не мог — это означало нарушение приказа и последующее «расследование» с выяснением причин. Поэтому докладывать о случившемся никто не спешил. Между тем папка с «секретами», подгоняемая лёгким

ветерком, тихонько уплывала от корабля всё дальше и дальше. Все смотрели на меня и Юру Брядова.

После войны я служил на флоте и был командиром электромоторной группы БЧ-5, поэтому понимал важность этой документации и серьёзность ситуации. Мне ничего не оставалось делать, как начать раздеваться.

Мне помогли спуститься с борта эсминца. Очутившись в воде, я сразу потерял из виду папку, впереди было море с небольшими волнами. С борта мне показывали руками направление, и я поплыл, постоянно оглядываясь и торопясь. Плавал я не ахти как, без всяких стилей. Но папку всё-таки нашёл. Схватил её, повернул назад и увидел, что корабль уже далеко от меня, отчего сил у меня не прибавилось.

С папкой плыть было гораздо труднее. Сначала я пытался держать её в руке над водой, как одежду, когда переплывают реку. Но скоро понял, что на такое не способен. Плыть на спине тоже не получилось, — сбивался с курса, негде было держать папку. Тогда я стал её бросать вперёд. Брошу, подплыву к ней, опять брошу. Этот способ тоже оказался плохим, — папку надо было выуживать из воды, бросать прямо не получалось, приходилось отклоняться в стороны, к тому же она могла потеряться в волнах. Попробовал взять её в зубы, — так собаки приносят из воды брошенные палки. Тоже не получилось, — трудно было дышать, папка зарывалась в воду, лицо окатывало водой.

Расстояние между мной и кораблём почти не уменьшалось, зато силы у меня быстро убывали. Пожалел, что поспешил прыгнуть с корабля, надо было взять с собой верёвку, — привязал бы папку и буксировал её. Но верёвки в море уже не найти. И тут я вспомнил, что на плавках есть тесёмки. Раньше плавки были не такие, как теперь, а с завязками на боках. Но не отрывать же сейчас их, не связывать же между собой! Да и коротки они для этого. А что если засунуть папку под плавки? Затолкал её туда и понял, что лучше мне не придумать — плавки и набегающая вода плотно прижимали папку к животу, и я мог плыть прямо к

кораблю. Правда, теперь я думал уже не о папке с секретами, а о том, как бы только самому доплыть.

На корабле видели мои мучения и были готовы принять меня.

Плохо помню, как меня вытащили из воды. Матрос-виновник сразу выхватил свои «секреты» из моих плавок и убежал, а я свалился на палубу.

Вскоре привезли новый кабель, и наши работы по размагничиванию возобновились. Но отношение к нам команды изменилось — на нас не только не бурчали, но помогали во всём, даже при спуске и подъёме, когда мы купались.

КРЕПКИЙ ХОЗЯИН

Василий Петрович Фёдоров

Не помню, при каких обстоятельствах к нам в лабораторию (в середине 60-х) пришёл Василий Петрович Фёдоров. Ему поручили координировать деятельность наших *рукастых* ребят по изготовлению макетов.

Василий Петрович был уже в возрасте по сравнению со своими подопечными и отличался, если можно так сказать, *фундаментальностью* во всём. Крепкого телосложения, деловитый, мастер на все руки, умеющий найти выход и подход к тем, кто мог помочь в выполнении работы.

Особенно мы сработались с В.П., когда надо было изготовить весьма сложный макет устройства программного управления для рыбопромысловой базы «Восток».

Предполагалось, что эта база будет уходить в «далёкие моря» и там «выпускать» из своих недр несколько посудин для добычи рыбы, которую будут перерабатывать на базе. На базе была установлена какая-то «нежная» паротурбинная установка, изменение режима работы которой выполнялось по сложной временной программе, выполняемой вручную.

Автоматизация этого трудоёмкого и ответственного процесса стала темой научно-исследовательской работы, которую нашей лаборатории *подкинул* старший научный сотрудник из системного отдела Анатолий Михайлович Скачков.

В результате выполнения этой НИР была разработана «Система программно-дистанционного управления судовым главным турбозубчатым агрегатом». Такое название системы фигурирует в авторском свидетельстве на изобретение (1973), а мы ей присвоили звучное имя «Экватор».

«Экватор» не только был разработан «на бумаге», но и изготовлен в виде макетного образца.

Вот при его изготовлении и проявились в полной мере конструкторские и организационные способности В.П. Фёдорова.

Конструкция «Экватора» (стойки и входящих в неё модулей) была придумана Василием Петровичем. С учётом её реализации по простейшей технологии и с минимальными затратами.

В изготовлении «Экватора» участвовала вся компания наших *рукастых* сотрудников (см. рассказ «Соколик»). Руководил ею В.П,, привлекая, при необходимости и за какие-то *бонусы*, экспериментальный цех.

По завершении НИР А.М. Скачков воспылал идеей опробовать «Экватор» на базе «Восток» при первом её выходе в море. И он таки, пользуясь знакомством, договорился об этом.

Мы привезли наш «Экватор» на завод и даже затащили его в рубку уже почти готовой базы. Но…

Мне всё это почему-то напоминало сцену из «Золотого телёнка» Ильфа и Петрова, когда экипаж Остапа Бендера отсиживался в кустах, пропуская колонну настоящего автопробега.

Вот и мы: отсиделись… Потом так трудно было вытащить «Экватор» с завода. Оставить же там было жалко…

Василий Петрович много рассказывал мне о своей «усадьбе» на окраине Мельничного Ручья, что недалеко от Всеволожска. Там он своими руками создал «мой дом — моя крепость». Построил большой дом и оснастил его всеми необходимыми для хозяйства прибамбасами. Участок превратил в образцовый сад и огород. Как-то я спросил В.П., как он борется с сорняками. Он, к моему великому удивлению: «А у меня их нет!»

На зиму в погребе — запас овощей со своего огорода. Однажды осенью пришёл он в погреб, а моркови нет! Что за пропасть?! Оказалось, что это какие-то грызуны перенесли всю его морковь через отдушину к себе в норы на берегу ручья. Пришлось В.П., как не жалко было похитителей, вернуть свои запасы себе. Даже курочки у него были.

О любви В.П. к порядку во всём говорит такой случай. Всегда пунктуальный, В.П. как-то опоздал на работу и

пояснил причину так. Пошёл он утром на электричку и вдруг увидел, что около его забора кто-то свалил разломанный диван. «Если так оставить, то тут же на этом месте возникнет свалка. Пришлось мне диван разобрать и по частям перенести на штатную свалку. Вот и опоздал».

Однажды В.П. стал приходить на работу всё мрачнее и мрачнее. Я его осторожно спросил о причине. Оказалось: серьёзно больна жена. Врач сказал, что может помочь лекарство, разработанное в Риге, но находящееся пока в стадии освоения.

Вечером, придя с работы, я рассказал об этом Нине. У её сестры, живущей в Риге, муж работал вторым секретарём райкома, а это в те времена многое значило. Нина тут же позвонила Тане в Ригу, попросила позвать Сашу и всё ему поведала. Саша пообещал по своим каналам узнать. На следующий день он сообщил, что обо всём договорился.

И вот я передаю В.П. листок с рижскими адресами, телефонами и именами. Он был шокирован и в тот же день с присущей ему оперативностью вечерним поездом выехал в Ригу, на следующий день получил лекарство и самолётом вернулся в Ленинград. Жена выздоровела, а для нас с Ниной это было тем *вознаграждением*, которым так был озабочен В.П.

Да, крепким хозяином был Василий Петрович. Жить бы да жить в своём загородном «поместье». Но судьба была к нему сурова. Его единственная дочка, тоже работавшая в «Авроре», тяжело заболела и скончалась. «Почти каждый день навещаю её, — говорил мне В.П., — не могу, возвращаясь с работы, пройти мимо…»

Радовал внук. Но и он попал на мотоцикле в аварию. Долго его лечили. Выходили. Потом тяжело заболел сам В.П. Он, конечно, верил врачам. Операция прошла успешно. Василий Петрович воспрянул, но… Спасибо М.Н. Глазову, он помогал внуку в те дни, когда сначала деда, а через несколько дней и бабушку…

ИННОВАТОР

Освальд Андреевич Салин

Лучшее — враг хорошего.
Народная мудрость

Не скажу, что читал все басни Ивана Андреевича Крылова, но в тех, что читал, сюжета, выплывшего из памяти, по-моему, нет. А вот притчу, похожую на этот сюжет по композиции, помню.

Подпасок решил подшутить над пастухами и ночью закричал «Волки! Волки!» Пастухи всполошились, забегали, но быстро поняли, в чём дело, и отругали малого. Во второй раз не только отругали, но и побили. В третий раз мальчик закричал, когда на самом деле на стадо напали волки. Но никто и ухом не повёл…

* * *

В конце 60-х работал у нас в соседнем отделе начальник сектора. Имя у него было, как и у человека, застрелившего в Техасе Джона Кеннеди, — Освальд. У нашего Освальда было и отчество — Андреевич. И фамилия была — Салин. Был О.А. крупным, рыжеватым, *остепенённым* (к. т. н.) и… жутко увлекающимся, — по-нынешнему: *инноватором*.

Однажды его сектор разрабатывал электронную аппаратуру для одной системы управления танкером. Срок был *жёсткий*. Когда работа близилась к завершению, приходит как-то утром О.А. и говорит своим молодым сотрудникам: «Ребята! Мне ночью пришла идея, как сделать всё по-другому. Будет гораздо лучше!»

Ребята *загорелись*. Сидели по вечерам, выходным. Уже почти переделали.

Но тут О.А. — и опять утром! — заявляет: «Ребята! А лучше сделать так!»

Ребята восприняли это уже *кисло*. Но всё-таки продолжали работать по вечерам и выходным.

Когда О.А. предложил ещё что-то *улучшить*, то все сверхурочные прекратились. Срок был сорван. А *ребята* ушли из его сектора. Сам же О.А. заболел…

Потом и сектор его расформировали. Что стало с той системой — не помню.

Ох, есть, есть у нас такие *инноваторы*, которым не терпится всё изменять и улучшать. Вот бы кто-то *углу́бил* Ивана Андреевича и написал о них басню!

11 апреля 2012

* * *

И мне довелось взаимодействовать с О.А. Произошло это так.

В конце 60-х вдруг выделили большие деньги на научно-технические исследования в целях подготовки проектирования аппаратуры для атомных подводных лодок очередного поколения. По-моему, эта работа носила название «Функция».

В ту пору площадкой «Суворовский проспект» командовал пришедший из морской в/ч человек с необычным именем — Дий Сократович Старынкевич. Он не жалел денег на всякие поисковые работы. Как говорится, «вино лилось рекой». Не только лилось, но и проливалось.

Чьё-то недремлющее око это заприметило. На «площадке» была создана рабочая группа для… Нет, конечно, не для расследования — какие из нас следователи, — для изучения общественного мнения.

В рабочую группу включили от профсоюза Мануйлова, от комсомола — меня, от партии — О.А., который, естественно, и возглавил группу.

Началось с того, что О.А. собрал нас, наметил план действий и сроки и удалился для генерации мыслей/идей и озадачивания ими своих «мальчиков». (Среди них были весьма симпатичные мне ВИЛ — Владимир Ильич Литвинов и Толя Широков.)

А мы — Мануйлов и я — изучали общественное мнение. Знал бы я тогда, что в 21-м буду издателем, — записывал бы всё, ведь «люди такие разные»!..

В назначенный срок О.А. собрал группу снова, выслушал нас и… Что было дальше, не знаю. Помню только, что «стрелочником» оказался Д.С. Старынкевич. Его и «ушли».

23 мая 2020

ТРИ КОНТАКТА с В.В.В.*

Витольд Витальевич Войтецкий

> …в эти годы я столкнулся с границами моего понимания, по-видимому — непреодолимыми.
>
> *Б. Пастернак*

Недавно прочитал эти слова Бориса Пастернака в его повести «Охранная грамота», посвящённой памяти Райнера Мария Рильке, и подумал о «границах моего понимания», которые тоже останутся «по-видимому — непреодолимыми».

И сразу — *для затравки!* — вспомнил один *контакт* с Витольдом Витальевичем Войтецким, в ту давнюю пору бывшим ещё не Генеральным директором НПО «Аврора», а его Главным инженером.

В том *контакте* решали вопрос: какой должна быть одна из систем управления ЯПЭУ** для АПЛ*** очередного поколения.

В кабинете В.В.В. нас было четверо: кроме *самогó* — главный конструктор этой системы («М») и её ведущий инженер заказа, которые предлагали структуру и алгоритмы работы системы, и я, ответственный за реализацию электронной аппаратуры.

Когда мы были молодыми
И чушь прекрасную несли…

В то время, «когда мы были молодыми», и я — грешен! — в какой-то степени был *инновационно-продвинутым*. Хотя тогда слова «инновация», «нанотехнология», «модернизация», «бренд» и прочая *прекрасная чушь* ещё не вязли в зубах.

---

* Из книги автора «Бортжурнал Ушастого. *Часть вторая*» (2013).

** ЯПЭУ — ядерная пароэнергетическая установка.

*** АПЛ — атомная подводная лодка.

Так вот, был я *продвинут* в сторону гибридных микросхем частного применения. Да и не я один — мода возникла тогда такая. У нас в «Авроре» даже было создано подразделение для разработки топологии этих самых *гибридов* и изготовления их опытных образцов. А я вёл НИР по разработке той системы «М» на основе этой *инновации*. Идея её состояла в том, чтобы создавать функциональные узлы электронной аппаратуры на бескорпусных элементах. Помню, даже ездил в Ригу добывать маломощные операционные усилители в виде ЧИПов. И добывал, пользуясь *шапочным* знакомством с Главным инженером тамошнего «Микроприбора».

И вот на том совещании у В.В.В. я, наверное, жизнерадостно, предложил для системы «М» применить витавшую в научно-технической атмосфере эту модную технологию.

В кабинете повисла гнетущая тишина. В.В.В. долго смотрел в окно. Потом тихо и медленно сказал:

— На свете есть вещи, которые недоступны моему пониманию. И когда я о них начинаю думать, то сразу это пресекаю: «Стоп! А то можно свихнуться!» Например: «Где кончается Космос?» Или: «Что такое социалистическая экономика?»

И, помолчав, добавил, уже громко и твёрдо:

— Можете считать меня консерватором, ретроградом, но мы не будем делать «М» на основе этой технологии. Ещё неизвестно, что получится из всей этой затеи.

Ох, как прозорлив был В.В.В.!

Действительно, время показало, что эта «инновационная затея» оказалась тупиковой ветвью развития микроэлектроники, для которой столбовой дорогой стала интегральная…

Результатом того *контакта* стала не только судьба системы «М», но и то, что В.В.В., видимо, запомнил меня, «нёсшего чушь прекрасную» и пытавшегося представить его ретроградом.

В памяти моей остались ещё два *контакта* с В.В.В., в которых он, уже с пол-оборота, поддержал меня.

Первый был, когда на слуху витало слово «хозрасчёт». На профсоюзной конференции «Авроры» начались тягостные дебаты по составу профкома и сколько в нём должно быть освобождённых. А у меня есть свойство: когда начинают толочь словесную воду в ступе времени, то мне от этой словесной диспепсии становится дурно, у меня в голову *что-то ударяет*. И когда на той конференции это произошло, я попросил слова и предложил прекратить все эти бессмысленные споры, а в профком просто… нанять трёх человек — председателя, его зама и бухгалтера/кассира. И будет это, как говаривала Н.К. Крупская, *дёшево и сердито*. Президиум негодовал, зал шумел… Но тут вдруг поднялся В.В.В. и сказал: «А ведь Никулин дело предлагает…»

Не помню, чем закончились те выборы, но, по-моему, теперь профком так и организован.

Ещё один *контакт* с В.В.В. произошёл в конце 2003 года. В том году я впервые — *издал*! Это была книга НИК «Избранное на «авроровские» темы». Дарил её сотрудникам «Авроры», упомянутым в «Именном указателе». При этом выяснилось, что в «Авроре» не только все *красавцы*, но ещё и *поэты* (Б. Окуджава). Это породило у меня идею выпустить сборник «От А до Я из «Авроры» с текстами «авроровских» *красавцев и поэтов*.

В книге НИК был упомянут и В.В.В. Но как попасть к Генеральному, чтобы подарить ему книгу и сказать об идее «А-Я»? Мне помог бывший сотрудник Нины А.А. Шалыто, ставший к тому времени учёным секретарём «Авроры».

Витольд Витальевич поблагодарил за подарок, выслушал об идее «А-Я» и сказал: «Я ведь тоже пишу. И даже стихи». И тут же вызвал к себе одного из своих замов и поручил ему обеспечить финансирование этой *инновационной* для «Авроры» затеи.

Книга «От А до Я из «Авроры» вышла в 2004 году ко дню рождения НПО — 18 марта. Презентация её проходила в актовом зале. Присутствовал весь *генералитет*. Фрагменты текстов из книги читали молодые люди, привлечённые Советом молодых специалистов. Мне же пришлось *менеджерить* всем этим процессом…

Сборник «А-Я» оказался таким востребованным, что сразу был переиздан (уже на средства подписантов). Хотели запустить и ещё одно переиздание, но возникло противоречие между малостью тиража и соответственно высокой себестоимостью книги, которое, как и «границы понимания», оказалось *непреодолимым*.

Помимо этих трёх контактов были и другие…

* * *

Из сборника «От А до Я из «Авроры», раздел «В.В. Войтецкий. Высказывания и лексикон».

Высказывания

1. Для того чтобы требовать у людей работу, не имея денег, необходимо мужество.
2. Не такое уж у меня и серое вещество.
3. Мы вылезли из перестройки со шрамами.
4. От тебя разбегутся, как от Мойдодыра.
5. Подчинённый должен смотреть не только тебе в рот, но иногда и на небо.
6. При согласовании вопросов вы, видимо, сидели в разных кабинах туалета.
7. Шизофреник точно знает, что 2x2 = 5, а неврастеник знает, что 2x2 = 4, но это его раздражает.
8. Экономика зависит от экономистов так, как погода от метеорологов.
9. Наказывать надо, не разобравшись; разберёшься, — пожалеешь, пожалеешь, — не накажешь.
10. Чтобы не жалеть, всех надо в один мешок и оглоблей.
11. Нет денег, — не заказывай мандолину, а на балалайке играй.
12. Это необходимо обсудить в узком кругу ограниченных людей.

Лексикон

1. Извините за внимание.
2. Из ушей торчит.
3. Весь пар ушёл в свисток.
4. Все в дровах.
5. Нечего сопли размазывать.
6. Ясно, как будет, можно к маме не ходить.
7. Будем в меру циничными.
8. Поручу яйцеголовым.
9. Весь в белом с блёстками.
10. У него уже тараканы в голове.
11. Край непуганых идиотов.
12. Запутался в дрободан.
13. Никаких нелетающих бабочек.
14. Давайте с этим вопросом переспим.
15. Вы Шурика лысого не видели?
16. Проку будет, как свинью стричь: визгу много, шерсти мало.
17. Дураков и в церкви бьют.
18. В этом улье ходить надо, как в армянской бане: со всех сторон прикрывшись…
19. Каждый рассказывает, как его кастрировали.
20. Не надо быть прямее телеграфного столба.
21. Посмотреть в глазки…

О МОЁМ ДИПЛОМНИКЕ

Евгений Викторович Колмыков

Привычку называть всех моих сотрудников, независимо от их возраста, по имени-отчеству и на «вы» я, наверное, перенял от Василия Алексеевича Скулябина. Только к одному из них это не относилось, — к Евгению Викторовичу Колмыкову. Это как-то само собой сложилось с той поры, когда Евгений пришёл из ЛЭТИ на преддипломную практику, выполнил под моим руководством дипломный проект, а потом долгие годы, будучи человеком весьма ответственным, скромным, с повышенным чувством справедливости, доставлял мне удовольствие от совместной работы. Жаль, что в трудные после перестроечные годы ему пришлось сменить работу в НПО «Аврора» на более *хлебную*… Тогда многие так сделали…

Мне было очень приятно, что Евгений Викторович сразу откликнулся на мою просьбу написать что-то о нашем секторе для задуманного мной сборника «НИК и наша память». Приведу здесь его рассказ полностью, ибо он хорошо отражает то время.

Когда шло прощание с Е.В., меня так и подмывало сказать: «Прости, Женя, что у нас многие мужики не доживают до пенсии…» Но выступавший от его работы так затянул…

И ещё. Как сказал один наш автор, инженеры должны уметь делать всё, даже писать стихи.

Доказательство тому — стихотворения из сборника «От А до Я из «Авроры» сотрудников нашего сектора: Юлии Баграмовой, в стиле Гомера восславившей «дивнопрекрасных мужей» сектора, Василия Смирнова, сочинившего «провожальную песню» Юрию Пахоменкову, и Михаила Шмакова, написавшего к моему 50-летию «оду» — «Юбиляру и его лучшей половине».

Ну как не привести здесь это «доказательство»!

Е.В. Колмыков

МНЕ ДАЖЕ В ОТПУСК УХОДИТЬ НЕ ХОТЕЛОСЬ

(«Авроровские» дни)

Слово изречённое есть ложь,
написанное — ложь в квадрате.

1-го апреля 2003 года я получил в подарок книгу НИК «Избранное на «авроровские» темы». К ней прилагался листок, приглашающий вспомнить об «Авроре», о нашей жизни. Для меня с «Авророй» связано около двадцати лет жизни. Первый раз это гордое имя (применительно к фирме, а не к кораблю революции) я услышал в 1979 году на распределении в ЛЭТИ. Мы — студенты-выпускники ФКЭА — почему-то были напуганы возможностью попасть на работу в НПО «Гранит». Обильный десант талантливых вербовщиков с «Авроры» и то, что многие из моих друзей уже были ими завербованы, определили мою судьбу на многие годы. Когда комиссия по распределению спросила, куда я желаю быть «проданным», я, к удовольствию П.П. Сидорова, назвал слово-пароль «Аврора». Среди вербовщиков был и составитель этого сборника — Эдуард Сергеевич Никулин. Тогда я ещё не знал, что ждут меня впереди (38400±50) часов совместной с ним работы. Сначала руководитель преддипломной практики, потом — руководитель дипломного проекта, потом — руководитель группы и начальник сектора. Человек, олицетворяющий для меня два очень важных слова: первое слово — ИНЖЕНЕР, второе — ВЕДУЩИЙ. Поставленные в привычном порядке друг за другом они становятся ниже ростом и превращаются в название должности.

Итак, как это всё начиналось.

Преддипломная практика — первое знакомство с будущей работой, с людьми. Мы с Колей Павловым (теперь он уже Николай Николаевич — директор «Дизайн Штамп Студии») попали в 134-ю самостоятельную лабораторию — лабораторию И.А. Ильина. Забегая вперёд, можно сказать, впечатление было такое, что никуда из родного института (ЛЭТИ) не уходил. Кругом были или одногруппники, или однокурсники, или ребята, окончившие институт раньше на год или два. В последующие годы к нам также приходили выпускники ЛЭТИ. На какую бы площадку ни отправлялся, — всюду НАШИ. Преддипломная практика пролетела быстро. Это была пристрелка: работа, колхозы, овощебазы, причём, последние в значительном количестве. На что ещё годен студент-дипломник. До нашего прихода в лаборатории было четыре молодых специалиста — Лёша Колпаков, Антон Антонович Дедюшин, Коля Сухач и Дима Лащевский. Через год после нас с Колей Павловым пришёл Сергей Бубенников. Формирование нашей комнаты — комнаты молодых специалистов — завершилось. За это время с/л 134 перестала существовать как самостоятельная единица. Она стала сектором 3321 в отделе 332 — отделе В.И. Никитина.

Наша же комната существовала как неформальное единство людей, близких по духу и интересам. Понимали мы друг друга здорово. Один мог начать фразу, — другой продолжить. Нравились одни книги, одна музыка. Не знаю, как остальным, а мне даже в отпуск уходить не хотелось, не хотелось расставаться с ребятами.

Помню своё первое изделие — ИСЧД (имитатор сигналов частотного датчика), на чертежах которого в графе «разработал» стояла моя фамилия. Разработал его на самом деле Э.С. Никулин, а я под его присмотром собирал макеты, испытывал, оформлял чертежи. Но подпись в графе «разработал» грела душу, казалось, что тоже чего-то можешь.

Молодой специалист в советские времена много времени проводил на подшефных колхозных полях, в тарном цеху овощебазы и на других объектах, требующих низко квалифицированного труда. Мы старались выжимать из этих мероприятий максимум «приятностей». Особенно удачно получалось летом в хорошую погоду, если поля были в районе Кавголово. Закончив работу, мы не спешили на электричку, мы спешили на озеро, прикупив портвейн (культовый напиток доперестроечной поры). Получался пикник. Совсем другое дело — дождливая осень на полях с капустой или свёклой. Все в грязи, мокрые с головы до ног. В таком виде надо ещё и до дома добраться. Едешь, а от тебя все шарахаются. Не инженер, а предтеча бомжа. Был случай, наших ребят — Лёшу, Антона и Серёгу — забрали в милицию при их возвращении с полей. Живописный вид плюс инструменты в сумке (Лёшка собирался ехать в яхт-клуб) решили их судьбу на несколько часов. Стражи порядка приняли их за взломщиков квартир. Потом, конечно, разобрались, что к чему, и отпустили. Ещё один характерный штрих того времени — это режимные строгости. Опоздать ни-ни, даже на минуту. Не только тебя накажут, а весь отдел может премии лишиться. Дяди из первого отдела вели беседы о бдительности: «Около здания ЦНИИ «Аврора» проехала машина с дипломатическими номерами. Враг не дремлет! Люди, будьте бдительны! Болтун — находка для врага!» и т. д. и т. п. Чтобы вынести с фирмы какую-нибудь бумажку, нужно было оформить горы других бумажек, получить массу подписей и штампов, но при определённой сноровке можно было вынести целую стойку аппаратуры, не нарушая порядка. Есть ли подобное сейчас?

Вклиню здесь в рассказ Е.В. маленькое дополнение.

Не знаю, как сейчас, а тогда… Вспоминаю три случая.

Первый был со мной, когда я ещё был на преддипломной практике. Перед каким-то праздником мне поручили принести к застолью две бутылки шампанского. Вышел на Суворовский проспект, купил, засунул их под ремень и пошёл через проходную.

Охранница: «А что у Вас под плащом?» И стукнула рукой по моему животу… Хорошо, что бутылки были на спине!..

А выносили на спор, например, так.

Тяжеленную металлическую плиту привязывают к туловищу рабочего. Двое его, якобы в стельку пьяного, тащат под руки к проходной, укрепив пропуск на груди «пьяницы», и охранник с пониманием пропускает всю троицу…

Надо вынести длиннющий пруток. Как? Двое им начинают якобы измерять длину коридора. Подходят к проходной, показывают пропуска, и деловито продолжают «измерять» уже за проходной…

Раньше старались заинтересовать молодых работой, были конкурсы, которые назывались, по-моему, лучший молодой инженер, лучший молодой техник. Победил, — получай грамоту и денежки. Приветствовались рацпредложения и изобретения. Чтобы подать заявку на изобретение, надо было сначала изобрести, а потом долго-долго оформлять бумаги. (Э.С. это не смущало.*) С рацпредложениями же всё было легче. Размер награды меньше, но оформлять проще. КПД выше. Наша компания молодых специалистов одно время использовала «рацухи» как средство дополнительного заработка. Распределяли, кто что делает, и получалась почти поточная линия.

Трудно всё разом вспомнить, ещё труднее связно изложить, не искажая при этом смысла того, о чём хочется сказать (см. эпиграф). Самым сильным увлечением каждого из нас была электроника. Нет, был один человек, который понял, что занимается не своим делом после окончания учёбы в ЛЭТИ. Это наш художник, скульптор и резчик Коля Сухач. Жертва системы, существовавшей в те давние

---

* К тому же Э.С. был в то время назначен Сергеем Александровичем Обуховским «главным» в его отделении по ВОИР (Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов), что требовало от Э.С. соответствующей деятельности. Материалы заявок и переписку по ним я печатал дома на машинке «Москва» и на бумаге по 29 коп. за пачку в 500 листов. Сергей Александрович узнавал «бумаги» на этой бумаге в куче других и смеялся: «Опять эта серенькая!» (Примечание Э.С.)

времена. Инженер после окончания института должен был обязательно отработать три года на предприятии, на которое он был направлен при распределении. Вот Коля и отбывал номер. При этом рисовал на обрывках бумаги, кусках фанеры, выплавлял из олова паяльником фигурки чёртиков и обнажённых красоток. Дом у него был подобен художественному музею. Сейчас на рабочем месте у меня висит один из Колиных рисунков, вернее, копия. Где сейчас Н.Н. Сухач, не ведаю, к сожалению, а кусочек его души в рисунке каждый день со мною.

И здесь не могу избежать искушения «вклиниться».

Коля Сухач работал под моим «началом». Мне сразу стало ясно, что для него инженерная деятельность — «не в коня корм». Нет, он, окончивший тоже ЛЭТИ, был толковым, мог при необходимости провести какие-то сложные математические выкладки. Мог, но всё это было вне сферы его интересов. Однажды он при снятии параметров какого-то устройства даже… заснул! Его влекло только одно — изобразительное искусство. И я его понимал, ибо и меня оно «влекло». И потому я часто с ним беседовал на эту тему. Он рассказал, как «этим заболел». Приехав в Ленинград с Севера и поступив в ЛЭТИ, он как-то пошёл в Русский Музей и… «заболел»!

Уж не помню, как удалось помочь ему уволиться до истечения положенных трёх лет. На прощание он подарил мне фигурку негритянки, вырезанную им из привезённого мной из Ярославля чурбака липы. Негритянка и сейчас стоит на полке рядом с моим столом и напоминает мне о Коле Сухаче. После он стал работать на железной дороге, сопровождать рефрижераторы, что позволяло ему заниматься любимым делом и на работе. Жил Коля недалеко от Кузьмолово. Однажды в те далёкие времена мы с сыном, учившимся тогда и в городской художественной школе, навестили Колю и посмотрели его «музей на дому».

Честно говоря, я до сих пор немного завидую Коле…

Пишу, перескакивая с одного на другое. Что вспомнится, о том и пишется, или, как у Б. Окуджавы, «каждый пишет, как он дышит». Вот вспомнилось: однажды Антон Дедюшин попросил Эдуарда Сергеевича объяснить, как работает узел ПНЧ,* если он вообще может работать.

---

* ПНЧ — преобразователь напряжение-частота.

В ответ он услышал следующее: «Есть такие вещи, в которые надо просто верить: Иисус Христос, коммунизм, узел ПНЧ. Работает он. Поверьте!»

Внешность Антон Антонович имел яркую, навевал своим видом тему «они убили Павлика Морозова» — образ типичного кулака. Когда он появился, женщины сектора заголосили: «Он по сумочкам будет шарить! Берегись!» Навеяло, как говорится.

Помню, как мы слушали траурные гудки заводов в день похорон Брежнева. Был у власти старый больной человек, одной ногой стоявший уже ТАМ, а может, и двумя. Был застой. Надо понимать, отсутствие развития, хотя, с другой стороны, стабильность. Потом началась череда умирающих генсеков. Наконец, ветер перемен, как поёт немецкая группа «Scorpions», принёс нам из Ставрополя Горбачёва. При Брежневе казалось, что хуже уже не бывает, Горбачёв доказал, — бывает. Главное — начать (с ударением на первом слоге), а потом углубить (с ударением на втором). Углубляли, правда, уже другие…

А «Аврора» жила, и мы жили. На работе проводишь треть жизни. Если прибавить время, проведённое в пути на работу и с работы, может, и больше. «В «Авроре» времени проводим больше, чем с детьми» — это слова НИК из её книги. Короче, семейная жизнь у меня тоже с «Авророй» связана. В 1985 году в соседнем секторе нашего отдела появилась девушка, ставшая моей женой…

Тогда же в нашем отделе образовался новый сектор, начальником которого стал Э.С. В лучшие годы наш сектор состоял из 13–14 человек.

В разное время в нём работали Смирнов В.Б., Тихомирова Л.В., Шмаков М.В., Колмыков Е.В., Пахоменков Ю.М., Федосеев А.В., Бубенников С.Л., Шашева Л.С., Подгорова Н.Н., Гегелева Н.И., Костылев К., Галич Г.Е., Охроменко Ю.А., Баграмова Ю.Э., Хромчиков А.В., Федосеева Е.В., Шумилова Т., Кучумов В.Н., Комова В.В., Соколов В.А. Кто-то долго, кто-то совсем мало. До конца своих «авроровских» дней я работал в этом секторе.

Сейчас, когда я пишу эти строки, за окном весна, тепло, солнце. В такой же весенний день, но в 1990 году мы всем сектором были приглашены на 50-летие нашего «мудрого вождя и любимого руководителя» Эдуарда Сергеевича. Торжества проходили в ресторане «Метрополь». Встречали гостей юбиляр и НИК (Нина Ивановна Коршунова), столы были накрыты в Ореховом зале, окна которого выходили на Садовую улицу и были открыты. В памяти хранится картина: звуки трамваев за окном, и Зоммер с Ильиным, поющие «…артиллеристы, Сталин дал приказ…» Хорошо, тепло и все ещё живы!

С наступлением реформ начали народ сокращать, кто-то сам уходил, кого-то «уходили». Причём, убирали порой такие фигуры, которые трогать и не стоило. Они были цементом, скрепляли стену, убери цемент, и стена долго не простоит. От нашей компании молодых специалистов, пришедших в 1979–1980 годах в сектор Ильина, не осталось никого. А из тех, кто работал потом в секторе Никулина, остались сам Эдуард Сергеевич да Юра Пахоменков. Уходили люди по-разному. Кто тихо и незаметно, а кто и хлопнув дверью напоследок, как это сделал Миша Шмаков, написавший на прощание язвительное стихотворное послание руководству. Может быть, где-нибудь и сохранились эти строки. Эффект был не слишком сильный, скорее, принёс ему удовлетворение лишь в моральном плане.

Разогнали народ, пропала связь поколений, не стало преемственности. Уйдут последние могикане, и всё когда-нибудь придётся начинать с нуля, если, конечно, это время когда-то наступит. Грустно, девушки! После института мечталось, что буду работать всю жизнь на одной фирме по своей специальности, но, — увы. Человек только предполагает, а располагает…

Май 2003

Юлия Баграмова

МУЖЧИНАМ НАШЕГО СЕКТОРА

Муза! Приди и воспой сектора нашего цвет несравненный,
Дивнопрекрасных мужей, вместилищ достоинств различных.
Вот перед нами предстали они благосклонно.
Мечется глаз, поражённый возникшей картиной:
Все, как один, молоды и красивы безмерно,
Взор ослеплённый не знает, на ком задержаться.
Сергия сын, Эдуард благородный,
Обликом Зевсу подобный, умом же ни с кем несравненный.
Холоднoблещущий взор его взору Суворова сходен.
Не уступает ему Михаил,
потомок прекрасного Шмаковых рода.
Сколь величав он, уставивший взгляд многоумный
В тайномерцающий мир формул различных и знаков,
Вот он сидит, и явно блистает порода.
Светлый Евгения лоб дума тяжёлая взрыла,
Волны сбегают с чела, мыслями преображаясь.
Лоб упомянутый был бы Сократу по нраву.
В яркой своей красоте Серёжа Бубенников блещет.
Мощи его дерзновенной сам Геркулес подивился б,
Медно бы выпуклой грудью и Ахиллес обзавёлся б.
Приветноречив наш Василий и благородством сверкает.
Взор скромнотомный его полон умом с добротою.
Юрий младой, пышнокудрый, не взирая на младость,
Сонмище чудных достоинств в недрах души своей прячет,
Их, возжелавши, даже б Гомер не исчислил.
И наконец, дивностройный Андрей, светлоглавый.
Вертит делами он столь же проворно,
сколь гирей пудовой играет.
Нищие речью не в силах воспеть мы
Дивнопрекрасных мужей, вместилищ достоинств различных.
Кончили. Чаю нам выпить здесь время настало!

23 февраля 1986

В.Б. Смирнов

Ю.М. ПАХОМЕНКОВУ НА ПРОВОДЫ В АРМИЮ

Ах, куда ты, Юра наш, ах, куда ты?
Ты же больше нужен нам, чем солдатам.
Али там дефицит — офицеры?
Дак и нам здесь нужны Инженеры.

Ах, куда ты, Юра наш, ах, куда ты?
На кого бросаешь ты свои ЦАПы?
Офицеры в ПВО, чай, найдутся,
РЛС и без тебя обойдутся.

Если службу в ПВО не полюбишь,
Возвращайся к нам назад, как отслужишь.
Изготовят «Флюорит» к тому году,
Будешь делать в нём тогда всю погоду.

Свою службу там неси пободрее,
На «Аврору» ты вертайся скорее.
И два года пролетят, — не заметим,
В сто четвертой мы опять тебя встретим!

Обитатели 104-й комнаты:

Галич,
Гегелева,
Колмыков,
Костылев,
Никулин,
Охроменко,
Смирнов,
Тихомирова,
Федосеев,
Шашева,
Шмаков.

1987

М.В. Шмаков

ЮБИЛЯРУ
И ЕГО ЛУЧШЕЙ ПОЛОВИНЕ*

Э.С. Никулину
на 50-летие

* * *

Эдуард Сергеич! Праздник Ваш
Приводит в размышленье нас:
Как же отметить юбилей,
Чтоб жить Вам стало веселей,

Чтоб птица ранняя в саду
Пропела Вам «Кукареку»,
Что значит: новый день настал,
Петух Вам счастья пожелал,

И солнце снова в небесах,
И снова жизнь торопит Вас.
Отметим: в прошлые полвека
Вы превратились в человека,

Который многое «могёт»,
Который заслужил почёт
Умом своим, отвагой тоже.
Понятно — честь для Вас дороже.

Вы за прошедшие года
Трудились много и всегда.
Усилья Ваши для страны
Полезны были и важны.

---

* Вторая часть «оды» приведена ниже, в тексте «Стёжки-дорожки. *Нина Ивановна Коршунова*».

Однако, Вы в пылу работы
Семье, себе — чуть-чуть заботы.
Смотря, что делают верхи,
Мы Вам желаем от души,

Трудясь упорно для страны,
О животе подумать всё же:
Построить дачу для жены,
Женить сынов и внуков тоже,

Чтобы на пенсию идя,
(Однако сотню лет спустя),
С женою жить и в счастье и с детьми,
Свободу нюхать и цветы.

«ДА ПОШЛИ ОНИ!»

Анатолий Андреевич Макаревич

Завтра наступит 40-й день, как нас покинул Анатолий Андреевич Макаревич. А сегодня я вспоминаю о нём, о нашей совместной работе…

* * *

Седьмого марта, утром, мне позвонил Давид Ионин и сказал, что всё собирался поговорить со мной о книге НИК, но это потом, — сегодня в шесть утра скончался Макаревич… Не верится…

Из коридора тянет апельсинами, народ готовится отмечать наступающий Женский праздник. А Макаревича нет. Каково же сейчас его жене…

* * *

…Когда же я познакомился с Макаревичем? В памяти встаёт Сосновый Бор (начало 70-х?). Что там я делал по работе, уже не помню. Но осталось общее впечатление от первого общения с Анатолием Андреевичем — спокойствие, надёжность, теплота, обстоятельность, хозяйственность. Он занимался там наладкой системы вместе с Ю.И. Бокатовым. После работы они затащили меня к себе в гостиницу, где жили в одной комнате и завели кухонное хозяйство, поражавшее своей основательностью (были и кастрюльки, и сковородки). Там я узнал новое для меня слово — «супешник». С этого их фирменного «супешника» и началось тогда наше застолье…

* * *

Одиннадцатого марта к полудню появился некролог, где были такие слова: «…сдавал много систем и всегда выходил победителем. Вот только болезнь не смог победить…»

В автобусе сажусь рядом с Вадимом Соколовым, который говорит, что после ухода Анатолия Андреевича из «Авроры» его часть АЗРТ передали ему…

…АЗРТ для ЛАЭС… Одна из последних наших работ с Макаревичем. Началось всё с того, что он пришёл проконсультироваться по построению порученного ему канала управления, который предполагалось сделать на старой («унифицированной») аппаратуре. Я принялся уговаривать Толю создать новую, «специализированную». Он и рад бы, но как посмотрит начальство на новую разработку? Мне пришлось сделать технико-экономическое обоснование, показывающее, что новый вариант раз в десять лучше старого по всем параметрам и даст экономию около 1,5 млрд ещё «тех» рублей. Зашёл к Главному инженеру В.В. Астрову, рассказал всё и передал ему это обоснование. И завертелось. Макаревич с Иониным с энтузиазмом составляли нам задание, а мы (я и мой коллега Ю.М. Пахоменков) пристрастно его осознавали и с удовольствием «творили». Всё это было разработано, изготовлено и отлажено, но до ЛАЭС пока так и не дошло (времена нынче смутные)…

* * *

Автобус тащится по лужам, — март. Выгружаемся и встречаемся с теми, кто прибыл на другом автобусе. Приходится ждать, а пока с Г.В. Зоммером и А.Н. Яковлевым начинаем обсуждать доработку «Муссонов», которую начинал ещё Толя…

…«Муссоны»… На них-то мы с Макаревичем, в основном, и сотрудничали. И при изготовлении, и при сдаче их на заказах.

В Ставрополе на заводе «Нептун» нам довелось вместе работать, когда там уже не было «папы Бори» (так называли бывшего директора, который матерился, «разносил» и держал в страхе весь завод). При изготовлении этой системы директором там был уже Е.Е. Носов. Не было и заказчика

Буйневича, прославившегося своей педантичностью (которую он объяснял так: «А если ваш сын будет служить на этой лодке?»). Не было Буйневича, но зато его молодой преемник оказался весьма любознательным и любящим поспорить. Нам бы работать, а он втягивал всех в какие-то бесконечные теоретические споры по очевидным вопросам. Макаревич от него просто отмахивался. У Толи на всё мешающее был характерный взмах руки, сопровождаемый словом «А-а-а…», если дело касалось техники, и «Да пошли они!», если мешали работе люди. Пошли-то, пошли, но уж очень много времени отнимали эти никчёмные споры, к тому же некоторые вещи хотелось обсуждать без посторонних. И когда Носов спросил, что надо для сдачи системы в срок, я сказал, что необходимо наладку системы вести без наблюдения приёмки. Директор помолчал, посмотрел на нас и ушёл. На следующее утро нашего молодого спорщика не было, и мы вздохнули свободно…

* * *

Начинается прощание. Первое слово от администрации…

…А вот на Дальнем Востоке нам вместе не удалось поработать, — я попросил Толю не вытягивать меня туда (были какие-то личные причины). Он пообещал все вопросы снимать по телефону. И каждое утро я приходил до начала работы в кабинет В.В.В. и вёл переговоры с Макаревичем через всю страну по ВЧ связи. Он сообщал о заморочках, я просил его что-нибудь сделать, измерить. За сутки он это всё делал, а я анализировал. И пробились.

При изготовлении следующей системы на Востоке туда отправился Ю.М. Пахоменков. Приехал поражённый свойством Анатолия Андреевича сохранять в сложных ситуациях олимпийское спокойствие (там нашлись свои «подгонялы»)…

* * *

Выходит Люций Евгеньевич Слёзкин. Говорит просто. Мне кажется, что он улыбается, это, наверное, из-за того, что за ним я вижу окно с серым небом. Люций говорит о том, что Толя умел всё делать, и на его столе остались ждущие ремонта часы, радиоприёмники и другие вещи…

…Да, он со всем умел справиться.

Однажды в Северодвинске мы настраивали систему в восьмом отсеке (или в седьмом?). По ходу дела надо было установить на нуль задатчики, а это никак не получалось. Наконец, Толя повёл меня в ЦПУ, чтобы разобраться с задатчиками на месте. Был день, и ЦПУ кишел народом. Из-под нашего пульта высовывались две пары ног. Всё бы ничего, если бы они лежали спокойно, а так приходилось всё время думать, как бы на них не наступить. Я крутанул рукоятку задатчика, — до нуля его довести не могла никакая сила.

— Плохо дело, упор мешает.

— Посмотрим…

И Макаревич достаёт отвёртки и торцевые ключи (их почему-то носили в брезентовой рукавице) и начинает спокойно вынимать прибор из пульта.

— Ты что делаешь?!

— А-а-а…

Вынул-таки Толя прибор из пульта. Осмотрели мы его, а упор-то «металлический». (Спрашивается, куда все раньше смотрели?)

— Ну что, собирай и пошли?

— Подожди…

Это для меня «металлический», но не для Анатолия Андреевича.

Макаревич идёт к людям, те показывают ему на ноги под пультом. Толя склоняется, что-то говорит. Из-под пульта появляется хозяин одних ног и вооружает Толю необходимым инструментом. С ужасом думаю: «Неужели?» Да, Толя просит меня держать прибор, что-то подставляет

и начинает колдовать над «металлическим» упором. Теперь уже для нас в ЦПУ никого нет, ни людей, ни ног. Толя священнодействует, а я держу. Чтобы не «пронести», приходится часто проверять. Наконец, стрелка доходит до нуля, а ноги из-под пульта незаметно для нас исчезли.

Толя закручивает последние винты, складывает инструменты в рукавицу, и мы тащимся через всю лодку в свой восьмой.

Там проверяем нули у задатчиков. Толя их победил!..

* * *

Слово берёт Г.А. Григорьев…

…Вскоре после расправы с задатчиками всех оживляющих эту систему разделили на три группы, чтобы работа шла круглосуточно. Меня включили в группу с Зоммером (сам-ВИЗ!) и Макаревичем. И ещё одна удача, — нам досталась ночная смена. Днём на лодке ужасно много народа. Но что меня всегда поражало, так это доброжелательное отношение друг к другу всех работающих в тесноте людей. Все понимают, что у каждого своя задача и надо не мешать соседу её выполнять. Но всё равно в чём-то мешают. А ночью совсем другое дело — пустота, тишина.

Зоммер и Макаревич жили в общежитии на Пионерской, а я в центральной гостинице («Волна»?). Идти мне было недолго, всё было вымерено, и я пижонил, — открывал дверь в комнату на дебаркадере, когда там по радио начинали звучать куранты. Всех моя точность веселила. На лодке мы расходились, — Зоммер шёл в ЦПУ, а мы в наш восьмой (или седьмой?) и начинали процесс «наладки и настройки». Толя любил точность, уж если надо выставить 10.000, то он будет крутить до тех пор, пока на вольтметре не появится такое число. Никаких моих критических замечаний на этот счёт он не воспринимал. Его любимая хвала каналам — «близнецы-братья». А Зоммер в ЦПУ устанавливал по нашим просьбам рукоятки в нужное положение. Он, конечно, этим не мог ограничиться. У него постоянно

возникали всякие идеи, и для их проверки он вклинивался в наш «процесс». Я бурчал и терпел, а Толя, как всегда, махал рукой: «Да пошёл он!» и продолжал спокойно выставлять свои круглые числа. При проверке очередной идеи Зоммера я не вытерпел и стал кричать ему по «Берёзке» всё, что о нём думаю.

— Наверное, обидится, — говорю Толе.

— Сам напросился, — отвечает он.

Надо отдать должное Генриху, он не только не обиделся, но и понял всё. Уже в Ленинграде он признался, что подумал тогда: «Они знают сами, что делать, и пусть делают»…

* * *

Наступает в прощании самый тягостный момент…

Давид и Люций подходят к родственникам, один поддерживает жену, другой дочь…

Я отмечаю про себя, что из мужиков они оказались самыми отзывчивыми читателями НИК… Чтобы сдержаться, надо смотреть в окно, за которым серое, совсем не мартовское небо…

…Вот и тогда было небо. Наступила наша последняя ночная смена. Всё было подготовлено к предъявлению системы. Каналы были отрегулированы так, как хотел Макаревич — «близнецы-братья». Прошли последние проверки, делать на лодке было больше нечего, и мы выползли из неё на дебаркадер. Начинался рассвет, над водой клубами вился молочный туман. Сейчас бы с удочкой сидеть на берегу реки и смотреть на выкатывающееся из-под земли солнце и на небо…

* * *

Завтра у Толи 40-й день. Попрошу Ионина и Слёзкина передать эти записи Галине Михайловне, жене Макаревича.

Легче ей от этого не станет. Но всё-таки…

14 апреля 2003

Г.А. Григорьев

А.А. МАКАРЕВИЧУ

За окном сегодня осень шелестит,
На работе «окаянной» коллектив не спит.
Пересуды, разнотолки, ожиданье встреч,
Юбиляра караулят, чтоб не мог он «сбечь».

Нынче не простая дата, повод для тостá,
Это ведь не сорок, даже не полста!
Она признана законом, чтит её собес,
С ней в доходах в дом приходит видимый прогресс.

Дорогой Андреич, Толя! Много лет и зим
Мы плечо к плечу в «Авроре» небо не коптим!
Дорогие прибамбасы создали судам,
На ЛАЭСе побывали, след оставив там.

Через «Шквалы» и «Муссоны» ты в АЗаРТ вошёл,
Всё, чего бы ты ни сделал, дышит хорошо!
Добр без меры, весел, светел, друг — каких сыскать,
Дальше только после чарки будем величать.

На машине, на подлодке, под покровом вод
Только с Макаревичем грудится народ.
На Амуре все девчонки вдаль с тоской глядят,
Ждут, когда же милый Толя прилетит назад.

След на Севере оставил тоже не простой,
Там, слыхать, его назвали девичьей тропой.
Это всё, конечно, шутки, веселись народ!
Кто всю жизнь молотит рядом, юмор наш поймёт.

Он семье своей опора, стоек, как кремень!
Тут пришлось бы даже Еве отправляться в тень.
Тот мужчина, кто построит дом, так сказал Расул,
Он бесспорно Макаревича взял бы в свой аул.

От Синявино не только Дагестан далёк,
За баранкою до Охты будь с тобою Бог.
Не лысеет пусть резина, зорким будет глаз,
Нынче с отроческой прытью не дави на газ.

Белоруссия — Россия?! Телик аж взопрел.
Мы им вместе, Толик, скажем: «Усё, не маем дел!»
Что всё около, да рядом… Чарку надо взять,
А до песен и объятий там рукой подать.

Пьём за руки золотые, за отличный нрав,
Кто не пьёт, тот, скажем прямо, полностью не прав!
Милый друг! На свете этом ты лишь взял разбег,
Маяком тебе пусть будет Мафусаилов век.

ДВОЕ В ЛОДКЕ, НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ*

Генрих Викторович Зоммер

Даже и не помню, когда это было. Наверное, в конце 70-х. Последний раз я путешествовал «дикарём» в 70-м, когда мы втроём, однокурсники Саша М., Юра В. и я, забрались в верховья Большого Енисея (Бий Хем по-тувински) и сплавились по нему в лодке до Кызыла. До этого ходили на Урал (64-й, такой же компанией). И много раз по ярославскому краю.

Да, наверное, в конце 70-х…

Как-то в начале сентября Генрих Зоммер, ВИЗ (ведущий инженер заказа) систем управления «мощностью» (см. байкобыль «Заяви!»), предложил мне сплавать на байдарке на какой-то «архипелаг» в Ладожском озере. Соблазнял дикостью природы и безлюдьем.

Грести мне приходилось много, но в байдарке ещё не сидел. Хорошо бы. Однако меня сдерживали недавние нелады с почками — не добавить бы!

— Мы же не будем купаться! — развеял мои сомнения Генрих.

И мы приступили к подготовке: закупали продукты (тогда это было не так-то и просто), готовили снаряжение.

За день до предполагаемого отъезда забросили тюк с байдаркой в камеру хранения Финляндского вокзала.

И тут… На Ленинград налетел шторм. Вода в Неве поднялась. «Деревья гнулись и качались, / А ночка тёмная была…» На следующее утро поутихло. Мы подумали-подумали и решили выехать…

Электричка привезла нас в Приозерск. От станции не так далеко до озера. Перенесли груз, собрали байдарку. (Я был у Генриха на подхвате.)

---

* Из книги автора «Байкобыли от ЭН» (2016). Да, здесь будут повторы, но я не стал, извините, ничего переделывать.

Байдарка оказалась двухместной, а может, и трёхместной: в её середине, между рюкзаками, расположился Бек — сибирская лайка, неизменный спутник Генриха.

Поплыли…

А дело уже к вечеру.

Генрих рассказывает о системе озёр на реке Вуоксе. Показывает остров, называемый в народе «Островом любви» (его любят посещать местные парочки). Мы плывём мимо него, нам надо подойти поближе к реке Тихой, текущей в Ладожское озеро.

Совершенно не помню нашу первую ночёвку. Точно знаю, что не мёрз. Видимо, лапник под палаткой и спальник были хороши.

Зато утро следующего дня помню отчётливо: оно было прекрасным — яркое, ласковое солнце, синее, безоблачное небо. Настоящее бабье лето!

И мы поплыли по Тихой.

Речка узкая, вся в водорослях, завалах. Это тебе не Бий Хем! По берегам видим людей и животных. На радость Бека. Он ставит лапы на борт и оглушительно лает. Это передо мной, за спиной хозяина, ибо тот в носу байдарки, а я — в корме. У лодки из-за действий Бека возникает крен, того гляди черпанём воду. Я «лаю» на Бека. Он посмотрит на меня удивлённо: «Ты кто такой здесь?!», помечется по лодке, раскачивая её, и снова «Вау! Вау!»…

День прекрасный, река прекрасная, плывём ходко. Я приспособился. Генрих моей греблей доволен.

Но на полпути к Ладоге нас ждало приключение.

Лодка вдруг на что-то «села». Мы «ударили в вёсла». В надежде сдвинуть лодку с препятствия стали её качать и подгонять толчками, покрикивая «Наддай!»

Помните у Некрасова?

«Наддай!» — я слово выронил.
Под слово люди русские
Работают дружней, —
«Наддай! наддай!» Так на̀ддали…

Ну, насчёт «люди русские»…

У Генриха в роду, наверное, немцы, отсюда имя и фамилия. У меня по маминой линии есть что-то эстонское и капельку немецкого, отсюда и имя.

Но вот что точно: мы с ним — «советский народ».

Недавно, к 70-летию Победы, я написал «труд» с названием «Вспышки в памяти. Из моего околовоенного детства в Забайкалье». Цитата оттуда:

> Когда отец получил назначение в Каштак под Читой, мама надумала оставить работу в Сосновке и переехать к нему. Благо, с 45-го у неё уже был помощник — врач Ида Ильинична Цукерман. Ей и её мужу Чимиту отдали для жилья наш пустующий зал.
>
> Интересная пара — он бурят, она еврейка. И живут они в доме, где хозяйка — русская, имеющая (по отцу) эстонские корни, изучавшая в разное время языки русский, татарский, немецкий, латинский и даже немножко бурятский и не знающая ни слова по-эстонски. И всю эту компанию можно считать сообществом людей, получившим название «советский народ», который победил фашизм и который упомянутый выше Норберт Винер называл по-своему, обобщённо и кратко (как и многие на Западе): «русские».

— Наддай!..

И мы наддаём, но лодку уже не продвигаем вперёд, а только мучаем.

Тут я замечаю нечто странное в поведении Бека. Смотрю в лодку и…

И говорю (не кричу, не ору, а эдак спокойно):

— Генрих! В лодке вода!

Генриху не видно, что̀ в лодке, ведь он сидит в её носу. Он оборачивается. Мы оба смотрим на всплывающие рюкзаки. Вода в байдарке прибывает ну очень шустро.

Первым решение принимает Бек: он прыгает через борт и плывёт к берегу, к левому, что повыше и поуютнее. Плывёт не брассом, не кролем, не баттерфляем, а — по-собачьи.

До берега всего-то несколько метров. Он выходит на берег, шумно, опять по-собачьи, стряхивает с себя воду, садится на задние лапы и смотрит на нас, как будто говоря: «Я уже, а вы?»

Я говорю:

— Генрих! Делай, что хочешь, но в воду мне нельзя, у меня «почки»!

Но Генрих уже выпрыгнул из лодки. Вода ему по грудь. Он отводит байдарку немного назад, снимает её с препятствия и кормой подводит к берегу.

Не успела вода в лодке дойти до верха моих резиновых сапог, а я уже на берегу, рядом с Беком. Единственный из троих, не побывавший в воде.

Мы вытаскиваем всё из байдарки, потом и её. Переворачиваем лодку вверх дном…

Быстрое расследование устанавливает причину «кораблекрушения».

Генрих Зоммер, хозяин сего судна, дабы укрепить обшивку, приклеил к ней снаружи, вдоль шпангоутов, «усилительные полосы». А далее сработал принцип «Лучшее враг хорошего». В одном месте на днище полоса отошла от обшивки. Именно в это место попал острый сук коряги и проткнул обшивку. Пока мы кричали «Наддай!» и пытались продвинуть вперёд лодку, раскачивая её, этот зловредный сук распорол обшивку от шпангоута до шпангоута. Потому-то так быстро и прибывала вода. Ещё бы, при такой-то «дыре»!

Ответ на извечный для России вопрос «Кто виноват?» был дан: совпадение разных обстоятельств — заусеница на усилительной полосе, сук коряги, оказавшийся в нужное время в нужном месте, наши дружные усилия под слово «Наддай!» В общем, всё вместе и никто конкретно.

Труднее было дать ответ на второй извечный вопрос — «Что делать?»

Но сначала мы, как смогли, переодели Генриха. Для этого пришлось перетряхнуть содержимое рюкзаков.

Сухого оказалось немного, но всё же. Тут нам помогло бабье лето — солнце и теплынь.

Хорошо Беку — стряхнул со своей шубы воду и всё!

После переодевания между мной и Генрихом произошёл такой разговор. Начал его Генрих:

— Похоже, нам надо возвращаться в Приозерск.

— Разве у тебя нет аптечки для ремонта байдарки?

— Аптечка есть.

— Так давай ремонтировать.

— В аптечке есть клей и материал для заплаток. Но этого мало.

— Что же надо ещё?

— С такой дырой на одном клее в Ладогу выходить нельзя — утонем. Надо иголку и нитки.

— Зачем?

— Я бы зашил обшивку с укрепляющей полосой и проклеил бы шов с обеих сторон.

— Что же ты не берёшь с собой такие необходимые вещи?

— Никогда не было таких длинных дыр, чтобы шить!

— Генрих! Давай посмотрим, что в моём ремнаборе. Я всегда беру его с собой в походы. И сейчас он со мной.

Мой ремнабор — это картонная коробочка из-под конфет, крест-накрест перевязанная длинным шнурком для ботинок. Чего только там не было! Нитки, иголки, булавки, пуговицы, куски материи и кожи, гвоздики, шурупчики, тесьма и пр., полезное при мелком ремонте одежды, обуви и снаряжения.

Мы вскрыли ремнабор и нашли в нём всё нам нужное. Даже напёрсток!

Генрих был удивлён моей «хозяйственностью» и тут же стал готовить место для ремонта байдарки.

Я же развёл большой костёр. Благо, Бек выбрал весьма удобное место для стоянки: много дров и большая поляна, окружённая громадными валунами.

Не только Бек, но и я показал себя с хорошей стороны: в рюкзаке у меня лежали коробки спичек, наглухо запаянные в полиэтилен и потому сухие.

После перекуса и согревающего чая мы приступили к работе.

Генрих колдовал с байдаркой. Я раскладывал на валунах вещи для их просушки. Бек нас воодушевлял.

От воды пострадало многое. Но безвозвратно только сахар-рафинад (хоть и не был быстрорастворимым, но хорошо подсластил воду в речке Тихой) и радиоприёмник Генриха (так и не заработавший, даже после продувания и прогревания у костра).

Просушка…

Это слово вызвало у меня в памяти наши совместные дела с Генрихом. Попробую найти их описания и ещё раз «пережить» (пока Генрих чинит лодку, а солнце и костёр сушат наши пожитки)…

Из послесловия к книге: НИК (Нина Ивановна Коршунова) «Избранное на «авроровские» темы» (2002):

Однажды в 60-х годах в лесу недалеко от Сосново мы встретили Г.В. Зоммера, бродившего там со своей лайкой по кличке Бек. При знакомстве НИК вскользь заметила, что вообще-то она его давно знает…

И лишь спустя много лет, после развала КПСС, она рассказала, как в своё время по комсомольской линии «тормознула» вступление Зоммера в партию. Так и остался Г.В. на всю жизнь беспартийным…

Из рассказа «Макаревич» (2003):

…Вскоре… всех оживляющих эту систему разделили на три группы, чтобы работа шла круглосуточно. Меня включили в группу с Зоммером (сам-ВИЗ!) и Макаревичем. И ещё одна удача, — нам досталась ночная смена. Днём на лодке ужасно много народа. Но что меня всегда поражало, так это доброжелательное отношение друг к другу всех работающих в тесноте людей. Все понимают, что у каждого своя задача и надо не мешать соседу её выполнять. Но всё равно в чём-то мешают. А ночью совсем другое дело — пустота, тишина.

Зоммер и Макаревич жили в общежитии на Пионерской, а я в центральной гостинице («Волна»?). Идти мне было недолго, всё было вымерено, и я пижонил, — открывал дверь в комнату на дебаркадере, когда там по радио начинали звучать куранты. Всех моя точность веселила.

На лодке мы расходились, — Зоммер шёл в ЦПУ, а мы в наш восьмой (или седьмой?) и начинали процесс «наладки и настройки».

Толя любил точность, уж если надо выставить 10,000, то он будет крутить до тех пор, пока на вольтметре не появится такое

число. Никаких моих критических замечаний на этот счёт он не воспринимал. Его любимая хвала каналам — «близнецы-братья».

А Зоммер в ЦПУ устанавливал по нашим просьбам рукоятки в нужное положение. Он, конечно, этим не мог ограничиться. У него постоянно возникали всякие идеи, и для их проверки он вклинивался в наш «процесс». Я бурчал и терпел, а Толя, как всегда, махал рукой: «Да пошёл он!» и продолжал спокойно выставлять свои круглые числа.

При проверке очередной идеи Зоммера я не вытерпел и стал кричать ему по «Берёзке» всё, что о нём думаю.

— Наверное, обидится, — говорю Толе.

— Сам напросился, — отвечает он.

Надо отдать должное Генриху, он не только не обиделся, но и понял всё. Уже в Ленинграде он признался, что подумал тогда: «Они знают сами, что делать, и пусть делают»…

Из моего интервью альманаху ЛЭТИ «Метроном Аптекарского острова» (2007):

Больше всего мне приходилось участвовать в разработках электронной аппаратуры для системы управления мощностью атомной энергетической установки и частотой вращения турбины (в конечном счёте, — скоростью корабля).

Будучи сторонником «укрупнения», так «наизобретал», что основные функции этой системы оказались в моём «объёме». Однажды в 80-х ВИЗ системы Г.В. Зоммер (выпускник ЛКИ, но всегда был окружён лэтишниками) уработался на лодке до «локального пожарчика» и вызвал меня на помощь.

Прилетев, я прежде всего уговорил его помыться, побриться, постираться и денёк отдохнуть. А потом, побывав на заказе, — и работать по ночам. Днём на лодке столпотворение — у каждого свои дела и сроки, идут какие-то работы, для нас оборачивающиеся простоем. Да и толкаться у межотсечных люков радости мало (у нас пульт во 2-м отсеке, а стойки — в 8-м). Ночью же — благодать! Г.В. Зоммера мы усадили за пульт, А.А. Макаревич — светлая ему память, — вооружённый инструментами и приборами, колдовал с «металлом».

Я был «белым воротничком», боровшимся с Генрихом и Толей.

Первого подавлял (по «Берёзке») в попытках ставить по ходу наладки «научные» эксперименты и принуждал чётко выполнять наши указания: задавать параметры и сообщать о результатах их отработки.

Второго убеждал не «крутить» до получения результата с точностью до четырёх значащих цифр. Но Толя со своей белорусской терпеливостью невозмутимо игнорировал мои призывы.

Наверное, он был прав, потому что задачей было не только «оживить» систему, но и сделать так, чтобы она, трёхкратно резервированная, была индифферентна к любому сочетанию входящих в неё блоков, включая и ЗИП. Для этого блоки, по выражению Макаревича, должны быть «братьями-близнецами».

За несколько ночей нам удалось достичь этого, и в последнюю «вахту» мы вылезли из лодки задолго до окончания смены. Мы сидели на носу дебаркадера. Начинался рассвет, и над водой клубился молочный туман. Ощущение было из детства, — окончен очередной класс и начинаются летние каникулы. Так и запомнилась та командировка — рассвет после ночей в лодке…

Вспоминаю ещё одно наше совместное с Генрихом пребывание в Северодвинске. Может, оно где-то уже мной описано, но — где?! Поэтому заново извлекаю из памяти.

Однажды меня командировали в Северодвинск провести какую-то доработку сразу на двух подводных лодках.

Одна из них — «Акула», о которой я в последней своей книжке «ИБД» (2016) написал так:

Как-то я был в Северодвинске на сдаче сразу двух АПЛ разного типа. Я в основном работал на одной, а рядом стояла «Акула», в которой была та же моя «лепта». И вот, когда я вышел на корму этой «Акулы», то у меня возникло ощущение, что я нахожусь… ну, не на футбольном поле, а уж точно на волейбольной площадке, только что без сетки. Такая мощная задница-корма у этой АПЛ! А теперь почитаем, что сказано об «Акуле» у Сергея Ковалёва…

«К проектированию ракетоносца ЦКБ МТ «Рубин» приступило в 1972 году… Впоследствии количество ракет было сокращено до 20…

Было проработано более 20 вариантов проекта, в том числе, один экзотический, в котором ракетные шахты размещались в два ряда между двумя параллельными прочными корпусами.

Этот вариант и был принят, что привело к созданию подводной лодки уникального архитектурного типа. Особенности: две автономные энергетические установки, работающие на свой винт, три перехода между прочными корпусами дают возможность экипажу перейти в другой корпус при аварии в одном.

ПЛ проекта 941 занесена в книгу рекордов Гиннеса (1988 г.), как самая большая лодка в мире».

На другой лодке стояла система, ВИЗ'ом которой был Г.В. Зоммер. Вскоре эта лодка вышла на ходовые испытания. Генрих представлял на ней нашу систему. Деталь: он получил (под расписку) индивидуальное «спассредство», позволявшее покинуть лодку в аварийной ситуации.

Замечаний к нашей системе, кажется, не было.

Генриху спать приходилось на куче кабелей…

И вот наступил день, когда «усталая подлодка из глубины идёт домой…»

Пришла она «домой» вечером. Я встречал её на берегу. В свете прожекторов было видно, что — «усталая»: в её противошумной обшивке недоставало многих резиновых панелей — потеряла во время похода.

Вот лодку пришвартовали. Вот установили сходни. Вот по ним потянулись цепочкой люди…

Этот «кадр» сидит в памяти «фактографией».

Люди один за другим бегут по сходням, жуткий ветер треплет их одежду, у каждого при себе «индивидуальное плавсредство»… И всё это в неестественно ярком свете прожекторов…

Наконец, вижу Зоммера. Он сдаёт куда-то своё «средство». И мы идём, «через магазин», в гостиницу.

Вскоре там вспыхивает грандиозный «сабантуй». По случаю удачного завершения испытаний. Мы с Генрихом ходим по знакомым.

Везде пьют «шило» (спирт), водку, разные вина. Нас, естественно, угощают… У нас с собой тоже есть…

Как ни старался минимизировать приём угощений, но к ночи меня зашатало. Сознание работает, тело отказывает. А рано утром у меня автобус в Архангельск, откуда самолёт в Ленинград…

Сознание понимает, что надо что-то сделать, чтобы не проспать автобус. И оно, сознание, во-первых, заставляет тело принять прохладный душ, а во-вторых, попросить мужиков в номере завести будильник и растолкать меня утром…

Растолкали, вытолкали…

Генрих потом вспоминал, что тогда думал: «И как Никулин долетит?!»

И ведь как-то долетел, добрался до дома…

Но как? — не помню.

Из письма Л.Д. Голованoвой в Кёльн (2003):

Читая в «Юбилейной вахте» у Нины записи из августа 98-го, вспомнил и другой август, 2000-го. Мы были с ней на даче, когда по радио передали о «Курске». Нина воскликнула:

— Господи! Опять!

Я стал её успокаивать:

— Да что ты! Глубина-то всего 107 метров. Они стучат, значит, живы. У каждого есть индивидуальное спассредство, есть камера для аварийного всплытия. Откроют им люк в девятом отсеке, и все выйдут. С такой-то глубины не спасти!

Но началось непонятное. Сплошная «тень на плетень». И чем дальше, тем больше тени и вопросов. Где знаменитая, заложенная ещё в 1923 году в виде ЭПРОН'а водолазная служба со снаряжением на глубину погружения до 400 м? (Разгромлена.) Где специальное судно-спасатель? (Продано в Грецию за 1 (один) доллар.) Как вы там писали с Ниной, — «Итак, мы в Сочи./ Нравится очень». (Не только вам…)

Позже я утешал себя тем, что 1) ни разу не голосовал ЗА эту власть, 2) мои «гранулы» на «Курске» отработали нормально, Нинины тоже.

Тогда меня поразило поведение Верховного: он так и не прервал своё пребывание около Сочи. (Не с кем было оставить любимого лабрадора?) И это его знаменитое, ставшее «афоризмом», высказывание: «Она утонула».

Среди авторов наших книг — Анатолий Варламов, сотрудник ЦКБ МТ «Рубин». Во 2-м и 3-м выпусках сборника «Мозаика дилетантов» опубликованы его стихи о «Курске» и воспоминания «Курск. Наша боль и вина».

На презентации «МДЗ», проходившей в столовой НПО «Аврора», я вдруг заметил, что А. Варламов куда-то делся. Пошёл искать: ведь я выписывал пропуск авторам «извне» и нёс ответственность за них. Нашёл, он немного заблудился…

Из воспоминаний А. Варламова:

«Курск» не уходит из памяти. Трагедия, отозвавшаяся горем родных и близких погибшего экипажа, ставшая потрясением и болью для флота и страны, приковавшая к себе внимание и сочувствие миллионов людей во всём мире, потребовала исключительных усилий и длительного напряжённого труда множества людей, участвовавших в операции подъёма «Курска» и в последующих работах по обследованию лодки, уже поднятой со дна Баренцева моря и установленной в плавучем доке в посёлке Росляково на берегу Кольского залива.

Автору этих заметок довелось в составе группы специалистов ЦКБ МТ «Рубин», участвовавших в обследовании атомного подводного крейсера «Курск» в доке, в течение трёх с половиной месяцев — с конца октября 2001 года и до марта 2002 года — работать во втором и третьем отсеках лодки по расчистке завалов и обеспечению следственных действий военной прокуратуры…

Прошло более двух лет с того злосчастного августа 2000 года, но память снова и снова возвращает к трагедии «Курска» и к событиям после его гибели. Что-то стирается в памяти со временем, а что-то, видно, не сотрётся никогда. И каждый раз возникает чувство невольной вины. Про это когда-то пронзительно сказал Твардовский: «Я знаю, нет моей вины в том, что другие не пришли с войны. Вины-то нет. Но всё же, всё же, всё же…». Уверен, что чувство невольной вины не покидает и, наверное, никогда не покинет всех, так или иначе причастных к «Курску», к подводному флоту, к трагедии гибели лодки и последующим работам по её подъёму и обследованию. Хорошо бы, не только их. Во имя благополучия ныне плавающих и будущих подводных кораблей и их экипажей…

Из стихов А. Варламова:

* * *

Погиб «Плавник», взорвался «Курск»…
И что там вдовам и ребятам,
Что виноваты мы лишь в том,
Что их построили когда-то.

Ведь кто-то должен дать ответ —
За что мужья, отцы и дети
Теперь покоятся на дне?
Ведь кто-то должен быть в ответе!

20 января 2001

* * *

Под заунывный вой метели
Всё дёргаем за рядом ряд…
И не прошло ещё недели,
Как извлекли троих ребят.

Они давно уже лежали
От нас в двух метрах на пути.
И мы догадывались, знали —
Да метры было не пройти.

Их от железа отдирали,
Ломами скалывали лёд.
Они терпели, молча ждали,
Когда их очередь придёт.

На месте, тут же, опознали,
Ремнём опутали мешки…
Носилки, полные печали,
В рефрижератор понесли.

Их проводили только взглядом,
Сдержав в груди невольный крик,
Все, кто стоял со мною рядом…
О, Господи, помилуй их!

27 января 2002

И правда, «Вины-то нет. Но всё же, всё же, всё же…»

Зоммер тоже побывал на «Курске», когда тот стоял в доке с разрушенными первыми отсеками. Задачей Генриха было обследование нашей системы.

По возвращении с Севера Генрих рассказывал, как он в гидрокостюме пробирался в 8-й отсек с нашей аппаратурой. О моих блоках он сказал, что они в хорошем состоянии, из них надо только вылить воду, просушить, и они, наверное, заработают…

Просушка…

Вот сколько воспоминаний всплыло в памяти от этого слова…

Но вернёмся на берег речки Тихая.

«Долго сказка сказывается, да быстро дело делается».

Между тем Генрих отремонтировал лодку: зашил, проклеил, просушил.

И вещи все уже просушены…

Раскладываем всё по местам, заливаем костёр, наводим на поляне первозданный порядок (закон туристов) и — в путь по Тихой…

Вскоре выходим в Ладогу.

О-о-о! Это сразу всё меняет: простор, свежесть, прохлада, гладкие волны… и какое-то необъяснимое чувство свободы.

Наверное, за это моряки и любят море.

Генрих, блокадник, запевает:

Эх, Ладога, родная Ладога!
Метели, штормы, грозная волна…
Недаром Ладога родная
«Дорогой жизни» названа.

Беку делать нечего, лаять не на кого, он — в клубок и спит.

И это хорошо: лодку Ладога раскачивает так, что метания Бека были бы лишними.

От берега ушли, нашего «архипелага» ещё не видно…

Генрих начинает рассказывать всякие ладожские «страшилки».

Вода такая холодная, что если упадёшь, то не долго протянешь…

Какие-то удальцы пошли на байдарках к Валааму, и внезапно налетел шторм…

«На Ладоге погода может измениться внезапно!»

Знаю, опытные рыбаки ставят на лодки по два мотора, чтобы удрать от непогоды.

— А ещё может пасть туман. Тогда в открытой воде без компаса плохо, — нагнетает Генрих.

— Надеюсь, у тебя, плавающего без иголок и ниток, есть компас?

— Есть.

— И у меня есть, без компаса по лесам не хожу. Да ещё и с проверенным. А то один раз пошёл с сувенирным…

Архипелаг нас встречает скалой-лбом, на которую накатывает волны Ладога.

Мы входим во «внутреннее море». (Так А. Шамиссо, чьё «Путешествие вокруг света» я сейчас читаю, называет акваторию между островами.)

Здесь уже не качает. Острова, острова. Большие и совсем крохи…

— Вот этот остров мы назвали Кастрюльным, — говорит Генрих.

— А другие?

— Других так много, что имён не хватит.

Мы ищем тот, что нам приглянется. Посматриваем на Бека, который при виде земли оживился. Что ему понравится?

Выбираем. Выгружаемся.

Остров прекрасный. Метров сто на триста. Высокий. Смешанный лес с первыми признаками надвигающейся осени.

Обживаем нашу «усадьбу». Палатка. Костёр.

Байдарку оставляем в удобной бухточке. Мне такое непривычно: «А вдруг! Как мы отсюда выберемся?!»

Но Генрих уверен: никаких «Вдруг!» быть не может — окрест нет признаков людей. К тому же с нами Бек!

За ужином отмечаем удачное прибытие…

«Нас утро встречает прохладой…»

Да, прохладой. Но бабье лето, к счастью, продолжается.

Мы собираем на нашем острове грибы. Все. Потом — на других островах. Грибов много. Но не молоденьких, в основном, «пожилых».

У нас есть эмалированное ведро (Генрих предусмотрел). Решаем отварить грибы в подсоленной воде, отвезти в город и там разделить поровну (Бек не в счёт).

Я начинаю чистить грибы. Делаю это так, как меня учила моя жена Нина — тщательно.

Генрих смеётся:

— Так тебе неделя понадобится!

Он вываливает все грибы в воду, режет каждый на крупные части, осматривает и кидает в ведро.

Я — молчу. Знаю, чем для меня это закончится.

К вечеру у нас полное ведро отваренных грибов.

Я начинаю слышать какой-то доносящийся издалека грохот.

— Генрих! Что это за гул?

— Это Ладога расходилась под южным ветром. А гул от прибоя на том лбу, что в начале островов. Помнишь, мы его видели?

— И что нам делать?

— Ждать, когда Ладога успокоится. При такой волне и встречном ветре нам до Тихой не дойти.

— И сколько ждать?

— Пока не успокоится. Может, несколько дней.

— А чем мы будем питаться?

— Грибами и брусникой. Завтра поплывём за ней.

— Но Бек не будет есть ни грибы, ни бруснику.

— Придётся отдать ему тушёнку из НЗ.

Смотрю на Бека. Он доволен жизнью на острове и не подозревает о возможности наших продуктовых трудностей…

На следующее утро гул не стих.

Мы набираем все «ёмкости» и плывём искать брусничные места. Находим маленький остров, собственно, один громаднейший валун, весь покрытый брусникой.

Заполнить взятые «ёмкости»? — Нет проблем!

Генрих предлагает:

— Давай дадим этому острову название «Брусничный».

— А как назовём наш?

— Не знаю.

— Может, так и назовём: «Остров Наш»?

И мы возвращаемся на остров Наш…

К вечеру шум прибоя немного стих, и мы решили на следующее утро выбираться из нашего архипелага…

Выбираемся. Прощай, остров Наш! Вряд ли когда-нибудь тебя увижу…

Обратный путь прошёл без приключений.

Приехали в город уже поздним вечером. Тащим весь груз к Зоммеру на Петроградскую сторону, где он живёт в коммуналке.

Что такое?! Вроде как салют? Или фейерверк?

Я говорю:

— Неужели в честь нашего возвращения?

Генрих смеётся.

— День Победы над Японией уже прошёл, — продолжаю недоумевать я.

— Наверное, сегодня День танкиста, — предполагает Генрих, ведь у него мама и брат живут в Нижнем Тагиле, городе танкостроителей…

Осталось в памяти:

Генрих заталкивает байдарочное снаряжение в шкаф с зеркальными дверцами…

Нина (наш домашний ОТК) перебирает мою долю грибов с коэффициентом полезного действия примерно 20 %. Именно это я и предполагал при их быстрой отбраковке…

Зато бруснику я прогоняю по грохоту (наклонно установленная разделочная доска с полотенцами по краям) с к. п. д., близким к 100 %.

P.S.

Где-то лежат фотографии о том походе. Хорошо помню одну из них: Генрих на байдарке обнимает Бека. Но…

Сами понимаете: это надо перевернуть содержимое всей квартиры…

15 июня 2016

«ТЫ МЕНЯ УВЕКОВЕЧИЛ…»

Михаил Трофимович Ворчаков

С Михаилом Трофимовичем Ворчаковым я познакомился, когда он руководил в НПО «Аврора» подразделением, занимавшимся распечаткой технической документации. В его ведении были «студийные» принтеры и плоттеры, обслуживаемые женским коллективом. К М.Т. я стал обращаться за помощью в своей издательской деятельности. В первый же мой визит заметил у него на столе книгу на английском языке и, видимо, так пристально её разглядывал, что М.Т. пояснил: «Читаю в транспорте по пути на работу и с работы».

Уже не помню, как удалось привлечь М.Т. к написанию заметок для наших сборников. Но я был очень рад этой удаче: в наш авторский коллектив вошёл человек интеллигентный, эрудированный, пишущий толково, грамотно, с юмором.

После выхода в свет первого выпуска «Мозаики дилетантов», содержащего заметки М.Т. Ворчакова «На Лещёвских лиманах. *Из рыбацких рассказов*», мы с М.Т. нашли общий язык не только по делам «распечаточным» и рыболовным, но и по всем другим. Оказалось, что М.Т. обихаживает два садовых участка, разъезжая между ними на велосипеде. Любит делать из своего «урожая» вина и разливать их в красивые бутылки. Даря мне свою «продукцию», М.Т. со смущением просил возвращать эти бутылки. («Я уже привык к ним!»)

Дочка М.Т. жила в США. После того, как он отправил ей какой-то наш сборник, сказал мне: «Спасибо, ты меня увековечил…»

Одну из подаренных мне красивых бутылок мне не удалось вернуть её владельцу: приехал после отпуска и узнал, что Михаила Трофимовича не стало. Эта бутылка

так и стоит в уголке кухонного стола на моём дачном участке, напоминая о Михаиле Трофимовиче…

Ниже приведены фрагменты из воспоминаний М.Т. Ворчакова, опубликованных в сборнике «От А до Я из «Авроры» (СПб, 2003)*, а также заметка о «лечении мата» из третьего выпуска сборника «МЖ» (2008).

Кое-что забавное из засевшего в памяти

* * *

Сдавали мы тренажёр «Пульт-67А» в учебном центре ВМФ в г. Пальдиски. Ответственным сдатчиком был Куцаков Л.И., а главным приёмщиком Куц Н.П. Председатель приёмной комиссии Панов В.В., прочитав «Программу приёмо-сдаточных испытаний», говорит: «Программа какая-то куцая». — «А что Вы хотите, — отвечаю, — если сдаёт Куцаков, а принимает Куц».

Об ошибках машинисток.

Испытания закончены, банкет в ресторане на вечер заказан, настроение предпраздничное. Читаю «Акт приёмо-сдаточной комиссии». Вверху напечатано:

«Утверждаю». Генеральный закусчик: адмирал Генкин.

Общий хохот присутствующих, а Куц Н.П. и говорит: «Это что, вот у меня в «Программе обучения» было напечатано: «…насос кольсонного типа; режим обучения — «Дача пробных абортов», а вместо режима «Погрузка масла на корабль» — «Погрузка сала на корабль».

Из кандидатской диссертации Румянцева О.Б.: «Выражаясь квадратичным трёхчленом».

В служебной записке о записи информации секретарь Галина Васильевна напечатала: «…для записи этого параметра требуются два болта».

---

* Воспоминания М.Т. Ворчакова из этого сборника о Б.И. Козловском приведены на с. 31.

* * *

Ведущий разработчик САПР электромонтажа Соколова О.И. отчитывала электромонтажницу Чемерис Н.Б. за то, что та, минуя её, передала данные на изменение программы непосредственно программисту Гурлеву С.А.: «Вот ты, Нина Борисовна, Серёже дала, а вставлять нужно было и не так, и не туда и не то!»

Она же: «Гулять нужно не тогда, когда тепло, а тогда, когда деньги есть».

* * *

Акт о завершении испытаний на функционирование системы «РУЗ-670» от ЦНИИ им. А.Н. Крылова подписали:

Волков А.Н.,
Овечкин Ю.Д.,
Козловский Б.И.
Исполнитель: Барсукова М.

* * *

Меня всегда восхищали образные высказывания О.П. Демченко. Вот некоторые из них.

В 1961 году для проведения испытаний системы управления проекта 705 создавали теплотехнический стенд «Факел». Было закуплено дорогое оборудование, но моделирование на АВМ показало, что динамические характеристики стенда будут отличаться от реальных в 40 раз. Встал вопрос о замене теплотехнического стенда на электронный и списании купленного оборудования. О.П. Демченко и Б.И. Козловский едут в ЦКБ решать этот тяжёлый вопрос. О.П. Демченко и говорит: «Борис Иванович, надо этот «Факел» быстрее засунуть в ж… пока он не разгорелся и не обжёг я…»

О.П. Демченко, прочитав ТЗ на НИР, в которой предлагалось решать разнородные проблемы, сказал: «Что это у Вас, Михаил Кузьмич, всё перемешано: и конь, и б… и трепетная лань. Разделите на две темы».

* * *

Из поздравлений В.Н. Нахимову по случаю 50-летнего юбилея:

Иди туда,
Где стар и млад,
Сожрав «Ресурс»,
Жуют «Булат».

* * *

Налаживал я в 1963 году первую комплексную модель для испытаний СУ «РУЗ 670», реализованную на очень неустойчивой АВМ «ЭМУ-8». Приходит к нам к. т. н. Рягузов В.Н. и говорит: «Я исследовал эту АВМ. Она, в принципе, не работоспособна». Присутствовавший при этом мой первый начальник в ЦНИИ им. А.Н. Крылова И.А. Сарафанов отвечает: «А мы этого не знаем, поэтому она у нас и работает».

Как взаимодействовать с главными конструкторами проектов СУ ТС.

Руководителем научно-исследовательской работы (НИР) по созданию САПР СУ «Залив» назначили главного конструктора СУ «Залив» Власова Ю.Н. Зная, что руководитель НИР организует всю работу, даёт указания исполнителям и бóльшую часть работы выполняет сам, я ждал распоряжений, что делать мне. Но вместо этого дождался жалобы моему начальнику, что я плохо работаю по теме. Не понимая, почему на меня жалуются, я поговорил с Ю.Н. Власовым и выяснил, что главные конструкторы на нашем предприятии привыкли работать с подразделениями по принципу трёх вопросов:

1. Скажи, что нужно делать?
2. Скажи, как это делается?
3. Скажи, когда ты это сделаешь?

Осознав это, мы выполнили всю НИР в срок, а Юрий Николаевич успешно доложил результаты работы на научно-техническом совете, и тему закрыли.

Обобщённое решение вопроса.

В 1957 году я проходил преддипломную практику в отделе М.Ш. Шифрина. В секторе А.М. Скачкова сотрудники не могли придти к согласию по вопросу, хорошая ли рыба хек, которая тогда впервые появилась в продаже. Этот вопрос был задан М.Ш. Шифрину, который по утрам совершал обход своих секторов. Ответ был на уровне доктора технических наук: «Хорошую рыбу так не назовут».

Споры прекратились.

* * *

При разработке сложной схемы логического управления мне пришёл в голову известный афоризм «Нет ничего более практичного, чем хорошая теория». Взяв подаренную мне незадолго до этого книгу «Настраиваемые модули для управляющих логических устройств» (авторы — В.Л. Артюхов, Г.А. Копейкин и А.А. Шалыто), полистав её с начала до конца и обратно и не найдя нужного ответа, я обратился к сидевшему этажом ниже А.А. Шалыто. И состоялся такой разговор:

— Это тебе надо для теории или практики?

— Конечно, для практики.

— Тогда не найдёшь!

16 декабря 2003

Оригинальный метод «лечения мата»

За время Великой Отечественной войны нравы в народе сильно огрубели. В небольшой деревушке недалеко от шоссе Могилёв–Бобруйск, где я жил в детстве, мат можно было услышать на улице чаще, чем «здравствуйте». Матерились все — и мужчины, и женщины. Мы, подростки, считали, что так и должно быть, хотя в семье у нас никто матерных слов не признавал.

Моя мама, Эмилия Станиславна, не смогла закончить даже первого класса из-за отсутствия лаптей, чтобы ходить

в школу в соседнюю деревню. В то время люди постарше в деревне говорили: «С грамати хлеба не гамати».

Закончив в 1947 году 7-й класс, я вместе с другими одноклассниками уехал в Могилёв учиться в Машиностроительном техникуме.

В общежитии мы жили вчетвером в одной комнате и, подражая взрослым, говорили между собой на матерном языке, вроде того: «Гришка, мать твою… выключи радио, такой-сякой, разэтакий». Мы настолько привыкли к таким выражениям, что уже не могли себя контролировать.

По выходным я приезжал домой и помогал по хозяйству. Однажды под вечер, наколов мелких дров, я стал их складывать на согнутую в локте руку, чтобы отнести в хату. Дров оказалось многовато, и когда я клал на руку предпоследнее полено, часть набранного обрушилась на землю. Но мне лень было сходить два раза. Я повторил процедуру набора дров, и каждый раз дрова обрушивались на предпоследнем полене.

После пятого обрушения я громко, на весь двор, высказал дровам, что о них думаю, упомянув при этом и их мать, и Господа Бога, и всех святых.

И вдруг неожиданно слышу голос мамы, которая к моему несчастью (а может, наоборот!) была в это время в сенях: «А мой же ты сынок! Как красиво ты умеешь говорить! Я и не знала, как хорошо тебя учат в городе! Я так не умею…» И давай меня расхваливать на все лады!

Моё потрясение было таким, что показалось, будто земля разверзлась подо мной и я лечу в преисподнюю.

Когда я пришёл в себя и принёс дрова в хату, мама больше не произнесла ни слова по этому инциденту. И никогда о нём не вспоминала.

Вернувшись в техникум, я стал контролировать себя, не позволяя произносить матерные слова без веской на то причины, да и то только на рыбалке в окружении одних мужиков, где эти слова воспринимаются иначе.

«МЕНЯ УЖЕ НЕ ПЕРЕДЕЛАЕШЬ…»

Игорь Иванович Ухалкин

Когда Игорь Иванович Ухалкин был директором завода, мне, конечно, с ним редко приходилось взаимодействовать. Но после того как болезнь заставила его понизить «статус» — стать начальником опытного производства, мои контакты с ним участились. Когда же я по его произношению «вычислил», что он с Верхней Волги, то стали даже и неформальными…

Это Владимир Даль мог «по говору» определить место обитания человека в России не только до губернии, но и до уезда. Мои возможности куда скромнее: Средняя и Верхняя Волга. Как-то в отделе кадров «Авроры» работал весьма симпатичный мужчина в летах, у которого я спросил, не со средней ли он Волги. Он бы страшно удивлён и ответил, что его родина — Тетюши на Волге. И тут я его совсем «сразил»: «Помню, помню эту высоченную и зелёную гору на правом берегу Волги!»

Присутствуя по долгу службы на «планёрках», проводимых И.И., всегда отмечал его спокойствие, неторопливость, неназойливое вникание во все детали производства, заботу о своих подчинённых, совмещённую с мягкой требовательностью.

Однажды Г.В. Зоммер сказал мне, что вчера отметили юбилей И.И. Нет бы ему в тот день и сказать! Что делать, как поздравить *опосля*? Вспомнил, как из этого положения вышли казаки: отправили царю телеграмму «Третий день пьём Ваше здоровье!»

Вот и я сразу пошёл в кабинет И.И., на ходу сочиняя подобную «телеграмму».

— Игорь Иванович! Мне вчера позвонили из Ярославля и сказали, что у них Волга поднялась. Не знаете, почему?

— Нет, не знаю.

— А мне объяснили. Вчера мужики в Нижнем отмечали юбилей одного своего земляка, а потом все разом окунулись в Волгу!

Игорь Иванович «намёк» понял, поблагодарил и посмеялся над моей «телеграммой».

Вот ещё три случая моих контактов с И.И. Ухалкиным.

Однажды надо было во что бы то ни стало сдать 31-го декабря аппаратуру, изготовленную подразделением И.И. Один из модулей упорно «не шёл», в нём приходилось менять микросхемы, а затем проверять и проверять. В опустевшем здании «на Рузовской» в поздний предновогодний вечер кроме охраны оставалось лишь несколько человек во главе с Игорем Ивановичем. Положительный результат был достигнут, к счастью для наших семей: моей, Е.В. Колмыкова, регулировщика, монтажника, представителя ВП и самого И.И., за два часа до наступления Нового года…

Есть в нашей семье реликвия: привезённый отцом из Китая микроскоп. Старый-престарый, с латунными деталями. И вот в нём «стёрся» валик с червячной передачей перемещения «предметного стола». Где изготовить новый?

Пришёл с валиком к И.И. в кабинет.

— Игорь Иванович! Извините, но я к Вам, можно сказать, по личному делу. Как бы изготовить эту деталь? Может, кто-то из Ваших работяг сумеет это сделать, работу я оплачу!

Игорь Иванович долго разглядывал деталь, потом так же долго меня и сказал:

— Неужели ты за свою работу в «Авроре» не заслужил того, чтобы она сделала эту детальку тебе в подарок?!

Вызвал *спеца* и попросил его изготовить валик *вне плана*.

Как-то жарким летом встретил И.И., когда он, запыхавшийся и разгорячённый, пришёл на свою «Рузовскую» минут за десять до окончания рабочего дня.

С *подколом* спросил его:

— Игорь Иванович! Не лучше ли было для всех — и для Вас, и для Вашей семьи, и для Ваших сотрудников, и для работы — если бы Вы поехали с площади Мужества к себе в Ручьи сразу, а не через Рузовскую?

Он, помолчав, ответил:

— Наверное, лучше. Но меня уже не переделаешь…

После ухода И.И. на пенсию иногда встречал его у нас на проспекте Науки и спрашивал, не скучно ли ему без работы в «Авроре». Отвечал, что уже привык…

ПОЭТ ЛЕКАЛО

Леонид Леонидович Калинин

К изобретательской деятельности мне пришлось приобщиться сразу после окончания института и поступления на работу. Правда, сначала в роли «с боку бантика». Тогда в отделе В.А. Скулябина разрабатывали какую-то САУ (систему автоматического управления) и решили подать по ней заявку на изобретение. Поскольку и я каким-то образом участвовал в разработке этой системы, то и меня включили в авторский коллектив, список которого был таким большим, что его печатали на отдельном листе. Моя роль в оформлении заявки свелась в подписании кучи бумаг по ней. Уже тогда я увидел, какой это кропотливый труд — подготовить бумаги по заявке. Кончилась вся эта суета ничем…

Второе моё участие в подобного рода деятельности было уже активным: мы втроём (В. Малетин, М. Глазов и я), несмотря на скептическое отношение В.А. Скулябина, что-то «заявили» и опять — «ничем».

Но начало было положено! «Процесс пошёл», как говорил «прораб перестройки».

Третий «блин», который мы с М.Н. Глазовым попытались испечь в 68-м, был небольшим, конкретным и оказался удачным. Так у меня появилось первое авторское свидетельство (а. с.) на изобретение № 275222 («Сигнализатор напряжения» с приоритетом от 14.08.1968).

А потом… Мы с М.Н. Глазовым так набили руку в оформлении бумаг по заявкам, что из восьми нами поданных получали положительные решения на семь. Тогда как в стране было наоборот: из восьми заявок только одна доходила до выдачи а. с.

Общий результат этой «бурной деятельности»: 60 «корочек на изобретения» (сведения о них сведены в таблицу в

книжке «Мыслишки о разном», 2011; причём семь из «корочек» в графе «название» имеют прочерк — секретные!).

Но всё это будет потом, а тогда, в середине 60-х, мне впервые пришлось познакомиться с патентным подразделением, которое, по нынешним временам, можно сказать, выглядело огромным: в двух комнатах жили-были группы патентоведов, каждая опекающая *свою* тематику работ.

Бывает, я с благодарностью вспоминаю помогавших мне патентоведов, сколько их было! Жаль, что память не удержала имена, только Н. Донцова помню отчётливо, его привычку как-то из-под очков смотреть на «клиента»…

В 21 веке от двух комнат патентоведов осталось только два сотрудника — Леонид Леонидович Калинин и его помощница Юлия Игоревна Шестовец.

Мне всегда доставляло большое удовольствие общение с Л.Л. Калининым, человеком интеллигентным и весьма ироничным. Причём его ирония была направлена не столько на внешний мир, сколько на самого себя, в частности, на своё не очень крепкое здоровье. В оформлении заявок на изобретение он в меру сил помогал, но, главное, не мешал (как это стал делать его молодой «преемник»).

Не помню, как мне стало известно, что Л.Л. пишет стихи. Но очень хорошо помню, каких трудов мне стоило его уговорить что-то передать для сборника «От А до Я из «Авроры». Но — уговорил! И в этот сборник вошла подборка стихов Л.Л. под названием «Откровения от Лекало». Такое «литературное имя» избрал Леонид Леонидович для своих стихотворений, почти каждое из которых заканчивалось такой «итожащей» фразой:

Поэт Лекало
…….ло.

А потом так же с трудом уговаривал Л.Л. что-то *дать* для других сборников. Он всегда начинал так: «Да брось ты, старик! Кому нужны мои от Лекало?!» (К тому времени мы уже перешли с ним на «ты».)

Но каждый раз удавалось уговорить «поэта Лекало», и вот что было из его стихов опубликовано в сборниках «Мозаика дилетантов»:

– в первом выпуске (2004) «Философское начало от поэта Лекало»;

– во втором выпуске (2005) «Трижды убитый» (о своём отце, бывшем в Великую Отечественную лётчиком);

– в третьем выпуске (2005) «Поэма о Пушкине», завершающаяся традиционной фразой «Поэт Лекало \ Даже Пушкина «достало».

Весной 2005 года «поэта Лекало болезнь достало». «Поэму о Пушкине» он передал, когда я и Наталья Анатольевна Хаустова навестили Леонида Леонидовича в его квартире.

В конце «Поэмы о Пушкине», сборник с которой был подписан к печати в день рождения Царскосельского лицея и издательства «Мозаика НК», было помещено несколько строк с названием «Памяти поэта Лекало». Вот эти строки:

Поэт Лекало!
Слово твоё
Остро сверкало,
И «щекотало»,
И «доставало».
Недавно тебя
Не стало.
Но Слово твоё
С нами осталось.

Редакция «МД».
Июнь 2005

Мы, я и Н.А. Хаустова, просили родственников Л.Л. Калинина собрать его рукописи и издать отдельной книжкой. Но до этого дело так и не дошло…

Приведу здесь некоторые из стихов Леонида Леонидовича, а также дружеский шарж, написанный к его юбилею Н.А. Хаустовой.

В мире животных
(Басня)

В день именин, а может быть, рожденья,
Козёл явился со своим стихотвореньем:
В стихах решил Козе сказать,
Что сколько лет ей, — не желает знать,

Что чувствует себя он, как подросток
(Хоть был на самом деле переросток),
Да и вообще хотел на всё плевать,
Лишь бы Козу поцеловать!

Что воду пить готов он из её следов,
И множество других интимных пустяков…
С трудом проблеял слова два,
Но от любви вдруг отказала голова!

Коза его немного пободала,
Всё поняла, в щеку поцеловала,
Сказала: «Я люблю Бизона!
Похож слегка он на Кобзона…

Не свяжем мы с тобой рогатых две судьбы,
Тем более — две бороды, иди домой, стихи пиши!»

Поэт Лекало от души
За этого Козла ей написал стихи.

У меня была собака

Хоть и был я сильно пьян,
С первой же попытки
Я нащупал ручку двери
«Крепкие напитки».

Я до дома пробежал
Стометровку резво.
Обо мне подумали:
«Он пока что трезвый!»

По стаканам я разлил
«Воду огневую»,
Выпил, быстро закусил…
Говорят: «Другую!»

Стометровку пробежал
Я до магазина,
Правда, в двери не попал, —
Мне помог мужчина…

Я за водку заплатил,
Но в двойном размере.
(Пьяному не отпустил
Продавец бы зелье.)

Стометровку пробежал
Я до дома резво,
Обо мне подумали:
«До сих пор всё трезвый!»

По стаканам я разлил
Своим «забиякам»,
Басню сам я прочитал:
«У попа (была) собака…»

Выпил, быстро закусил,
Говорят… «другую…» —
Понял: снова в магазин
Очень быстро «дую»…

…А собака у меня,
Точно помню, что была…

Если у вас есть собака,
Её не отра́вите, нет!
Её вы за водкой пошлёте…
Она принесёт вам конфет!

Поэт Лекало
Всегда конфеты жрало.

Непонимание

Фёдору Тютчеву

«Моя твоя не понимает»,
Мне гений мозги задуряет…
«Умом Россию не понять!»
Ты понял? Иль не хочешь понимать?
«Аршином общим не измерить!»
Ну это, блин, смотря как мерить…
«В Россию можно только верить!»
А это уж религия, поверьте!
«А слово изречённое — есть ложь!»
Опять так, сразу, не поймёшь!
Ну, Фёдор, ты «того»… «даёшь»!
Но сам себе я не признаюсь никогда,
Что я не понял ни хрена!
А те, кто с умным видом «понял» повторяют,
Они нечестно поступают…

Поэт Лекало
Тютчева чуть-чуть
Пощекотало.

Моё отношение к теории стихосложения

Я плевал на теорию стихосложения,
Хочется даже применить к ней
Матерное выражение,
Но мешает интеллигентность, —
Въелась, сволочь, с самого детства!
И это не кокетство:

Поэт Лекало
Не матюгалось.

= =

Наталья Хаустова

ПОЭТУ ЛЕКАЛО

Дружеский шарж
к юбилею поэта Лекало
(памяти Л.Л. Калинина)

Поэт Лекало поднял забрало.
Ему вчера весьма настучало.
Поэт Лекало присел устало.
Как вдруг — пробрало!

Глядит, то рифмы вокруг летало.
Они резвились, над ним смеяло.
А сердце страстью его пылало.
Он их поймало, в перо сажало.

Потом писало, на чём попало.
А тут и утро уже настало.
К прелестной нимфе его подняло.
К её ногам он всё снёс устало.

А нимфа красным ту страсть черкало.
И нож цензуры в неё вонзало.

Поэт Лекало, не всё пропало.
И снова к бою готовь забрало!
Ждёт впереди Вас годков немало!!!

«С ГАГАРИНЫМ ПОЧТИ «НА ТЫ…»

Геннадий Иванович Никитин

Долгое время моё знакомство с Геннадием Ивановичем Никитиным было заочным: мне о нём рассказывала Нина и читала свои «опусы» о нём.

Но вот однажды Нина сказала: «Знаешь, у Геннадия Ивановича возникли проблемы с жильём. Может, ты позволишь ему пожить в твоей комнате на Подольской, пустует ведь».

Так знакомство стало очным. Мы вместе с Г.И. пошли на Подольскую улицу, я его познакомил с соседями, отдал ему ключи.

Но что-то у Г.И. не задалось, и он не стал там жить.

Однако с тех пор мы уже, встречаясь, о чём-то беседовали, чаще всего делились воспоминаниями о нашей alma mater — ЛЭТИ. Оказалось, что у нас есть и общие знакомые того студенческого времени…

Когда Нина ушла в мир иной, Геннадий Иванович очень помог мне, взяв на себя оформление всех бумаг на финансовую поддержку…

Осенью 2002 года я стал частым гостем отделения, начальником которого был Г.И.: у сотрудников Нины собирал материалы для её первой книги «Избранное на «авроровские» темы». А потом дарил эту книгу всем её «героям», главный из которых, конечно, — Г.И. Никитин.

Потом была книга НИК «Стёжки-дорожки», а за ней и сборник «НИК и наша память»… И каждый раз заходил к Г.И. Никитину…

Последний раз я видел Г.И., когда в актовом зале НПО «Аврора» шло прощание с его Генеральным директором В.В. Войтецким. Геннадий Иванович был в распорядителях. Увидев меня, он, невзирая на моё сопротивление

(страшно не люблю «по блату»!), поставил меня в самое начало «очереди»…

Помню, как был удивлён, увидев нашего Генерального в форме, принятой у Морского Собрания Петербурга.

Это было до моего ухода в отпуск. Вернувшись на работу, узнал, что и Г.И. Никитин ушёл вслед за В.В.В.

* * *

Не зря говорят, что «мир тесен». Ведь Геннадий Иванович Никитин был у Нины не только начальником, но и, «по совместительству», героем её «литературных опусов» — «гаврилиад», «пьес», «сценариев» и, конечно, стихотворных поздравлений. В одном из них упоминается и диссертация, оппонентом которой был Иван Константинович Бобров, преподававший в ЛЭТИ какую-то «военную дисциплину»…

В начале 2010 года я встретил И.К. Боброва недалеко от моего дома: оказалось — мы соседи. И.К. пригласил меня к себе в гости… Так мы стали общаться и вспоминать «жизнь» в ЛЭТИ. Невероятно, но он помнил (это через 50 лет!) многих ребят из моей группы и из группы Нины, и её саму, как она, разбирая автомат Калашникова, спрашивала у него, куда летят гильзы и нельзя ли отдачу использовать для перезарядки…

К 65-летию Победы я «в интересах» альманаха ЛЭТИ «Метроном Аптекарского острова» взял у И.К. Боброва большое интервью. Ниже приведены фрагменты из него, содержащие сведения о Г.И. Никитине.

…Оказалось, что Иван Константинович давно знает Геннадия Ивановича Никитина, выпускника ЛЭТИ и бывшего начальника Нины, и до сих пор с ним контактирует. И.К. рассказал, как после защиты Г.И. Никитиным кандидатской диссертации (И.К. был у него оппонентом) они вдвоём гуляли по городу, зашли где-то на углу Садовой и Невского в «подвальчик» и *хорошо* отметили защиту коньячком.

Показал мне И.К. и альбом с фотографиями членов комитета комсомола ЛЭТИ, где у портрета Гены Никитина (747 группа) было написано: «Желаем дел хороших, актуальных, \ Побольше массовых, поменьше персональных».

Я тоже кое-что рассказывал И.К. о нашем общем знакомом ЛЭТИ-шнике Г.И. Никитине. Например, такой случай.

Начальник Нины в «Авроре» (которому она посвятила много своих и дружеских, и едких *опусов,* стихотворных и прозаических) Геннадий Иванович Никитин (царствие ему небесное!) рассказывал мне, как ему пришлось выйти на Первого секретаря ленинградского обкома КПСС через его сына, учившегося в нашей группе. Будучи в ЛЭТИ секретарём комитета комсомола, Г.И. организовал в поддержку какого-то африканского деятеля грандиозное шествие, растянувшееся от ЛЭТИ до Кировского (ныне Троицкого) моста. Шествие не было санкционировано ни райкомом комсомола, ни райкомом партии. Более того, было ими запрещено. И, естественно, вызвало жуткий гнев обоих *комов* с обещанием расправы над организаторами, вплоть до исключения из института. *Высокий* отец, узнав от сына о происшедшем, не только не осудил *любителей Африки*, но даже похвалил их инициативу, после чего *комы* тут же поджали хвосты, а потом распустили их по новому ветру.

Следует сказать, что этим *сыном* был наш Юра Спиридонов, которого хорошо помнит И.К. Бобров по радиостудии ЛЭТИ.

* * *

А далее приведены два стихотворения НИК (Н.И. Коршуновой) и заметка А.А. Шалыто.

НИК

На юбилей Г.И. Никитина

Торжественный момент нам повелел собраться.
Пусть в Вашу честь звучат признания слова.
Заслуженного СНИО-18
Вы член старейший, а теперь — глава.

Вам пятьдесят, и как отрадно,
Листая книгу Ваших лет, понять,
Что молодость и вид парадный
У Вас бессильно время отобрать.

Вас творческий порыв и преданность работе
Прославили во всех концах страны.
Известны Вы в военном нашем флоте
И в ПЗУ завода «Рейд» занесены.

Вы в дни хрущёвской перестройки
С Гагариным почти «на ты».
Вы не утратили во времена застоя
Характера застойные черты.

И стойкий оптимизм, и чувство дружбы,
Присущие Вам в дни досуга,
К сотрудникам Вы проявляете на службе,
Всегда в делах стремясь понять друг друга.

Ваш путь с народом был един,
Вы пережили вместе трудностей и славы бремя:
Провал на Кушелевке в дни отдела 121,
Отмену вкладышей в «Авроре» в наше время.

Начальство уважает переезды с переменами,
Менялся номер и состав в отделе много раз,
Но чувство к Вам в отделе неизменное.
Сердечно поздравляем с Юбилеем Вас!

18 февраля 1988
Ленинград, НПО «Аврора»

Г.И. Никитину — 50!

Извечно ценят люди человека
Всегда по малым и большим делам,
За твёрдость духа, преданность работе,
Отзывчивость, а не по годам.

Вам пятьдесят, конечно, это мало,
Но позади так много разных дел
От комсомольской юности далёкой
До наших дней, когда поручен был отдел.

Летят года… и есть, что вспомнить,
Забыть былое людям не дано.
Картинки прошлого встают перед глазами,
Сюжеты разные, что были так давно…

Вот Кремль… Президиум почётный,
И там сидит Никитин-делегат.
На съезд приехал он от Ленинграда
И представляет комсомолии отряд.

Вот позади студенческие годы,
Промчались быстро, очень жаль,
А впереди проектная работа —
Манящая к себе простором даль.

Не станем говорить о всех проектах,
Их много было, всех не перечесть.
Отдать все знания родному флоту —
Большая выпала Вам честь.

Всегда Вы впереди идёте,
И чтоб науку прочно укрепить,
Сумели подвести итог работе
И диссертацию успешно защитить.

Вам пятьдесят… Желаем Вам здоровья,
Успехов, прозорливости в делах,
Уметь всегда собою оставаться
И силу ощущать в своих руках.

18 февраля 1988

Анатолий Шалыто

Ещё об одном Гене*

Геннадий Иванович Никитин был в своё время секретарём комитета комсомола ЛЭТИ, а затем секретарём Петроградского райкома комсомола. Работая в райкоме, он получил одиннадцать выговоров, один из которых был за… изнасилование. Правда, при этом следует отметить, что насилие совершил не он, а один из многотысячного отряда комсомольцев района. В этом, видимо, проявлялся модный в то время комсомольский лозунг «Ты в ответе за всё!»

Потом он решил пойти не по партийной, а по инженерной стезе и попал в «Аврору». Помня слова песни «Не расстанусь с комсомолом — буду вечно молодым», он, естественно, понимал, что ещё большее омоложение наступит, если не расставаться не только с комсомолом, но и с партией!

Он был делегатом и съезда комсомола, и двух съездов партии — КПСС и Российской коммунистической партии. Кроме того, он несколько сроков был заместителем секретаря парткома НПО «Аврора».

Последнее мне сильно помогло в жизни. Когда в 1978 году, в связи с желанием моего брата уехать из страны, я попал, мягко говоря, в «деликатную» ситуацию, Геннадий Иванович меня выручил, последовательно решив мой «вопрос» в парткоме, режиме и кадрах, за что я ему всегда буду признателен, так как это был неординарный поступок, особенно для человека, прошедшего особую «школу».**

---

* Из сборника «От А до Я из «Авроры» (СПб, 2004). Первый Гена — это Г.А. Копейкин.

** О многосторонней деятельности Г.И. Никитина можно прочитать в книгах НИК (сценарий телесериала «Несколько дней из жизни Никиты Ивановича Геннадьева», оптимистическая трагедия «Командир покидает корабль последним», «Из «Гаврилиады» и др.).

«СТЁЖКИ-ДОРОЖКИ»

Нина Ивановна Коршунова

«Писать о Нине!» — воскликнул В.Б. Крупеников из Твери, когда я попросил его написать что-то для сборника «НИК и наша память». Но — написал большое эссе с названием «Полвека с Никулиными. (Импровизация на тему «Реперы биографии»)».

Вот и я воскликнул: «Писать о Нине!» Но не писать нельзя — ведь она была не только моей «половиной», но и сотрудницей почти 40 лет.

Но что писать?! Решил сделать так: привести фрагменты из моих предисловий к её первым двум книгам (2002 и 2005).

«Избранное на «авроровские» темы»

НИК — это Нина Ивановна Коршунова.

Такое имя с давних пор было введено мной (в письмах) и стало применяться и самой НИК. Можно считать его её инициалами, или псевдонимом, или первой частью моей фамилии. А ещё в нём есть что-то от слова Ника — победа. Внук Сергей придумал имя Миника, которое НИК очень любила.

Жизненный путь НИК обычен для советских инженеров-шестидесятников.

Детство в городе Бузулуке (род. 07.02.1938) недалеко от Оренбурга (как впоследствии выяснилось, на соседней улице с В. Высоцким). После войны отца, работавшего в железнодорожном учреждении, перевели в Ригу. Там школа от первого до десятого класса. Поступление в 1955 году в Ленинграде на радиотехнический факультет ЛЭТИ. Почти шесть лет учёбы и общежития.

В 1961 году распределение в ЦНИИ им. акад. А.Н. Крылова (в отдел В.А. Скулябина) и работа на Суворовском проспекте до 1966 года. Частые переезды из одной

снимаемой комнаты в другую, благо, всё наше имущество (в основном, книги) помещалось тогда в нескольких сумках. Вступление в ЖСК (1965) и сбор денег у родных и знакомых. В последние часы недостающие три рубля внесла, кажется, Алла Финн из отдела надёжности. В декабре 1966 года вселение в «наш дом» на проспекте Науки, без вещей и с большими долгами.

В том же 1966 году НИК перевелось на Кушелевку в п\я 200, который вскоре влился в ЦНИИ «Аврора». Говорят, что одним вечером 1974 года главный инженер О.П. Демченко по какому-то поводу топнул ногой и сказал: «Чтоб провалиться мне на этом месте!» И ночью «Аврора» провалилась (плывун затопил метро). В одном из «зубьев» остались туфли НИК, а ей опять пришлось ездить на Суворовский проспект до самого выхода на пенсию в 1993 году.

За время работы в «Авроре» менялись номера отделов в трудовой книжке НИК, но неизменной оставалась тематика её работы — общекорабельные системы (ОКСы), включая их разработку, наладку и сдачу на заводе «Рейд» в Куйбышеве\Самаре.

НИК работала инженером, но постоянно сожалела о том, что не стала конструктором-модельером. Любимым её занятием было придумывание и шитьё одежды (сначала на древнем «Зингере», потом на польском «Радоме»). Не перечесть того, что она за свою жизнь сшила и связала для родных, знакомых и себя (от носков до шуб). И это было не просто шитьём, а своего рода творческим процессом, требующим художественного чутья и умения рисовать.

В последние годы НИК увлеклась изготовлением кукол и других «мягких» игрушек, которые разъезжались по домам знакомых в разных городах, неся с собой тепло её рук и души.

У НИК было много и других любимых занятий, но особое место занимали два: чтение художественной литературы (она просто не могла жить без книг и журналов) и подарки близким людям, которые она сопровождала стихотворными

посланиями. Однажды моя родственница прислала сборник своих стихов. НИК полистала его и задумчиво сказала: «Если бы собрать всё написанное мной, получилось бы не меньше…»

Я вспомнил об этой фразе НИК после её ухода из жизни, когда среди бумаг стали встречаться её «литературные творения», в том числе и с инженерной тематикой. Обратился ко всем знакомым с просьбой поискать у себя оригиналы её текстов и рисунков. И возникла мысль о книге с этими материалами. А когда её сотрудница Е.А. Зорина передала мне пачку хранившихся у неё «производственных» текстов НИК, появилось желание выделить их в отдельный сборник с названием «Избранное на «авроровские» темы».

Все эти записи, сделанные на клочках бумаги с зачёркиваниями и исправлениями, зачастую без даты создания, говорят о том, что появлялись они экспромтом по тому или иному поводу и не дорабатывались. В таком виде они и включены в настоящее издание, без каких-либо существенных правок.

Все помещённые в сборник тексты, имеющие в основном ироничный оттенок, посвящены конкретным личностям и событиям в тех подразделениях, где НИК работала в течение тридцати лет. Но в совокупности они отражают в какой-то степени и общую атмосферу в научно-исследовательских институтах в период с 1961 по 1993 год с её непременными атрибутами: работой в совхозах и на овощебазах, жребиями и очередями в «столах заказов». Поэтому можно надеяться, что кому-то из современников НИК будет интересно прочитать этот сборник — своеобразное зеркальце тех лет.

И последнее. Необходимо упомянуть тех, кто оказал мне поддержку и помощь при выпуске этого сборника.

Е.А. Зорина, О.А. Митрофанова, В.Э. и С.Э. Никулины, А.Э. Сермус, Н.Г. Строчкова, — спасибо вам от меня и НИК.

«Стёжки-дорожки»

Почему сборник называется «Стёжки-дорожки»?

Первое (рабочее) название его было «Строки жизни». Строки или строчки. Но строчки — это и цепочки слов на бумаге, и цепочки стежков на ткани. Любимыми занятиями НИК были два — читать и шить. Читать — «строчки», шить (строчить на машинке) — «строчки», быстро писать (строчить) — тоже «строчки». От «строчек» недалеко и до «стёжек». Ведь стёжка — это и строчка с крупным шагом, и простёганная ткань, и тропинка-дорожка.

Итак, название «Стёжки-дорожки» говорит о пройденных в жизни дорогах-дорожках и рассказывающих о них строчках.

Почти все написанные НИК строчки-стёжки в ткани этого сборника посвящены конкретным людям — её родным и знакомым. НИК всегда и бескомпромиссно (по отношению к себе) следовала своему основному жизненному принципу, обозначенному ею за девять дней до ухода от нас: «Думайте о других, а потом о себе».

Как вспоминает подруга НИК Л.Д. Голованова, в студенческие годы (1955–1961) «рифмоплётство было нашим любимым занятием, особенно у нас с Ниной». Плоды этой деятельности заносились в специальный альбом. Но он затерялся при переездах, и из тех лет сохранилось лишь несколько стихотворений.

В 68–80 годы, когда дети были ещё «детьми», в нашей семье выходила газета «Мозаика», для которой НИК часто писала шутливые стихи и маленькие «воспитательные» рассказы. Особенно плодотворным для НИК оказалось время перед рождением сына Сергея, когда ей не надо было ходить на «службу» и она могла сказать о себе: «я теперь свободный человек». Все выпуски той газеты сохранились и вошли стёжками в эту книгу.

В сборник включены фрагменты писем НИК родным и друзьям. Письма — это тоже своего рода строчки в ткани жизни. Одна знакомая, листая наш семейный фотоальбом

«От 50 до 50», в который «вкраплены» выдержки из писем, с грустью сказала: «А вот мы жили в одном городе и не писали друг другу». В письмах НИК сообщает о событиях и в семье, и в городе, и в стране («как фон жизни»), морально поддерживает сыновей, находящихся вдали от дома. Конечно, есть здесь много и личного, и бытового, но это — жизнь обычной семьи во второй половине XX века и может быть интересной не только адресатам посланий. В одном из писем НИК отмечает: «Сейчас читаю «Дневник 1867 года» А.Г. Достоевской. Несмотря на исключительный бытовизм, мне этот дневник очень интересен всеми деталями»…

Одна народная песня начинается словами:

Позарастали стёжки-дорожки…

Но стёжки-строчки не так подвластны траве забвения, которой в этой песне зарастают тропинки, «где проходили милого ножки».

Приведённый в эпиграфе фрагмент сонета Шекспира имеет и другой вариант перевода:

Когда меня отправят под арест
Без выкупа, залога и отсрочки,
Не глыба камня, не могильный крест, —
Мне памятникам будут эти строчки.

* * *

А ещё был сборник «НИК и наша память». Из моего предисловия к нему:

Этот сборник задуман в начале 2003 года, когда ко дню рождения НИК (Нины Ивановны Коршуновой) была издана её книга «Избранное на «авроровские» темы»… Передавая книгу сотрудникам и знакомым НИК, просил их поискать у себя её рукописи и что-то написать для сборника «НИК и наша память»…

Неожиданным результатом этой деятельности стало издание весной 2004 года сборника «От А до Я из «Авроры» с текстами многих «авроровских» авторов, близкими по

содержанию книге НИК и объединёнными строками из её стихотворения (эпиграфом):

Ведь развитие качеств природных
Для гармонии общества много важней,
Чем создание лодок подводных.

Как каждая капля отражает свойства воды в сосуде, водоёме, океане, так и книги НИК, вышедшие из обычной семьи, отражают все «реалии нашей жизни» — круга знакомых, города, общества. Правда, некоторых смущает здесь слово «обычное», им кажется, что описания «достойны» лишь явления и личности выдающиеся, исключительные. В результате такого подхода «обычное» может безвозвратно исчезать из памяти человека…

Если выбирать из этого сборника, то по какому принципу?! Приведу выдержку из сведений об авторах, а именно тех, кто что-то написал о НИК. Приведу, чтобы показать «круг» её знакомых и читателей. (После имени автора указан год его рождения (годы жизни) и место проживания.)

Апухтин Александр Вадимович. 1949. СПб.
Белозерский Портос. Псевдоним автора из СПб.
Братчикова Зоя Никифоровна. 1936. Вильнюс.
Ванюшкин Юрий Александрович. 1940. СПб.
Гетман Евгения Абрамовна. 1941. СПб.
Голованова Людмила Дмитриевна. 1938. Кёльн.
Зильберман Илья Яковлевич. 1935. Монреаль.
Колмыков Евгений Викторович. 1957. СПб.
Коршунова Полина Михайловна. 1912–2001.
Крупеников Валерий Борисович. 1938. Тверь.
Куликова Инесса Ильинична. 1938–2006.
Курченко Л.М. Псевдоним автора из СПб.
Михалёва Лариса Дмитриевна. 1947–1992.
Никулин Сергей Сергеевич. 1993. СПб.
Никулин Сергей Тимофеевич. 1918–1989.
Никулин Эдуард Сергеевич. 1940. СПб.
Никулина Дарья Валерьевна. 1993. СПб.
О.М. Псевдоним автора из СПб.
Сермус Антонина Эдуардовна. 1916. Ярославль.
Склярова Елена Павловна. 1937. СПб.
Солжен Алекс. Псевдоним автора из СПб.
Сотрудница. Псевдоним автора из СПб.

Строчкова Наталья Глебовна. 1936. СПб.
Тимофеев Андрей Владимирович. 1933. СПб.
Хан Вольфрам. 1939. Лейпциг.
Хан Сусанна. 1972. Лейпциг.
Хаустова Наталья Анатольевна. 1944. СПб.
Хозанов Г. Псевдоним автора из СПб.
Хольгерсон Нильс. Псевдоним автора из СПб.
Черныш Валентина Васильевна. 1942. СПб.
Шмаков Михаил Владимирович. 1960. СПб.
Шунов И.Д. Псевдоним автора из СПб.

И всё-таки надо какие-то тексты из этого сборника привести. Например, тех авторов, с которыми я взаимодействовал в декабре 2020 года. Это Н.А. Хаустова, работавшая над книгой о своём деде, которому в этом году исполнилось бы 130 лет, и М.В. Шмаков, которому в декабре «стукнуло» 60 лет.

Наталья Хаустова

* * *

Тоненькая книжка в голубой обложке.
В ней страниц так мало, а любви так много,
Что её хватило б, может, на столетья.
Но пришло нежданно злое лихолетье.

В каждую страницу здесь любовь стучится,
Чтобы очень нежно в слово превратиться.
На страницах образ — с искоркой лучистой,
Добрый, остроумный и с улыбкой чистой.

Щедрою рукою роздано всё людям:
Мужу, детям, внукам, недругам и другам.
И теперь, по каплям, то любовь собрала,
Бережно и грустно всё она вобрала.

Лето 2003

М.В. Шмаков

Лучшей половине юбиляра

К 50-летию Э.С. Никулина

Нина Ивановна! Ваш муженёк
Смотрит на нас как Конёк-горбунок:
Уж очень он часто отдел выручал
И этим себе уваженье снискал.

Всегда он начищен, умыт и побрит.
О пище насущной душа не болит.
Здесь Ваша забота видать по всему.
От нас Вам спасибо за службу ему!

26 апреля 1990
НПО «Аврора»

* * *

Конечно, надо здесь привести что-то и из «творений» самой Нины. Вот что я выбрал из её «Стёжек-дорожек».

Первое…

Пройдёт, быть может, много лет,
И мы не встретимся с тобой.
Пусть этот маленький портрет
Напоминает обо мне порой.

Леночке от Нины.
1956, Ленинград

Детство НИК

Золотое детство Нины, то есть от рождения до школы, прошло в городе Бузулуке Оренбургской области. Она очень интересно вспоминала происхождение названия города её рождения: «Ехали татары, варили бузу, клали лук, получился Бузулук».

Примечателен Бузулук ещё тем, что именно в ту самую пору золотого детства там же, возможно, на соседней улице, так как Бузулук очень маленький город, провёл свои детские годы Владимир Семёнович Высоцкий. Возможно, они даже встречались в детстве, но об этом история умалчивает.

Маленькая Нина помнит своё детство фрагментарно.

Вот она с сестрёнкой Таней возится в лужах и ручейках от стаявшего снега у ног бабушки. А бабушка сидит на лавочке с другими бабушками. А бабушкам всего-то по 45–48 лет. Небо голубое, и солнце яркое.

Вот новогодняя ёлка стояла в тыкве, стояла-стояла и упала, так как тыква незаметно подгнила.

Вот через забор заглядывает страшная чёрная тётенька с мешком, впоследствии оказавшейся молоденькой тётей Надей, приехавшей с сельхозработ и заработавшей там мешок проса и дизентерию.

Вот мама красит марлю акрихином и делает красивые занавески.

Вот тётя Лена приезжает в обеденный перерыв (в местную командировку) на двухместных саночках, причём сама правит лошадью, и берёт Нину прокатиться.

И, в конце концов, приезжает из Прибалтики отец и привозит деревянного крокодила, который извивается, как настоящий, так как сделан из гибко соединённых кусочков.

В детстве были заложены основы для дальнейшей жизни. В пять лет, в день рождения, Нина подняла с пола бабушкину швейную машину «Зингер» и сказала: «Я теперь большая, мне пять лет!» И шитьё стало основным хобби Нины на всю сознательную жизнь.

Другом маленьких Нины и Тани во дворе был мальчик Эрик. Почти так же зовут мужа Нины.

Уже потом, когда Нина жила в другом городе, училась в школе и как все в те поры вела самодельный альбом, и там были такие стихи:

Детство — пора золотая.
Больше и чаще резвись.
Детства второго не будет,
Как ты за ним ни гонись.

Двойник.
7 февраля 1998, Санкт-Петербург

Фантазия на тему: *«Как отреагировали бы мои сотрудники и начальники на моё заявление об увольнении»*

* * *

НИК, как и все сотрудники, имеет садовый участок, но успехов, не в пример ведущим специалистам, в этой области не достигла. Ничего толком вырастить не смогла, вечно ей приходилось давать рассаду клубники.

Вед. инж. В.Ю. Гурвич

* * *

Действительно, Вадик прав. Как её ни спросишь, была ли вчера в Чаще, она отвечает, нет, мол, — муж ездил.

Вед. инж. Ю.Я. Лубанов

* * *

Вместе с НИК я сдавал кандидатский минимум. Экзамены-то она сдала, да толку не вышло. Только зря были истрачены государственные средства.

Гл. инж. В.В. Астров

* * *

НИК пришла в сектор скромной и ответственной. Но в дальнейшем проявила нескромность и безответственность. Она отказалась написать в соавторстве со мной статью, совсем не лишнюю для моей диссертации. Оказалось, что на эту тему ею уже опубликована статья в журнале «Судостроение» в соавторстве с Глазовым М.Н. и Никулиным Э.С., а также в каком-то другом журнале совместно с Кугушевым А.З. и тем же Никулиным Э.С., причём

последний является её мужем. Она подделала подпись Гурвича на функциональной схеме. В дальнейшем оказалось, что она в совершенстве расписывается за Демченко, Никитина и Зорину. Кроме того, пообещав назвать своего второго сына Лёвой или Вадиком, то есть в честь своих руководителей, она назвала его совсем другим именем. И всё же в ней есть что-то человеческое. Именно с ней, последней из сотрудников «Авроры», я общался перед отъездом в Америку.

Л.Н. Гершт

* * *

НИК пришла ко мне в группу после распада сектора Гершта, да так и осталась навсегда. Извела огромное количество миллиметровки, пергамента, кальки и контура, кое-как научилась отличать двухпозиционный манипулятор от трёхпозиционного. Но иногда вела себя нескромно: вовлекала меня в разгадывание кроссвордов, в обсуждение прессы и в пересказ кино- и телефильмов.

В.Н. Киселёв

* * *

НИК, будучи скромной сотрудницей, всё же проявляла определённое нахальство, избрав меня героем своих литературных опусов, как правило, сатирического толка: стихов, пьес и даже киносценария.

Впрочем, что взять с человека политически незрелого, никогда в жизни не состоявшего в рядах КПСС.

Г.И. Никитин

* * *

НИК проявила явную нескромность, добиваясь от меня, как я отношусь к новой технике, когда я стал начальником отдела в НТК-1, поруководив до этого массой отделов различной ориентации.

Нач. отдела в НТК-1 в течение 1-го дня
Р.Н. Котляр

* * *

Да, я припоминаю НИК. И с весьма неприятным чувством. Когда я уже был в верхах, она вынудила меня снова здороваться с ней по старой памяти, чем доставляла мне известные неудобства, так как приходилось здороваться по несколько раз на день.

Бывший главный советник В.В. Войтецкого
по микропроцессорам, ныне крутой
представитель коммерческих структур
В.И. Козлов

* * *

НИК вечно была всем недовольна, ни на одном собрании не могла скромно промолчать. Проявляла полное непонимание того обстоятельства, что ведомым женщинам надо получать в 3, нет, в 4 раза меньше денег, ведь они не рискуют, не работают, не едят, не пьют, не одеваются, не ходят в театры и кино, не читают книг и газет, не имеют детей и внуков, так как всё это делают за них мужчины. Когда-то она была значительно лучше (во времена застоя). Я даже водил её на экскурсию на подводную лодку и обменивался с ней лит. журналами.

В.В. Киселёв

* * *

НИК в процессе получения справки о работе в НТЦ проявила непонимание перестроечных тенденций в «Авроре», сочтя меня представителем теневой экономики.

Руководитель НТЦ А.И. Гнатко

* * *

НИК неоднократно в составе женской части 182-го сектора и индивидуально отрывала руководство НТК-1 от напряжённой работы, причём кроме производственных вопросов её почему-то интересовала администрация в чисто человеческом аспекте. Да и вопросы-то всё дурацкие: почему индийские гости важнее собственных сотрудников,

что за «Аврокомплекс» такой… Конечно, работала она нормально, но без неё тоже не пропадём.

В.М. Корчанов

* * *

Рассмотрев заявление НИК об увольнении по сокращению штатов и принимая во внимание мнение руководства подразделений НПО «Аврора», приказываю удовлетворить просьбу НИК.

Генеральный директор В.В. Войтецкий

Весна 1993

* * *

В лес скакать не торопись,
Не пришпоривай коня.
Возле леса оглянись —
Видишь маму и меня?

Там, у отчего порога
Мы печально смотрим вслед.
А проскачешь ты немного,
Обернёшься — нас уж нет.

Растворились. И не сетуй,
Ничего не изменить.
Август. На исходе лета
Паутиночная нить.

На листочке две росинки
Серебром в лесу блестят.
Две росинки, две слезинки,
Что-то вымолвить хотят…

11 августа 1998
100 км (у Чащи)

* * *

Интересна реакция двух читателей этого стихотворения.

А.А. Шалыто сказал мне примерно так: «Знаешь, в моём сайте, в общем-то, научном, есть только одно стихотворение — этот стих Нины».

Андрей Тимофеев: «Я, вообще-то, к стихам как-то равнодушен, но это стихотворение Нины меня зацепило!»

Да та̀к «зацепило», что Андрей написал для сборника «НИК и наша память» пронзительный рассказ «Стоп-кадр». И вот я вспоминаю о самом Андрее Владимировиче, последнем «лике» в моём разделе этой книги.

И ещё одно стихотворение из «Стёжек-дорожек».

МНЕ 50

Прекрасные дамы, доблестные мужчины,
Сотрудники, товарищи, друзья!
Нас собрала печальная причина —
У вас сегодня в юбилярах я!

Но, подчиняясь духу времени, духу оптимизма и перестройки, я постараюсь говорить в ином ключе.

Да, годы, как минуты, мчатся,
И их нельзя остановить.
Но, говорят, волков бояться, —
Тогда и в лес нельзя ходить.

Ух! Позади полста осталось,
Да и в причёске седина.
А впереди — какая жалость! —
Уже и пенсия видна.

Но пусть надежда не оставит,
Пусть вера помогает жить,
И пусть «Булат» меня заставит
Работать, мыслить и творить.

В друзьях ищу я вдохновенье,
Живу и чувствую пока.
Ведь возраст — это настроенье,
А не в свидетельстве строка.

Всех вас, друзья, благодарю за внимание,
проявленное ко мне.

7 февраля 1988

* * *

И «на посошок» из моей застольной «речи» на 50-летии НИК:

Сегодня мы собрались здесь, чтобы поздравить нашу прекрасную во всех отношениях Нину, прекрасную и очаровательную в этом послевоенных годов вечернем платье свекрови…

Наша именинница имеет массу профессий, специальностей, должностей и званий и находится в работе с раннего утра до позднего вечера.

В дипломе у неё значится — радиоинженер конструктор-технолог, а на работе она и разработчик, и администратор, и чертёжник, и читатель, и курьер, и копировальщик, и переборщик овощей, и чернорабочий, и свёклоуборочный комбайн. По дороге на работу и с работы она и спортсмен, и носильщик, и штурмовик (берёт штурмом вагоны трамвая и метро), и снабженец прод и промтоварами. А уж в домашнем кругу и не перечислить всего — она и жена, и мать, и кухарка, и воспитательница, и уборщица, и модельер, и портной, и писатель, и парикмахер, и белка в колесе, и… да всего и не вспомнишь сразу!

Конечно, на что-то нашей НИК не хватает времени. Она не очень разбирается, например, в политике, в географии, в шахматах, в футболе, в плотницких и каменных работах. Боюсь, что не совсем понимает суть «перестройки» и смысл перехода на полный хозрасчёт и самофинансирование. Но, надо надеяться, и это освоит со временем…

6 февраля 1988

ЯРОСЛАВСКАЯ ИСТОРИЯ*

Андрей Владимирович Тимофеев

Вот, вспомнил, как когда-то в одном из театров Ленинграда шёл спектакль «Вестсайдская история». Это и дало название байки: «Ярославская история». Впрочем, с той, «Вестсайдской», не имеющей ничего общего.

История наша произошла в 60-х, когда я после окончания института работал в ЦНИИ им. акад. А.Н. Крылова, в отделе В.А. Скулябина. В том отделе работал и Андрей Владимирович Тимофеев, уже в ту пору слывший отменным рассказчиком.

Много позже, на моём 60-летии, Андрей Владимирович, держа в правой руке рюмку с водкой, а левой «наводя порядок» на столе (его застольная привычка), рассказал эту «Ярославскую историю».

Сделаю робкую попытку воспроизвести её от его имени.

* * *

С самого начала моей работы, а это, стало быть, 50-е годы, начальство обнаружило во мне «талант добывать» и стало посылать меня во все концы Союза.

Однажды, уже в 60-х, поехал я в город Горький, теперь ставший опять Нижним Новгородом. Что надо было «добыть», уже не помню, но до сих пор не забыл, как там меня научили закусывать водку сырыми яйцами. В те времена они были чистыми, без всякой заразы. Когда за столом я сказал, что у меня обратный билет из Москвы, то мне посоветовали заехать на день в Ярославль.

---

* Из книги автора «Байкобыли от ЭН» (2016).

Так я и сделал. Погулял по городу, получив от него громадное удовольствие, а к вечеру — на вокзал. Через Ярославль на Москву проходит масса поездов с Востока и Севера. Я сунул в кассу мою последнюю десятку. Милая девушка выдала мне билет, я схватил его и бодро побежал на перрон…

И только в вагоне понял, что билет стоит около трёх рублей, а сдачу с моей последней я взять забыл. Ну, чем перекусить на сон грядущий, у меня было, а вот рублёвки на постель — нет. Пришлось ночь до Ленинграда вертеться на голой полке.

Приехав, я, как обычно, доложил родному коллективу о моей поездке: как хорошо закусывать водку сырыми яйцами, какой прекрасный город Ярославль и как я забыл взять сдачу с моей последней красненькой.

Прошло какое-то время, и вдруг получаю из Ярославля перевод на пять рублей.

Сразу, естественно, кинулся за разъяснениями к нашему ярославцу и сегодняшнему юбиляру, тогда ещё Эдику.

Он с удовольствием посмеялся и всё объяснил.

Услышав про мой *прокол* со сдачей, он вспомнил, что у его сестры подруга работает в кассах на Главном вокзале Ярославля. Он разузнал мой домашний адрес и обо всём написал сестре.

Там опросили кассирш и нашли мою «милую девушку».

В переводе была приписка: «Высылаем только пять рублей. Остальное — штраф за раззявость».

Конечно, я по обратному адресу отправил коробку ленинградских конфет с благодарностью за заботу.

* * *

Вот такую «Ярославскую историю» рассказал Андрей Владимирович на моём 60-летии. Это было в 2000 году.

Прошло ещё лет десять.

В ночь с 31-го декабря 2010 года на 1-е января 2011-го, когда начали бить куранты на Спасской башне Кремля, Андрей Владимирович, как обычно, поднял рюмку водки.

После последнего удара он поздравил жену с Новым годом, выпил и… у него отказало сердце.

Похоронили мы Андрея на Серафимовском. Было зябко. Приняли по граммульке нашего национального напитка и пошли мужской компанией к станции метро «Чёрная речка». По пути вспоминали… Я — эту «Ярославскую историю»…

* * *

До сих пор жалею, что слабо «принуждал» Андрея к записи его многочисленных устно излагаемых историй. Удалось мне это сделать лишь дважды. Для второго выпуска сборника «Мозаика дилетантов» Андрей написал «Три новеллы о ветеранах», а для сборника «НИК и наша память» рассказ о походе его сотрудников на футбольный матч. И хотя этот рассказ, названный им «Стоп-кадр», может, и не совсем «баечный», но хорошо передаёт манеру Андрея излагать «историю с традиционными отступлениями». И пусть этот «Стоп-кадр» войдёт в наш сборник «Байки от «Мозаики НК» в память о великолепном рассказчике Андрее Владимировиче Тимофееве.

А ещё я случайно нашёл в своих бумагах мою запись рассказа Андрея об одной, уже «Сталинградской», истории, которую приведу в этом сборнике под его именем.

24 марта 2012

А.В. Тимофеев

ВСПОМИНАЯ БЫЛОЕ…

Здесь собрано то немногое из устных рассказов Андрея Владимировича Тимофеева, «нашего Андроникова», что удалось упросить его записать.

* * *

Галочке Козьминой

Пусть нам давно не восемнадцать
И даже уж не тридцать лет,
Годам не будем поддаваться,
И в этом, Галя, — весь секрет.

Среди ровесников-друзей
Мы все, — как прежде молодые,
Пусть даже чуточку седые, —
Храним задорность юных дней.

А возраст — это ерунда!
Ему ни в чём не поддавайся,
С работой и семьёй справляйся.

И с каждым годом, ей же ей, —
Красивей станешь и стройней.

Старинный поклонник
24 апреля 1991,
НПО «Аврора»

*Дополнение**

Н.И. Коршунова

Записка Галине Козьминой в роддом

Дорогая Галочка!

Поздравляю тебя с дочкой! Очень рада за тебя. Надеюсь, что твоя психология в последний момент резко изменилась, и теперь тебе всё равно кто — сын или дочка. Ведь, в действительности, это совершенно неважно, всё равно надо любить и воспитывать.

Ну вот, теперь ты снова будешь хорошенькой молодой женщиной. Пожалуйста, не переживай ни из-за чего, постарайся быть спокойной, корми свою дочку получше, скорее выписывайтесь и приходите домой. Девочки и я просим тебя написать два словечка нам. Какая твоя девочка, ты её видела уже?

Евгения Фёдоровна сегодня поздравила Мишу Глазова с пополнением нашей лаборатории в будущем. Он страшно растерялся, так как ничего не понял сначала.

Олег сегодня звонил, но меня не было на месте, и подходила Вера.

Галя, я не знаю, приду ли встречать тебя из больницы, думаю, что это будет интимно-семейная встреча, и я там буду ни к чему. Но я была бы рада, если б Олег позвонил и сказал, когда ты ждёшь меня, то есть когда ты уже сможешь принимать поздравления лично. Тогда я к тебе забегу, хорошо?

На работе все искренне радуются за тебя, что всё уже позади, всем очень интересно, какая-такая маленькая Козьмина-Бакша, как её будут звать. Признаться, и я теряюсь в догадках, ведь у нас с тобой о девочке и речи не было, только в последнюю нашу встречу я сказала, что мне кажется, что у тебя будет девочка.

---

* Стихотворение А.В. Тимофеева дополняют записка НИК из её книги «Стёжки-дорожки» (2005) и поздравление И.А. Ильина из сборника «От А до Я из «Авроры» (2004).

Когда же тебя выпишут, наверное, во вторник? Галка, я не знаю, что тебе можно передавать из еды. Я думаю, что фрукты можно, поэтому принесла персики. Может быть, ты их и не любишь. Ты в записке черкни, что тебе принести, хорошо?

Ну вот пока и всё.

Крепко целую тебя. Привет дочке.

Нина
1966

И.А. Ильин

О, если бы…

Г.И. Козьминой

О, если бы я был вагантом,
К тому же обладал талантом
Сладкоголосые петь трели,
Как трубадуры, менестрели…

О, если бы я был ашугом,
К тому же обладал досугом,
Чтоб завывать на всю страну,
Тугую дёргая струну….

О, если бы я был поэтом,
Ещё б имел талант при этом,
То всё, что у других списал,
И всё, что создал бы я сам:

Стихи, поэмы и былины
Я посвятил бы лишь Галине
И подарил бы к дню рожденья,
Прося при этом снисхожденья

К раскаявшемуся во грехах
За лёгкость в мыслях и стихах.

24 апреля 1991

ТРИ НОВЕЛЛЫ О ВЕТЕРАНАХ

В июне 1962 года меня пригласили перейти из научного отдела в экспериментальный цех. Начальник нашего отдела В.А. Скулябин, узнав об этом, немного помолчал, а потом сказал:

— Ну что ж, это даже хорошо, — пусть у нас в цехе будет «свой человек».

Придя в цех, я оказался рядом со многими участниками войны. Ими были К.Ф. Смирнов, А.В. Пентехин, И.Ф. Ксенофонтов, А.Г. Маслов, А.И. Шаровин, Е.А. Иванов, К.М. Евстафьев, Л.А. Гирчиц, С.В. Рамзаев, А.А. Малахов, Г.И. Шепелев, И.И. Шаров, бойцом МПВО всю блокаду была намотчица Тамара Горшкова.

Все они были весьма интеллигентными, интересными, добрыми, глубоко порядочными людьми. Они были большими мастерами своего дела — умелыми и рукастыми, инициативными и добросовестными работниками, настоящими представителями «питерского рабочего класса». Я многому у них научился и счастлив, что с ними работал.

К.Ф. Смирнов

Шёл сентябрь 1963 года. Пришла разнарядка: «15 человек на овощебазу». По профилю работы участков — «Радиомонтаж» и особенно «Намотка» — требовались молодые глаза и руки, поэтому почти вся молодёжь цеха была на этих участках, к тому же по молодости у большинства рабочих были не самые высокие разряды, не посылать же умельцев, ветеранов 6-го разряда, поэтому ехать должны были «мои кадры». Вообще-то наш цех в совхоз или на овощебазу посылали крайне редко, — тогда считалось гораздо «экономичнее» гонять туда научного сотрудника, пусть даже старшего, со степенью, чем оторвать от конкретной работы рабочего с производства.

На овощебазу в Коломяги явились все аккуратно, «представитель партбюро» пересчитал нас, остался доволен, и мы получили наряд на «переборку и закладку на зиму лука». Нашли свой корпус, — он оказался далеко, предпоследним, и мы взялись за работу. Работали дружно и споро, ещё и потому, что на складе очень щипало глаза и хотелось скорее закончить.

В три часа с минутами мы весь лук перебрали, но кладовщицы с нами не было, так как она, убедившись, что мы все аккуратно вернулись с обеда, куда-то ушла. Вышли на воздух, был хороший день «бабьего лета», и мужики сели на ящики на эстакаде, к которой подают вагоны. Они курили, ругали «Зенит», грелись на солнышке. Женщины всей стайкой направились охорашиваться, кстати, я подметил, что они «туда» поодиночке никогда не ходят. Минут через 10–15 они появились и, убедившись, что кладовщица не вернулась, страшно «завозмущались»: «Из-за её отсутствия столько людей простаивает». Так продолжалось ещё минут десять, но потом они переключились на обработку «Старшего». Пошли разговоры: «Склад так далеко, что только до проходной надо идти минут пятнадцать, на автобус сразу не сядешь, да и в Смольнинский район добираться не просто. Надо вовремя забрать детей из яслей и садиков». Другим нужно было на занятия. Ведь наш цех обычно заканчивал работу в полпятого.

За всеми этими разговорами стало четыре часа. Я «дрогнул» и… отпустил всех женщин. Исчезли они моментально. И тут кладовщица привезла на электрокаре с прицепом около 30 ящиков лука. Она увидела, что нас всего шестеро, и холодно заявила, что у них рабочий день до пяти и, если мы не переберём эти ящики, то она не закроет нам наряд.

Я обратился к мужикам, дескать, вижу свою оплошность, извиняюсь и прошу ещё поработать, неужели мы не переберём по четыре-пять ящиков на душу. Мужики промолчали и принялись за переборку.

Всё было бы отлично, но тут появился «представитель партбюро». Он сразу же «попёр» на меня со скандалом: «Как ты посмел раньше времени отпустить народ. Всё будет доложено «выше» и т. п.».

Мужики работали скоро, лук был сухой, хороший, и мы уже в начале шестого часа всё сделали. Кладовщица, видя, как мы старались, — прониклась симпатией к нам, закрыла наряд и даже приписала «работа выполнена с хорошим качеством».

Я поблагодарил её и извинился, что из-за меня ей пришлось задержаться, и заявил, что беру три самых красивых луковицы на «запах», так как после всего сегодняшнего необходимо расслабиться.

Мужики всё поняли правильно, приободрились, и мы хорошо добрались, — быстро подошел автобус № 40, — до города.

Многие знают, что на Скобелевском проспекте был и есть хороший гастроном. Послав одного за хлебом, остальные заняли очередь в нужные отделы, а я в кассу. Я в свои тридцать уже знал, что мужчина всегда должен иметь, пусть небольшую, но — «заначку», которая позволяла нам приобрести пару «поллитровочек», отдельной колбаски и пару плавленых сырков. Где теперь трамвайное кольцо и станция метро «Удельная», был скверик. В нём мы быстренько отвинтили стаканчики от термосов и приняли водочки под горячий круглый со злополучными луковицами. Поблагодарили друг друга и разъехались.

Утром я принёс начальнику цеха наряд овощной базы, он просмотрел его и начал благодарить за приписку, но я остановил его, сказав, что не всё прошло гладко. Ему будут звонить из партбюро, и всё рассказал. Он помрачнел, дело в том, что если я мастером был третий месяц, то Константин Фаддеевич начальником цеха — пятый. Он был партийным, и я невольно подставил его под неприятности. Он сказал:

— Хорошо, что сам всё рассказал, и документ у нас в порядке — обойдётся, а с тобой серьёзный разговор будет.

А этого из парткома я знаю, — отставник, политработник, карьерист и перед начальством выслуживается, — впрочем, для таких поручений нужный человек.

Дня через два после «овощебазы» подходит ко мне начальник цеха и говорит: «Прячь свои «синьки», дождя нет, пройдёмся до «Чернышевской». Я тебе обещал серьёзный разговор, вот и расскажу одну историю». Я быстро убрал все бумаги, мы вышли из Института, и он стал рассказывать.

Призвали меня в январе 1944 года, мне было неполных 18, попал я на Карельский перешеек. Главные бои по завершению полного снятия блокады шли вдалеке, но к лету военные действия и у нас активизировались, потом начались бои за Выборг, в которых наши части сильно поредели. В это время финны уже понимали, что на Германию нечего ориентироваться, запросили перемирия, приближалась осень, и наш полк, который воевал здесь с лета 1941 года, вывели на отдых и переформирование. Нужно же было такому случиться, что наш эшелон привезли под Старую Руссу, в те места, где в июле 1941 года было призвано много парней и мужиков. Командир полка знал это, и когда на каком-то полустанке нас выгрузили, то первым делом всех построили и прочли приказ командира полка о том, что каждая самовольная отлучка будет рассматриваться как дезертирство с отдачей под трибунал. Местные ребята приуныли, но тут привезли ужин, потом скомандовали «отдыхать», и все разбрелись по теплушкам. В нашем взводе фактически «главным» был старший сержант — пом. комвзвода, воюющий уже четвёртый год, неоднократно награждённый и уроженец этих мест. Командиром же взвода был младший лейтенант 19-ти лет, окончивший ускоренные командирские курсы после десятилетки и воевавший третий месяц. Понятно, что он во всём доверял своему помощнику, не принимал ни одного решения без его советов и буквально «смотрел ему в рот». Не повезло и ещё. Оказалось, что деревушка, из которой

был родом старший сержант, — всего в 3–4 верстах от этого полустанка. Он решил туда сбегать на ночь, навестить мать и любимую. Комвзвода попробовал остановить его, но сделал это очень нерешительно, и старший сержант ушёл. Утром пришли «студебеккеры» и всех увезли вёрст за 40–50 в хорошую, не сожжённую деревню и разместили, кого в клубе, кого по избам. Через день появился наш старший сержант, — разыскал свою часть, но его почти сразу же арестовали, — пришёл «особист» с двумя автоматчиками. То ли кто-то «настучал», то ли начальство само заметило отсутствие более двух суток старшего сержанта, неизвестно. Вскоре арестовали и младшего лейтенанта.

Мы уже шли по улице Петра Лаврова, и Константин Фаддеевич говорит: «Присядем, и я закончу». Мы сели, — я был весь внимание.

На следующий день к вечеру нас всех построили во дворе школы, где в спортзале разместился штаб полка. Те автоматчики выводят без ремней и без медалей старшего сержанта и младшего лейтенанта и оставляют их около школьного дровяного сарая. От начальства отделяется майор — зам. комполка по строевой части и зачитывает нам «Постановление военно-полевого суда», которым приговариваются к высшей мере наказания — расстрелу ст. сержант такой-то и мл. лейтенант такой-то. Первый за нарушение приказа, выразившееся в самовольной отлучке более двух суток, которая рассматривается как дезертирство. Второй за то, что будучи непосредственным командиром дезертира он не только не сумел остановить нарушителя, но не доложил «по команде» об отлучке своего помощника, ушедшего с ведома комвзвода, чем вступил с ним в «преступный сговор».

Мы стоим, слушаем и не верим, что такой приговор может быть приведён в исполнение, и, похоже, что те двое у сарая тоже не до конца понимают, что происходит.

Однако подходит отделение автоматчиков комендантского взвода, майор командует: «Приготовиться... — Пли!» Раздаются короткие очереди, и те двое медленно оседают на землю с так и не ушедшим с их лиц выражением удивления.

Представляешь, какое впечатление всё это произвело на нас, особенно на молодых, вроде меня, все были очень подавлены.

В нашем взводе было несколько коммунистов, и через день в полку было партсобрание. Вернувшись с него, они поведали нам, что с теми двоими было всё сложно. Некоторые командиры и даже «замполит» считали, что можно было ограничиться штрафбатом. Но командир полка настоял на столь суровом приговоре, объяснив, что ему с нами ещё воевать и воевать. Он всегда будет требовать беспрекословного выполнения своих приказов, что этот личный состав должен стать «костяком» формируемой мотострелковой бригады, а суровый приговор необходим в воспитательных целях.

На переформировании мы пробыли больше месяца, несколько раз прибывали «маршевые роты» новобранцев, миномётные и артиллерийские батареи, каждый взвод получил свой «студебеккер». Мы хорошо отдохнули, подкормились, а полковник всем местным дал краткосрочные отпуска, и они побывали дома.

Тех двух молодых ребят, что один ослушался и поторопился, а второй повёл себя не по-командирски и смалодушничал, — не вернёшь.

Вот, что хотел я тебе рассказать, задумайся, всегда ли правильно быть добреньким.

Мы встали и пошли в метро. Константин Фаддеевич Смирнов, — я благодарен судьбе, что мне довелось работать у такого начальника. Он был настоящим наставником и учителем, причём получалось это исподволь. Он был прекрасным инженером-механиком, потрясающе «читал» чертежи. Рассматривая чертёж, он уже представлял, какими

будут детали, какие технологические трудности могут быть при изготовлении и сборке. Часто при беглом просмотре чертежей он обнаруживал ошибки, которые даже не сразу понимали конструктор или разработчик. Они нехотя забирали документацию к себе, а через неделю приносили исправленную, извинялись и благодарили.

К.Ф. Смирнов многие годы руководил экспериментальным цехом. Со своим замечательным коллективом он не раз выполнял сложные заказы для флота. За эти трудовые успехи имел награды. Он был уважаем и любим всеми, кто с ним работал и знал его.

Светлая ему память!

Н.Г. Куркин

Позволю себе рассказать ещё об одном ветеране Великой Отечественной войны. Теперь часто за многое осуждают те времена и коммунистов, может, это и правильно, но вот что они умели создавать — так это праздники, их атмосферу. Нерабочих дней было меньше, чем теперь, но 8 Марта, Первомай, День Победы, День Флота и Ноябрьские отмечались широко и торжественно. Наряжали город, играла музыка, на предприятиях и в учреждениях выходили приказы с «повышениями» и благодарностями; наградами и грамотами отмечали передовиков. Женщины к праздникам приобретали обязательно что-то из нарядов, приходили приодетые, надушенные, причёсанные, все были в приподнятом настроении, проводились торжественные собрания, часто даже накрывали столы.

В 60–70 годы на нашей «площадке», которую все называли «Суворовский», существовала «Комиссия по приёмке помещений». В неё входили пожарник, инженер по технике безопасности, представители Первого отдела, охраны, электриков, телефонной станции. В середине праздничного дня комиссия должна была обойти всё здание.

Председателем комиссии был Николай Григорьевич Куркин, — заместитель начальника 5-го отделения (номера

менялись, но он оставался) по административной и хозяйственной работе, которую он выполнял хорошо. Все помещения всегда были выбелены и подкрашены, всюду вставлены стёкла, были свет, чистые лестницы и туалеты. Впрочем, такие же обязанности он много лет выполнял и на флоте, где дослужился до капитана второго ранга и занимал должность третьего помощника командира корабля.

Появился Н.Г. Куркин на «Суворовском» в 1963–64 годах (точнее уже не помню).

Начальником 5-го отделения тогда был Б.И. Козловский, а Н.Г. Куркин отвечал за всю «чёрную работу»: содержание здания, руководство сантехниками, электриками, ремстройучастком, охраной, «овощебазой» и «совхозами».

В предпраздничный день все работали до обеда, затем быстро наводили порядок, всё прибирали, и начинался «праздник». У нас была умница профорг, она вела «учёт передовиков», чтобы грамоты и небольшие премии не доставались одним и тем же. Коллектив наш был дружным, молодым и работоспособным. Нас для того и держали, чтобы мы всё время осваивали новые «производства» и технологии.

На некоторое наше оборудование и технологические операции полагался спирт, даже много, — поэтому для меня не было проблемы к празднику налить «Колбу». Была умелица, которая ставила в ней «корочки» — на лимонных и апельсиновых корках приготовлялся напиток, немного слабее водки, но душистый и великолепный. Молва о нём, конечно, шла. Не скрою, что в годы, когда страну заполонил «Ройял», я пробовал разные корки, но так вкусно не получалось. Наверное, правда, когда она, смеясь, говорила: «Всё надо делать с молитвой». Одна монтажница пекла великолепные пирожки с капустой, другая так «закатывала» сладкие перцы, что они были вкуснее болгарского и венгерского «Глобуса». Один из моих «мужиков» был «тверской», родом с Валдая, и он приносил банку «сыросолёных» грибов. Там были рыжики, подберёзовики, подо-

синовики, моховики, волнушки, сыроежки, грузди, белые. Грибы были крупно нарезаны на куски, к шляпкам могли быть прилеплены сосновые иглы или листики брусники, — дело в том, что они были немытые, только перебранные и почищенные. Вкусней грибов я не пробовал. Ныне уже покойный, Аркадий Леонидович Лецкий был заядлый рыбак, а жена его — «нижегородская», и в отпуск они ездили на Волгу. Оттуда он привозил великолепных подлещиков, и только он умел их так выдерживать в рассоле и так сушить на чердаке тёщиной избы, что они были мягкими и нежными, совсем не то, что всем знакомая вобла, которую нужно бить о стол, чтобы очистить.

Итак, вы понимаете, какой у нас получался стол. К тому же надо добавить принесённую другими монтажницами мелкую картошечку (чтобы она быстрее сварилась и всем её хватило) и бутылку хорошего сладкого вина для «сослуживок». А от меня полагался шоколадный торт (утром я ехал через «Север»), теперь даже страшно вспомнить, что торт стоил три рубля.

Предпраздничное собрание начиналось с небольшой торжественной части — я зачитывал приказ руководства, профорг объявляла отличившихся, договаривались о демонстрации, поздравляли друг друга и накрывали стол. Так сложилось, что неофициальная часть проходила «а ля фуршет», чтобы не носить туда-сюда стулья.

Умный Куркин, помня о «корочках» и грибках и зная наше гостеприимство, приходил принять наше помещение после обхода всего здания, проверив с комиссией всё ли убрано, закрыто, отключено, отнесены ли пишущие машинки в Первый отдел и т. п. Замечу, что в комиссии народ был «очень немолодой», на все эти административные должности Райком присылал «отставников», и многие совсем не пили или очень мало, так что, зная о предстоящем застолье, ко мне приходили не все. Не помню, было это на Первомай или на Ноябрьские, да это и не важно, а важно то, что Н.Г. Куркин в этот раз пришёл в мундире и «при всех орденах и регалиях». Те, кто помнят Куркина,

согласятся с моим описанием его. Был он более 190 см ростом, большой весь, широкоплечий, но сутулый, с очень длинными руками, немного горбился вперёд, и в походке его и в облике, — пусть простит мне он, — было что-то от «питекантропа». Мужик был здоровенный. Комиссия, осмотрев наши помещения, осталась довольна, и я позвал всех за стол. Для выполнения роли «хозяйки дома», а главное, чтобы перемыть посуду и всё прибрать, «сослуживки» кого-то оставляли со мною, за эту задержку и «посуду» полагалось полдня отгула.

Налили по стопочке знаменитых «корочек» и выпили за праздник, после этого ещё кто-то попрощался и ушёл, и остались Н.Г. Куркин, М.В. Демиденко, главный пожарник (тоже ветеран, не помню его фамилии, но прозвище его было «Фантомас» за абсолютное отсутствие волос на голове) и я. Хозяйка, как умная и деликатная русская женщина, не мешала мужчинам и в соседней комнате чем-то занималась. Однако, когда нужно было дать по горячей картофелине из термостата или пирожку, всегда оказывалась рядом. Налили по второй, и я спросил у Николая Григорьевича, почему первый орден Боевого Красного знамени у него привинчен, а второй — на ленточке. Он посмотрел на нас и спросил: «Как вы, мужики, не торопитесь?» Мы дружно ответили: «Нет».

— Ну, тогда слушайте.

Этот орден особенный. Было начало сентября 1941 года, после тяжёлого, со многими потерями «Таллинского перехода», — наверное, слышали или читали о нём, — весь Балтийский флот собрался в Кронштадте. Одни корабли стояли у стенки, другие на «бочках» или якорях на рейде. Было страшно тесно, а главное, стоим, — нет хода, нет манёвра. Немцы и во время перехода нас сильно бомбили, но теперь, по неподвижным кораблям, — «удержу не было». Оказывается (как писали потом), они перевели на прибрежные аэродромы Финляндии несколько эскадрилий бомбардировщиков с Запада, которые два года «обраба-

тывали» флот англичан и многому научились. Налёты на наши корабли шли волнами всё светлое время суток. Наши матросы-зенитчики говорили, что они стали узнавать «юнкерсы» не только по номерам, — даже физиономии некоторых фашистских пилотов им примелькались. И вот в один из таких дней в наш крейсер произошло прямое попадание в районе, где бак примыкает к башням главного калибра. Это далеко от машинного отделения, тут почти нет шума и вибрации, и поэтому здесь, прямо под верхней палубой, расположены каюты комсостава.

Произошёл редчайший случай, — бомба пробила палубу, но не взорвалась! Командир по громкой связи скомандовал: «Всем не занятым на вахте покинуть внутренние помещения и построиться на юте». Послали двух минёров из БЧ-3 найти бомбу. Они быстро вернулись и доложили, что бомба в такой-то каюте, трогать её они не стали, так как считают, что выносить её нужно только вертикально, причём, двоим по коридору и трапу не пройти. Тут все посмотрели на меня. Я был на корабле самым высоким. Мне шёл двадцать четвёртый год, был я в расцвете сил и, хотя специально в секции тяжёлой атлетики не занимался, но штангу иногда поднимал «приличную», да и «двухпудовку» выжимал много раз. За год до войны я окончил «Фрунзенку», был лейтенантом в должности вахтенного начальника.

Подзывает меня командир и говорит: «Ну, лейтенант, выручай, вся надежда на тебя, очень опасно, но деться некуда, — Родина требует!» Тут и старший доктор подходит и говорит: «Подождите минуточку, раз сразу не взорвалась, Бог даст, и не взорвётся. А «для храбрости» необходимо, — я уже послал в лазарет». Мне дают полстакана спирта. Я его «хлопнул», утёрся, снял китель, чтобы не мешал, и в одной тельняшке пошёл.

Нахожу нужную каюту, аккуратно вхожу и, — наверное, от волнения, — бомбу заметил не сразу. Вижу: потолок проломлен, торчат какие-то куски металла и дерева, посмотрел ниже, — вот она, проклятая. Бомба разрушила

шкафчик, полунадела на себя китель хозяина каюты и, наискось прислонясь к переборке, уткнулась в койку. Осмотрел её, она оказалась обильно вымазанной солидолом. Я не стал освобождать её от кителя, даже больше натянул его на неё, чтобы она не скользила. Обнял бомбу, приподнял, прижал её к себе, как любимую женщину, и понёс эту «сотку». На трапе было трудно, но я не надорвался и благополучно поднялся на палубу. Там уже организовали её приём, принесли поддон от снарядов главного калибра. На него я и положил осторожно бомбу. Вот эта-то операция и оказалась самой тяжёлой. Очень трудно было опустить такой груз медленно. Но всё обошлось. Дальнейшее взял на себя боцман: принесли жерди, подсунули их под бомбу, закрепили всё это «концом», и получились «носилки». Два матроса отнесли бомбу под стрелу. К этому времени уже спустили на воду шлюпку, и стрела опустила в неё бомбу. Подошёл вызванный тральщик, взял шлюпку на буксир и повёл её на внешний рейд.

Дальнейшее я не видел, но мне потом рассказали, что, отведя шлюпку с бомбой подальше от своих кораблей, обрезали буксировочный трос, удалились от неё метров на пятьдесят и расстреляли бомбу из крупнокалиберного пулемёта.

А пока всё это происходило, к нашему крейсеру примчался катер командующего. Экипаж уже был построен для торжественной встречи, прозвучал горн. На крейсер поднялся вице-адмирал В.Ф. Трибуц — командующий КБФ. Ему ещё в штабе доложили о «прямом попадании» и о неразорвавшейся бомбе. Командир крейсера докладывает, что бомбу вынесли и уже отправили, все живы, всё хорошо. Адмирал говорит:

— Правильно, что отправили подальше, молодцы. Покажите тех, кто выносил?

Командир отвечает:

— Вот он, лейтенант один справился, — и просит меня подойти.

Адмирал посмотрел на меня и сказал:

— Хорош! Ай да орёл! Богатырь и настоящий герой. Обожди минуточку, — и стал отвинчивать со своего кителя орден, говоря, — меня им за финскую наградили.

Отвинтил, протягивает его мне, подобрался весь и произносит:

— Военный Совет Краснознамённого Балтийского флота награждает лейтенанта, — как твоя фамилия? — Куркина Николая за проявленные героизм и мужество в борьбе с фашистскими захватчиками орденом Боевого Красного знамени. Держи! И чтобы это был не последний. От себя скажу, что буду гордиться тем, что ты носишь мой орден, а я буду носить твой. Дай, я тебя обниму и поцелую!

Тут пауза между налётами закончилась, по громкой связи прозвучало «Воздух!», адмирал скомандовал: «Вольно! Разойтись!» Мне подали опять полстакана спирта, я опустил туда орден, выпил и почувствовал, что «вырубаюсь»…

Мы сидели притихшие и поражённые тем, что мало знаем о своих знакомых, о тех, кто прошёл войну и уцелел. Поблагодарили Н.Г. Куркина за рассказ, допили «корочки» за его здоровье, за «орден Трибуца» и разошлись.

О том, каким умным и опытным руководителем был Николай Григорьевич, говорит такой полукомический факт.

Все помнят, как мы выходили в конце апреля на Ленинские субботники. Однажды в субботник радостный Куркин встретил нагруженный кирпичами грузовик, собрал с десяток мужиков и показал, у какой стены складывать кирпичи. В следующий субботник было собрано уже около двадцати мужиков, и мы «по цепочке» переместили эти кирпичи от стены в подвал. Ещё через год, опять в субботник, снова человек двадцать мужиков и таким же способом перенесли кирпичи из подвала к стене на их прежнее место и накрыли рубероидом. В очередной субботник, когда была проделана с

кирпичами уже знакомая процедура, я намекнул Н.Г., сколько же раз их можно таскать туда-сюда, и не лучше ли кирпичи истратить на что-то путное. Он строго посмотрел на меня, отвёл в сторону и сказал:

— Молодец, что обратил на это внимание, но молчи. Ты ведь видишь, с каким энтузиазмом их передают друг другу, а если бы их не было, чем бы я занял народ? Болтаться без дела в такой день — грех!

Вот таким был Н.Г. Куркин — умным, дальновидным, выдержанным, когда надо — твёрдым и принципиальным, когда можно — на многое «закрывал глаза». Я рад, что был знаком с ним, часто общался по службе и учился у него жизни.

Скончался Николай Григорьевич прямо за письменным столом, у себя в кабинете в одночасье от инфаркта. Смерть красивая, такой можно позавидовать, но случилось это рановато, мог бы ещё жить и работать. Светлая ему память!

А.А. Малахов

В декабре 1969 года начальник цеха К.Ф. Смирнов вдруг сказал, что «вклинилась срочная работа» (перемонтаж какого-то прибора). К ней был подключён лучший монтажник — Алексей Афанасьевич Малахов. Тогда ему было около 50-ти. В войну он служил на флоте, участвовал в трагическом «Таллинском переходе» Балтийского флота.

А.А. Малахов, которого все звали Афанасичем, приступив к работе, сказал, что придётся задержаться до семивосьми вечера. Он протянул Боре Гусарову рубль и попросил принести ему из буфета плюшку и пакет молока. Я попросил Борю и нам принести то же самое.

Пока Афанасич распарывал жгут, мы разговорились о недавнем убийстве президента США Джона Кеннеди. Вдруг Афанасич сказал, что в войну он был в США, и по нашей просьбе рассказал об этом.

К сентябрю 41-го на Кронштадтском рейде собрался почти весь Балтийский флот. Было очень тесно, а бомбёжки усиливались. Командование решило рассредоточить корабли. Часть их ввели в Неву и её рукава, откуда огнём своих орудий они помогали обороне города. Корабли, осадка которых позволяла пройти Невские пороги, направили в Ладогу, а более мелкие, которые могли пройти шлюзы Беломорканала, были отправлены на Север. Так наши сторожевики оказались в Северном флоте, где я и проходил дальнейшую службу.

В 42–43 годах число конвоев союзников всё увеличивалось. Наши корабли встречали их у Норвегии и сопровождали в Мурманск, Архангельск и даже в Енисейскую губу. Американцы наращивали выпуск транспортов «Либерти», и у нас стало не хватать кораблей сопровождения, хотя для них и были подготовлены «вторые экипажи» для более интенсивной эксплуатации плавсредств.

Когда Италия вышла из войны, то наши дипломаты договорились с союзниками, что вместо итальянских трофейных кораблей нам будут переданы фрегаты, серийно производившиеся в США. Меня направили на курсы подготовки экипажей для этих фрегатов.

К весне 44-го собрали 5–6 кораблей, небольшой танкер для дозаправки, посадили на них «новые экипажи» и направили через Атлантику в Норфолк. Поход был очень трудным из-за тесноты, ведь военный корабль не рассчитан на то, чтобы на нём помещался второй экипаж. Нас разместили в кают-компаниях, лазаретах, «Ленинских комнатах», в подсобках. Включить в нашу группу какое-нибудь судно для «народа» не получилось, — успех нашей операции строился на том, чтобы «крейсерский ход» всегда был 15–18 узлов. Необходимо это было потому, что две трети перехода лежали по акваториям, контролируемым «волчьими стаями» немецких подлодок. Наверное, наш переход сумели хорошо сохранить от немецкой агентуры, или нам повезло, но кроме нескольких одиночных

атак немецких лодок ещё в Северной Атлантике ничего больше не случилось.

Мы уже приближались к побережью США, как вдруг над нами появились самолёты и стали заходить на нас в боевом строю. Но бомбардировки не последовало, и мы шли до Норфолка даже в сопровождении катеров береговой охраны.

Вскоре мы начали осваивать их фрегаты, и нам рассказали, как всё население Восточного побережья натерпелось страха. Когда были обнаружены «дымы» наших кораблей, береговая оборона объявила тревогу, и во многих городах ввели затемнение.

Американцы показались нам работящими, рукастыми. Трудятся много и честно, но всё время боятся, как бы их не уволили, большие индивидуалисты. Зарабатывают хорошо, но живут почти все «в кредит», нам тогда трудно было это понять.

Фрегаты оказались хорошими кораблями — ходкими, маневренными... Стали собираться домой, все понемногу освоились с новой техникой, я был назначен командиром электромашинной группы БЧ-5. Наши «родные» и новые корабли дошли до Лабрадора, у берегов которого приняли для сопровождения в наши порты большой караван. Пришли в наши воды без особых потерь, были награждены. На этом «американце» я и закончил войну. Вот так я побывал в Штатах.

Мы поблагодарили Алексея Афанасьевича за рассказ и за работу.

Я записал ему новые сверхурочные и сказал, что пора уже тратить его 18 отгулов. Он ответил, что весной поедет в родную деревню, будет круглая дата кончины родителя. Подошло время, он написал заявление на отгулы и уехал. Но вскоре он вышел на работу, пояснив, что «в деревне у них одно расстройство». Вот что он нам поведал.

Третьего дня оказался я около правления колхоза и увидел лозунг, призывающий ударным трудом собрать урожай во столько-то центнеров зерна. Я машинально пересчитал эти цифры на пуды, и мне стало плохо. В наше время агротехники, селекции, удобрений, механизации поставлены такие низкие рубежи. Мы с покойными батькой и братом, с нашей тощей лошадёнкой на убогой делянке собирали в двадцатые годы ещё до коллективизации больше! И все соседские мужики так же. Что же такое на селе делается? Вернулся к племяннику и велел завтра же отвезти меня на станцию...

Очень грустно, что Алексей Афанасьевич одним из первых ветеранов цеха ушёл из жизни. На похоронах, после того как выпили по стопочке, ко мне подошёл один мастер участка и совершенно ошарашил, сказав, что Афанасич не использовал 42 дня отгулов. Ужасно думать, что если бы дорогой Афанасич умел отдыхать и не жил бы одной работой, которой был предан всей душою, то, может, годы его жизни значительно бы продлились.

* * *

После трёх лет работы в цехе я вернулся в свой родной отдел В.А. Скулябина. Но для коллектива цеха, для всех работавших в нём ветеранов войны и труда я остался своим, меня всегда приглашают на их юбилеи. Я чрезвычайно дорожу таким отношением и горжусь, что людям, столько повидавшим и пережившим на войне, было интересно со мной работать. Спасибо всем им за дружбу. Всем, кто ещё жив, желаю здоровья, а тем, кого уже нет, — светлая память!

СТАЛИНГРАДСКАЯ ИСТОРИЯ

Был у меня начальник Пётр Константинович К.

Что-то мы с ним не ладили.

Однажды он увидел меня на улице и предложил зайти к нему, так как он «добыл» килограмм сарделек. Мы зашли в магазин, купили бутылку водки и две бутылки пива.

Около его комнаты встретили его соседку. Он попросил её помочь нам накрыть на стол. У неё в это время варилась картошка…

Вскоре мы сидели за столом. К. стал рассказывать о войне. Принёс готовальню, в которой вместо чертёжных инструментов лежали медали. Я спросил, какая из них для него самая дорогая. Он показал на медаль «За боевые заслуги», которую получил первой. И вот что рассказал нам К.

Меня, совсем мальчишкой, призвали на Северо-Западе. Потом отправили в Сталинград. Это было в сентябре 1942 года. Стояла жуткая жара. С водой было плохо.

В то время Сталин дал приказ о создании заградотрядов, которые должны были не давать отступать.

Фронта в городе не было. Один дом у нас, другой у немцев. Даже было так, что один этаж наш, а другой их.

Однажды мы увидели, как по улице идёт колонна немцев, впереди музыканты, несут знамя… Идут открыто, видимо, совсем пьяные. Наши ударили из автоматов и пулемётов и сразу многих скосили.

А был такой обычай: наши бойцы ходили забирать у убитых автоматы Шмайссера, рожки с патронами и еду. Немцы носили с собой шнапс, шоколад, сигареты и другое.

Вот и я пошёл к той колонне.

Набрал всего и решил взять и знамя. Немец был большой, тяжёлый, еле вытащил из-под него знамя, на котором была изображена крупная свастика. Пришёл и свернул знамя…

Вскоре начался жуткий налёт на наш дом. И что-то меня заставило, сам не знаю что, развернуть знамя, выйти с ним и махать им.

И самолёты стали бомбить не нас, а дома за нами.

Так я делал несколько раз.

Потом из других рот стали просить: «Петька, помахай!» И это всегда помогало: бомбили не нас, а кто за нами.

Но вскоре особисты пристали к нам (доставаться-то стало больше заградотрядам): откуда у вас фашистское знамя и зачем вы им машете?

Нашего старшего лейтенанта и политрука забрали, начали расследование. С меня-то что возьмёшь! А наш старлей был опытным, мы его давно знали и любили…

Потом случилось такое.

Шли наши танки. Один из них подъехал к нашему дому. Из танка вышли офицеры в серой форме. А тогда знаки различия были не очень заметны. Один из них сказал, что у них отказала рация, и стал требовать нашего командира, чтоб тот дал ему рацию. Наш старшина, замещавший старлея (он был из Вологды, работал на лесоповале, бояться ему было нечего), сказал, что наш командир и политрук «сидят». Офицер стал расспрашивать. И старшина ему всё рассказал. А это был, оказывается, комдив, и он пообещал разобраться.

Через день наши командиры вернулись к нам. И всех нас, и меня, представили к наградам. Вот так я и получил свою первую медаль — «За боевые заслуги».

В те Сталинградские бои было много непонятного. Стояла жара. И кроме нехватки воды были проблемы с отхожими местами. Надо было ходить туда, где бы этому не «мешали». И тут мы обнаружили остатки стены, на которой можно сидеть, как в туалете. Этой стеной пользовались и мы, и немцы. И никто не стрелял.

Когда немцам приносили кофе в термосах, мы по ним не стреляли. Когда нам еду, не стреляли они.

А ещё К. вспомнил.

Под Ленинградом русская женщина подобрала раненого немца, совсем мальчишку, и лечила его. Он: «Зачем это делать? Ведь я — фашист!» Она: «Какой ты фашист! Ты ещё фашистёночек!»

СТОП-КАДР

Узнав, что готовится сборник, посвящённый светлой памяти НИК, решил немного написать о Ниночке Коршуновой, пришедшей в 1961 году молодым специалистом в нашу лабораторию 54 отдела В.А. Скулябина.

Василий Алексеевич многие годы преподавал в ЛЭТИ и был председателем ГЭК одного из факультетов. Он любил молодёжь, но в свой «молодой» отдел кого угодно не брал. Поэтому из ЛЭТИ приходили «кадры», которые уже выпускниками сумели ему «показаться».

Был конец июня. Пришла очень тёплая погода, что, как мы знаем, в Ленинграде бывает не часто. Мы с И.А. Ильиным любили футбол и часто на него ходили. И в этот день мы собирались на очередной матч. Были у нас и другие «слабости», — любили шахматы и в обеденный перерыв играли «пятиминутки» навылет. Когда в 514-ю комнату в перерыв пришёл сразиться Миша Глазов и услышал о том, что мы собираемся на стадион, он тут же сказал, что в такой тёплый, чудный день присоединяется к нам.

Все помнят, во всяком случае, те, кто занимался настройкой и отладкой аппаратуры, что раза два за день полагалось «проветривание». В три часа дня отключали всё, что можно, — пусть немного остынут приборы — открывали окна и двери, а сотрудники выходили из комнат покурить или передохнуть и расслабиться. Я, как некурящий, остался в коридоре и подошёл к двум приятельницам — Ниночке Коршуновой и Галочке Козьминой, стоявшим недалеко у стенки. Не скрою, я симпатизировал Галочке Козьминой, которая уже более года после окончания очень престижного Ленинградского энергетического техникума работала техником в соседней лаборатории Я.З. Цифриновича. Она была не ленинградка, из Нарвы (Эстония), где окончила школу, директором которой была её матушка (чрезвычайно видная и красивая женщина, которой я был

представлен через год-полтора на замечательной Галочкиной свадьбе). Я подозреваю, что у Галочки некоторый интерес ко мне возник, когда она случайно услышала от своей прежней учительницы, что уже несколько лет «две комнаты с верандой» в большом доме её родителей, живших в курортном городке Усть-Нарве, снимает на дачный сезон семья профессора Тимофеева из Ленинграда. (Да — «мир так велик и так тесен»…)

Действительно, покойный родитель очень любил Усть-Нарву. Дело в том, что во времена его юности, ещё до революции, его часто на лето «подкидывали» к состоятельным родственникам в Гунгенбург (так тогда называлась Усть-Нарва). И хотя от прежнего, по словам отца, осталось кроме залива и пляжа немного, но элементы «Европы» всё же ощущались в укладе жизни курорта.

Из естественной для женщин, особенно для учительниц, потребности посплетничать Галочка узнала о дачной жизни человека, с которым, оказывается, рядом работает. О прежней его жене (москвичке), приезжающей к сыну на лето. О приятелях и приятельницах самого, прямо скажем, непутёвого Андрея Владимировича, который привозит их на выходные. О бедной «героической» бабушке, которая всех принимает, размещает и целыми днями по выходным чистит рыбу и картошку и, самое удивительное, похоже, что искренне рада всем внукам, детям, родственникам и друзьям.

Конечно, это курьёзное совпадение подтолкнуло Галочку Козьмину подружиться со мной, и у нас быстро сложились очень хорошие, приятельские, даже доверительные отношения, которыми я дорожу и сейчас.

Ниночка Коршунова была из Латвии, из Риги. То, что обе девушки были из Прибалтики, прошли общежитие и скитания в поисках жилья, безусловно, сблизило их. Обе они были весёлые, умненькие, интеллигентные, хорошо сложены и недурны собой, начитаны, особенно Ниночка. Часто можно было видеть у них «Иностранку» или «толстые» журналы (ведь это были годы «оттепели»). Они были в

курсе театральной жизни Ленинграда, которая в начале 60-х была на подъёме. Особенно гремел БДТ Товстоногова. Правда, чтобы попасть в него, приходилось у «билетной дамы», которая записывала каждому в кредит им взятое, брать «нагрузку» — билеты в театры Комедии, Музкомедии, им. Комиссаржевской. Последний я любил, тогда там работали Алиса Фрейндлих, оба Дмитриева, старшие Боярские и другие интересные актёры. Галочка часто посещала филармонию.

Подойдя к девушкам, я стал что-то говорить о редкостном тёплом дне и упомянул, что мы втроём идём прямо с работы на футбол. Девчонки переглянулись и почти в один голос заявили: «Возьмите нас с собой! Мы в обед обсуждали, куда после работы податься — на Петропавловку или на «дикий пляж» — пустырь за Смольным». Я ответил, что их предложение просто замечательное, и Глазов с Ильиным наверняка будут очень рады. Девочки сказали: «Встречаемся у круглого стола, надо забрать сумки из камеры хранения».

От «Суворовского» добираться до стадиона им. Кирова было просто идеально. Прямо от нашего здания автобус № 65, да ещё и скоростной, довозил до площади Льва Толстого. Пройдя немного вперёд по проспекту мимо скверика с памятником А.С. Попову и перейдя на другую сторону Кировского проспекта, попадаешь на площадь, образованную началом проспектов Щорса и Левашовского. Именно отсюда в дни футбольных матчей отходили автобусы-«подвозки» к стадиону.

Как только мы спустились со ступенек нашего здания, подошёл автобус № 65. Через 15–20 минут мы были у «подвозки». И хотя уже стояла очередь на посадку, нам повезло — подошли сразу три автобуса, и последний из них остановился прямо напротив нас. Его водителю, наверное, скучно было ждать своей очереди, и он раскрыл все двери. Мы моментально вошли, да ещё и уселись у раскрытых окон.

«Подвозка» была хороша тем, что если от остановки штатного городского транспорта необходимо было идти до стадиона минут 20, то «подвозка» выгружала болельщиков прямо возле касс, рядом с трибунами. Нам в этот день во всём сопутствовала удача, — только мы оказались у касс, как администраторы, увидев, очевидно, насколько интенсивно валит народ, открыли ещё два окошечка. Повезло и с билетами, — нам достались места на любимый сектор с западной стороны, где сидишь спиной к солнцу. Как только мы поднялись на трибуну, нам опять повезло: недалеко от нас остановился грузовик, у него опустились два борта, и в кузове оказались столы с подносами, на которых были бутерброды, пирожки, булочки и т. п. Три молодухи в белых куртках разливали соки в картонные стаканчики и очень быстро обслужили нас. Пирожки были ещё тёплыми, и мы очень прилично подкрепились.

Матч удался, даже очень, — Завидонов с Дергачёвым быстро и уверенно овладели серединой поля. Длинными, адресными и острыми передачами регулярно питали шустрых зенитовских нападающих Льва Бурчалкина и Николая Рязанова. Те своими фирменными финтами и короткими передачами совершенно запутали защитников соперника и уже в первом тайме забили два гола. Во втором тайме стадион несколько раз приветствовал великолепные проходы с мячом по левому краю Васи Данилова. Один из них привёл ещё к одному голу. Соперник сумел отыграть только один мяч.

К всеобщему ликованию присутствующих матч закончился убедительной победой, и радостные болельщики «хлынули с трибун». Мы не хотели идти со стадиона в общем потоке и, не торопясь, выясняли, кому куда и как удобнее добираться. Оказалось, что девушкам, Мише Глазову и Ильину удобнее всего ехать через центр, через Невский, а туда быстрее всех привозит автобус № 45, кольцо его было напротив главных ворот ЦПКиО.

Я в те годы жил на Чёрной речке и со стадиона ходил пешком через ЦПКиО и по улице Савушкина. Поэтому мы

все пошли к кольцу автобуса № 45. Идти надо было довольно долго, вдоль гребного канала и с «левым уклоном». Шли, не торопясь, в превосходном настроении, весело обсуждая литературные и театральные новости и сплетни. Если идёшь этим маршрутом, то обязательно проходишь мимо пруда средней величины, но полноводного и довольно чистого, по которому даже лебеди плавали. Поравнявшись с этим прудом, мы обратили внимание на его красоту. И, наверное, под влиянием тёплого и душного вечера девушки, переглянувшись, выразили общее желание: «Давайте окунёмся!» Это было принято с энтузиазмом, и мы стали искать местечко поуютнее, перейдя на противоположный от дороги берег с кустами. Нашли замечательный участок берега с плотной травкой и песочком на дне, на глубине полуметра, чтобы удобно было выходить из воды. Девушки быстро юркнули в кусты и появились уже переодетыми в свои скромные трёхрублёвые из ситчика купальные «двоечки», в которых купалась молодёжь тех лет, и спустились в воду. Мы быстро последовали за ними, и все дружно обрадовались решению окунуться, — вода была замечательной!

Оказалось, что Миша Глазов очень хорошо плавает и разными стилями, отлично развит физически. Лебеди тактично ретировались в сторонку, а мы с большим удовольствием поплавали и совершенно ублаготворённые великолепным купанием стали «закругляться». Девушки, бодрые и радостные после купания, вышли на берег первыми и направились к сумкам, лежавшим на западном берегу пруда. Я, по натуре медлительный и «копуша», был ещё в воде и уставился на наших стройных и милых девушек. Галина нагнулась над сумкой, а Ниночка, не дойдя до неё, осталась на тропинке, что вела в прогалину между кустами, чтобы обсохнуть. Она стояла спиной к заливу, лицом ко мне, на фоне яркого июньского закатного неба, подняв руки к голове и поправляя волосы. Получилось, что я смотрел на неё несколько снизу и видел её во весь рост. Ниночка проецировалась в этой прогалине на сильно освещённом фоне. В этих поднятых руках и во всей её

стройной фигуре было столько спокойствия, грации, женственности и очарования, что я просто «остолбенел». Мне трудно описать ту естественность и тихую российскую нежность, которую излучала Ниночка. Довершая прелесть этой сцены, пара лебедей, ничем не выдавая своё движение по воде, медленно и бесшумно вдвинулась в этот «стоп-кадр», подчёркивая всю его поэтичность…

Прошло более сорока лет, но я не могу забыть очарование этого момента, и силуэт Ниночки Коршуновой, поправляющей волосы на фоне яркого-яркого заката, остаётся для меня символом грации и женственности.

Прошу простить за многословие, описание деталей, обстановки и т. п. Мне хотелось попробовать передать «атмосферу тех лет», ведь НИК жила именно в эти времена и стала настоящим представителем нашей интеллигенции.

* * *

«Служебная судьба» сложилась так, что мне не довелось потом «пересекаться» по работе с Ниночкой, — я всегда работал на «аппаратурщиков», а она довольно быстро стала работать на «системщиков». В дальнейшем виделись редко и мельком.

Вскоре в наш 54 отдел пришёл, тоже из ЛЭТИ, Эдик Никулин. Он быстро зарекомендовал себя прекрасным инженером. В.А. Скулябин очень ценил и даже, можно сказать, любил Эдуарда Сергеевича, выдвигая его и поручая ему сложные и ответственные работы.

Но самое главное, — Ниночка Коршунова и Эдик Никулин встретились и стали настоящими и нераздельными «половинками» друг друга на многие годы…

Как время бежит, — особенно в старости, — я последний раз видел Ниночку в апреле 1990 года на юбилее Эдуарда Сергеевича в ресторане «Метрополь», где она великолепно открыла банкет.

Светлая ей память.

6 февраля 2006,
Санкт-Петербург

Дополнения

В этом рассказе А.В. Тимофеев упомянул две незаурядные личности из 20-го века, — своего отца В.А. Тимофеева, профессора, преподававшего в ЛЭТИ, и В.А. Скулябина, начальника отдела, в котором начали трудовую деятельность все герои этого «стоп-кадра».

С согласия автора рассказа ниже приводятся два «дополнения».*

Владимир Андреевич Тимофеев

Когда встречаемся с А.В. Тимофеевым, всегда невольно вспоминаю известного рассказчика Ираклия Андроникова, — так увлекательно Андрей Владимирович повествует об истории своей семьи и о «покойном родителе» — профессоре В.А. Тимофееве. Воспроизвести детали трудно, но помогла книга В.Б. Яковлева «Мои воспоминания» (СПб., изд. СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2005). Книга была подарена её автором А.А. Шалыто, который и посоветовал привести выдержки из неё.

* * *

В.А. Тимофеев родился в 1897 году в Тамбове в семье архитектора-художника. В 1906 году семья переехала в Петербург, где В.А. окончил в 1906 году реальное училище и поступил в Электротехнический институт императора Александра III (будущий ЛЭТИ).

В 1916 году В.А. был направлен в действующую армию помощником командира телеграфной роты. С 1917 года В.А. продолжает учёбу в ЭТИ и работает в «Опытовом бассейне» морского ведомства под руководством будущего академика А.Н. Крылова.

---

* Второе дополнение, о Василии Алексеевиче Скулябине, включено в первый рассказ этой книги.

После окончания ЭТИ (с золотой медалью) он остаётся в нём и в 1926 году становится доцентом. В 1928 году, находясь в зарубежной командировке, изучает электровозостроение ведущих западных фирм.

В 1928–1942 годы заведует кафедрой, становится профессором, затем деканом электрофизического факультета ЛЭТИ и зам. директора ЛЭТИ по научной и учебной работе.

В 1942 году власти «припомнили» В.А. избрание его почётным членом Немецкого общества инженеров-электриков, и он был по «делу тринадцати ленинградских профессоров» приговорён к расстрелу, «милостиво» заменённому ГУЛАГом. В 45–49-х годах В.А. работал в «шарашке», о которой рассказал А.И. Солженицын в романе «В круге первом». Лишь в 53-м В.А. вернулся на свою кафедру…

…Он производил на всех большое впечатление своей классической профессорской внешностью с острой седой бородкой и усами в стиле английского короля Георга V. Его отличало и поведение, которое было естественным и необычно раскованным для того времени…

Его выступления всегда были очень интересными и украшали процедуру заседаний совета. Иногда он вызывал всеобщее восхищение и своими поступками. Так, находясь в другом городе, он из своих средств обеспечивал жильё и пропитание нуждающимся студентам, проводил со студентами свободное от работы время, играл на гитаре и пел старые дореволюционные студенческие песни. Весьма необычными и интересными были и его рассказы о том, как он отбывал заключение в сталинских лагерях, жил в ссылке, о его студенческих годах…

* * *

Бывая «по случаю» в ЛЭТИ, всегда захожу в «ректорский коридор» посмотреть на портреты «значимых» для нашей alma mater учёных-преподавателей. Среди них выделяется своей «классической профессорской внешностью» Владимир Андреевич Тимофеев…

Вместо послесловия

Эпиграфом для этой книжки взяты слова А.С. Пушкина:

Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток…

А для обложки — С. Есенина:

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник —
Пройдёт, зайдёт и вновь оставит дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом.

Да, «свой длинный развивает свиток…»

На этом свитке лики тех, о ком можно было что-то написать. А ещё больше тех, чей облик память сохранила только в виде наброска. Но каждый из них — личность…

Однажды на дачном участке долгой ночью поздней осени мне в голову пришли строки:

По потолку метутся блики
Огня в печи,
Как будто лики
Чьи-то…
И это — было, было, было…
Как краток путь реки
От марта до зимы…

И опять Есенин:

Жизнь моя, иль ты приснилась мне,
Будто я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне…

А ещё колоколом слова Нины:

Забыть былое людям не дано…

Хорошо бы подписать к печати 31.12. 2020!

Именной указатель

Андроников И.Л. 132
Апухтин А.В. 118
Артюхов В.Л. 36, 96
Астров В.В. 69, 122
Ахиллес 64

Баграмова Ю.Э. 56, 62, 64
Бакша О. 134
Баринов В.А. 18, 41
Барсукова М. 94
Белозерский Портос 118
Бобров И.К. 108, 109
Бокатов Ю.И. 68
Братчикова З.Н. 118
Брежнев Л.И. 62
Брядов Ю. 43, 44
Бубенников С.Л. 58, 59, 62, 64
Буйневич 70
Бурчалкин Л. 158
Быков Р. 10

Ванюшкин Ю.А. 76, 118
Варламов А.В. 85, 86
Викторов В. 38, 39, 41
Винер Норберт 78
Власов Ю.Н. 95
Войтецкий В.В. 51–54, 70, 107, 124, 125
Волков А.Н. 94
Ворчаков М.Т. 31, 32, 92–97
Ворчакова Э.С. 96
Высоцкий В.С. 113, 121

Гагарин Ю.А. 110
Галич Г.Е. 62, 65
Гамзатов Расул 74
Гегелева Н.И. 62, 65
Гейне 25
Генкин (адмирал) 93
Георг V 162
Геркулес 64
Герман Анна 39, 40
Гершт Л.Н. 123
Гетман Е.А. 118

Гёте 25
Гиннес 83
Гирчиц Л.А. 136
Глазов М.Н. 10, 16–22, 48, 101, 122, 134, 155, 157–159
Гнатко А.И. 124
Голованова Л.Д. 17, 85, 116, 118
Гомер 56, 64
Горбачёв М.С. 62
Горелик Н. 39
Горшкова Т. 136
Григорьев Г.А. 21, 72, 74
Гумилёв Л.Н. 26
Гурвич В.Ю. 122, 123
Гурлев С.А. 94
Гусаров Б. 149

Даль В. 98
Данилов В. 158
Дедюшин А.А. 58, 59, 61–62
Демиденко М.В. 145
Демченко О.П. 35, 36, 94, 114, 123
Дергачёв 158
Добрецов Ю. 38
Донцов Н. 102
Достоевская А.Г. 117

Ева 74
Евстафьев К.М. 136
Есенин С.А. 163

Жуковский В.А. 25

Завидонов 158
Зевс 64
Зильберман И.Я. 118
Зоммер Г.В. 63, 69, 72, 73, 76–91, 98
Зорина Е.А. 115, 123

Иванов Е.А. 136
Ильин И.А. 16, 58, 63, 134, 135, 155, 157–159
Ильф И. 47
Ионин Д.Р. 68, 69, 73

К… П.К. 153–154
Калашников М.Т. 108
Калинин Л.Л. 101–106
Карпачевский Д.З. 25
Кеннеди Джон 49, 149

Киров С.М. 157
Киселёв В.В. 124
Киселёв В.Н. 123
Кобзон И. 104
Ковалёв С. 83
Козлов В.И. 124
Козловский Б.И. 27–34, 93, 94, 143
Козырев Н. 29
Козьмина Г.И. 133–135, 155, 156, 159
Колмыков Е.В. 56–65, 99, 118
Колпаков А. 58, 59
Комиссаржевская В.Ф. 157
Комова В.В. 62
Копейкин Г.А. 36, 96, 112
Корчанов В.М. 125
Коршунова Н.И. 6, 8, 11, 12, 14, 17, 18, 21, 23, 24, 34, 39, 41, 42, 48, 53, 56, 57, 62, 63, 66, 68, 73, 81, 85, 89, 91, 107–112, 113–127, 130, 134, 155–160, 163
Коршунова П.М. 118
Костылев К. 62, 65
Котляр Р.Н. 123
Котляров В.В. 25–26
Красин А.К. 30
Крупеников В.Б. 113, 118
Крупская Н.К. 53
Крылов А.Н. 4, 6, 8, 10, 11, 16, 27, 28, 31, 95, 113, 128, 161
Крылов И.А. 49–50
Ксенофонтов И.Ф. 136
Кугушев А.З. 122
Куликова И.И. 118
Куркин Н.Г. 142–149
Курченко Л.М. 118
Куц Н.П. 93
Куцаков Л.И. 93
Кучумов В.Н. 62

Лавров П. 140
Лащевский Д. 58
Ленин В.И. 18
Лермонтов М.Ю. 25
Лецкий А.Л. 144
Липанов В.А. 19
Литвинов В.И. 50
Лубанов Ю.Я. 122

Макаревич А.А. 68–75, 81–83
Макаревич Г.М. 73
Малахов А.А. 136, 149–152
Малетин В. 10, 101

Малов Б.П. 29
Мануйлов 50
Маслов А.Г. 136
Мендельсон О.Е. 16
Мильский А.И. 35–37
Митрофанов А.В. 76
Митрофанова О.А. 115, 118
Михалёва Л.Д. 118
Монокрович А.Э. 12
Морозов Павлик 62

Назарова Л.Я. 21
Нахимов В.Н. 95
Некрасов Н.А. 77
Нименский Ю.И. 40–41
Никитин В.И. 58
Никитин Г.И. 18, 107–112, 123
Никифорова Р.Ф. 23–26
Никулин В.Э. 115
Никулин С.С. 113, 118
Никулин С.Т. 118
Никулин С.Э. 115, 116
Никулин Э.С. 3–5, 8–11, 17–21, 33, 53, 57–66, 85, 118, 120–122, 128–129, 160
Никулина Д.В. 118
Носов Е.Е. 69, 70

Обуховский С.А. 19, 60
Овечкин Ю.Д. 94
Окуджава Б. 21, 53, 61
Отс Г. 30
Охроменко Ю.А. 62, 65

Павлов Н.Н. 58
Панков Е.В. 27–30
Панов В.В. 93
Пастернак Б. 51
Пахоменков Ю.М. 56, 62–65, 69, 70
Пашкова Е.М. 121
Пашкова Н.М. 121
Пентехин А.В. 136
Петров Е. 47
Подгорова Н.Н. 62
Попов А.С. 157
Пушкин А.С. 1, 103, 163

Рамзаев С.В. 136
Рильке М.Р. 51
Румянцев О.Б. 93
Рягузов В.Н. 95
Рязанов Н. 158
Рязанов Э.А. 38

Савушкин А.П. 158
Салениек А.А. 48
Салениек Т.И. 48, 121
Салин О.А. 49–50
Сарафанов И.А. 95
Сермус А.Э. 115, 118
Сидоров П.П. 19, 20, 57
Сидоров (адмирал) 43
Сизов Н.Н. 31, 32
Скачков А.Н. 46–47, 96
Склярова Е.П. 118, 120
Скулябин В.А. 7–16, 38, 43, 56, 101, 113, 128, 136, 152, 155, 160, 161
Скулябин Владимир 12
Скулябина Анна 12, 13
Слёзкин Л.Е. 71, 73
Смирнов В.Б. 56, 62, 64, 65
Смирнов К.Ф. 136, 138–142, 149
Соколов Вадим. 69
Соколов В.А. 38–45, 62
Соколова Г.С. 41, 42
Соколова О.И. 94
Солжен Алекс 118
Солженицын А.И. 162
Сотрудница 118
Спиридонов Ю.И. 109
Сталин И.В. 63, 158
Старынкевич Д.С. 50
Строчкова Н.Г. 115, 119
Суворов А.В. 64
Сухач Н.Н. 58, 60–61

Твардовский А.Т. 86
Тимофеев А.В. 2–4, 7, 8, 11, 15, 43, 119, 126, 128–134, 156, 161
Тимофеев В.А. 156, 161–162
Тихомирова Л.В. 62, 65
Товстоногов Г.А. 157
Толстой Л.Н. 12, 157
Трибуц В.Ф. 147, 148
Трусов В.А. 39–40
Тютчев Ф.И. 105

Ухалкин И.И. 98–100

Федосеев А.В. 62, 64, 65
Федосеева Е.В. 62
Фёдоров В.П. 46–48
Финн Алла 24, 114
Фишман Л.М. 36
Фрейндлих А.Б. 157
Хан Вольфрам 119
Хан Сусанна 119
Хаустова Н.А. 103, 106, 119
Хозанов Г. 119
Хольгерсон Нильс 119
Христос Иисус 62
Хромчиков А.В. 62

Цифринович Я.З. 16, 155
Цукерман И.И. 78
Цуреф А.Г. 16

Чемерис Н.Б. 94
Черныш В.Н. 119
Чимит 78

Шалыто А.А. 18, 35–37, 53, 96, 109, 112, 126, 161
Шамиссо А. 89
Шаров И.И. 136
Шаровин А.И. 136
Шашева Л.С. 62, 65
Шекспир 117
Шепелев Г.И. 136
Шестовец Ю.И. 102
Широков А. 50
Шифрин М.Ш. 28, 96
Шмаков М.В. 56, 62–66, 119, 120
Шумилова Т. 62
Шунов И.Д. 119

Щорс Н.А. 157

Яковлев А.Н. 69
Яковлев В.Б. 161

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя 2

Э.С. Никулин.
«Забыть былое людям не дано…» 5

«Понимаете ли…»
Василий Алексеевич Скулябин 7

«Работать с Вами — это честь…»
Михаил Носонович Глазов 16

В снах о долгах.
Раиса Фёдоровна Никифорова 23

«Письма надо писать так…»
Борис Иванович Козловский 27

«Мозги нужны!»
Андрей Ильич Мильский 35

Соколик.
Виктор Александрович Соколов 38

Крепкий хозяин.
Василий Петрович Фёдоров 46

Инноватор.
Освальд Андреевич Салин 49

Три контакта с В.В.В.
Витольд Витальевич Войтецкий 51

О моём дипломнике.
Евгений Викторович Колмыков 56

«Да пошли они!»
Анатолий Андреевич Макаревич 68

Двое в лодке, не считая собаки.
Генрих Викторович Зоммер 76

«Ты меня увековечил…»
Михаил Трофимович Ворчаков 92

«Меня уже не переделаешь…»
Игорь Иванович Ухалкин 98

Поэт Лекало.
Леонид Леонидович Калинин 101

«С Гагариным почти «на ты»…»
Геннадий Иванович Никитин 107

«Стёжки-дорожки».
Нина Ивановна Коршунова 113

Ярославская история.
Андрей Владимирович Тимофеев 128

А.В. Тимофеев.
Вспоминая былое… 131

«Пусть нам давно не восемнадцать…» 133

Дополнение 134

Н.И. Коршунова. Записка Галине Козьминой в роддом ..... –

И.А. Ильин. «О, если бы…» 135

Три новеллы о ветеранах 136

К.Ф. Смирнов ..... –

Н.Г. Куркин 142

А.А. Малахов 149

Сталинградская история 153

Стоп-кадр 155

Дополнения 161

Владимир Андреевич Тимофеев ..... –

Вместо послесловия 163

Именной указатель 164

Эдуард Сергеевич Никулин
Андрей Владимирович Тимофеев

Л И К И из 2 0 - г о В Е К А

Редактор и издатель
Э.С. Никулин

Издание подарочное.
Продаже не подлежит.

Подписано к печати с оригинал-макета 31.12.2020.
Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 6,0.
Тираж — 25 экз.

Издательство «Мозаика НК»
mozaikank@mail.ru

Отпечатано средствами оперативной полиграфии в ООО «ЭлекСис».
190013, Санкт-Петербург, ул. Верейская, 25.

172